

Войсковая часть 33965

ЛУБЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2024

УЧАСТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОЙНАХ
И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ XX СТОЛЕТИЯ.
К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Сборник материалов XXVIII научно-теоретической
конференции «Исторические чтения на Лубянке»
Москва, 29 ноября 2024 г.

УДК 94 (47).08

Москва 2025

Под общей редакцией А.Ю. Попова
Научный редактор: Н.С. Кирмель
Составитель: А.И. Хрисанов

Лубянские чтения – 2024. Участие отечественных органов государственной безопасности в войнах и военных конфликтах XX столетия. К 80-летию Великой Победы: сборник материалов XXVII научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». Москва, 29 ноября 2024 г. / Войсковая часть 33965. М., 2025. 314 с.

В сборнике представлены материалы XXVIII межведомственной научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке» на тему «Участие отечественных органов государственной безопасности в войнах и военных конфликтах XX столетия. К 80-летию Великой победы». В сборнике освещаются различные аспекты деятельности органов безопасности в Русско-японской, Первой мировой, Советско-польской, Великой Отечественной и других войнах и военных конфликтах.

Материалы конференции предназначены для специалистов-историков, сотрудников и ветеранов силовых ведомств, а также для читателей, интересующихся историей России, отечественных органов и войск государственной безопасности.

© Авторский коллектив, 2025
© Войсковая часть 33965, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Медведев С.В. Документы Департамента полиции об иностранцах в годы Русско-японской войны (1904–1905)..	6
Рыжова Ю.В. Роль губернских жандармских управлений в обеспечении государственной безопасности накануне и в годы Первой мировой войны в Западных губерниях Российской империи.....	15
Лукьянчикова Л.В. Борьба с терроризмом в Великом княжестве Финляндском на рубеже XIX – XX столетий до Первой мировой войны: историко-правовой аспект.....	21
Кирмель Н.С. Особенности формирования агентурного аппарата КРО на театре военных действий в годы Первой мировой войны.....	30
Соколов А.С., Фатеев А.А. Особенности становления правового статуса сотрудников органов Всероссийской чрезвычайной комиссии в годы Гражданской войны.....	40
Сорокина Л.М. Роль органов госбезопасности и внутренних дел в деятельности общественных объединений в годы Гражданской войны (1917–1920-е гг.).....	47
Хрисанов А.И. Мобилизационная подготовка в органах государственной безопасности РСФСР–СССР (1918–1941 гг.).....	55
Машко В.В., Тужилин С.В. Участие отечественных органов государственной безопасности в Советско-польской войне 1919–1921 гг.....	62
Мамаев И.С. О «благотворительной деятельности» Американской администрации помощи	71
Мозохин О.Б. Противодействие ОГПУ-НКВД СССР агрессивной политике Японии на Дальнем Востоке страны в 1930-х гг.....	82
Мышкин А.А. Участие ГПУ-ОГПУ СССР в специальных операциях Советского правительства на территории сопредельных стран.....	94
Новикова Ю.В. Население советского приграничья как объект агитационно-пропагандистской работы (на примере Северо-Западного региона СССР.....	101
Демидов А.М. Участие оперативных групп органов государственной безопасности СССР в освобождении Западной Украины в 1939 г.	106

Мусин Ф.С., Гольцова В.А. Деятельность резидентуры «Форт» в организации одесского подполья (1941–1942 гг.).....	117
Краско Г.Г. Борьба с антисоветским вооруженным подпольем на территории Белорусской ССР в 1944–1945 гг.: причины, особенности, нейтрализация.....	123
Пилипенко Ю.В. Участие Балаклавской школы младшего начсостава сторожевых катеров Учебного отряда Черноморского флота в Великой Отечественной войне.....	128
Попов А.Ю. Роль резидента НКГБ «Канской» в ликвидации гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе.....	134
Семёнов Б.М. О деятельности советской внешней разведки в 1941–1943 гг.....	138
Корниленко А.В. Истребительные батальоны НКВД–НКГБ СССР: история создания и применения.....	150
Лиманский А.В. Участие кадрового состава пограничных войск по руководству воинскими формированиями действующей Красной армии в годы Великой Отечественной войны.....	155
Верешков И.Н. Деятельность разведывательно-диверсионных резидентур 4-го Управления НКВД-НКГБ СССР на Крымском полуострове в период немецко-фашистской оккупации.....	163
Баранов В.Н. Разведывательные органы советского Дальнего Востока и Забайкалья в годы Второй мировой войны.....	171
Марутин А.Г. Практика применения войск НКВД по ликвидации бандитского подполья на освобожденных территориях республик Северного Кавказа и Кубани в 1943 г.....	178
Бандурин С.Г. О двойных стандартах в деятельности польской дипломатической службы на территории СССР в годы Великой Отечественной войны.....	189
Фролов М.А. Борьба УКР «Смерш» с агентурой противника на участке 1-го Прибалтийского фронта (январь-август 1944 г.).....	195
Гашенко В.А. Борьба органов госбезопасности с молодежными террористическими организациями в годы Великой Отечественной войны.....	200
Пономаренко А.А. Розыск агентов противника органами советской военной контрразведки в ходе Крымской наступательной операции 1944 г.....	205

Фомин А.А. К вопросу о роли отдельных нормативных правовых актов органов государственной безопасности в системе государственно-правовых мер по предупреждению коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны.....	212
Селунская Е.А. «Хранить в архиве УКГБ вечно»: документальные материалы о Героях Советского Союза Фрице Шменкеле и Николае Горячёве.....	221
Григоренко А.А., Хитин М.С. Из истории харьковского судебного процесса 1943 г. (по итогам расследования военных преступлений немецко-фашистских захватчиков на территории Украинской ССР).....	231
Маковский А.В., Малов А.А. Военные преступления немецко-фашистских оккупантов по геноциду советского народа на территории полуострова Крым в 1941–1944 гг.....	237
Шабалина О.А. Анализ автобиографических материалов сотрудников Смерш (на основе модели качественного социологического исследования системы ценностей «советского» человека).....	246
Иванова Т.В., Морозов А.И. К вопросу об установлении границы СССР с Японией в 1945–1947 гг. особенности охраны границы на новых рубежах.....	251
Жук Д.Д., Шерстнёв Е.Е. ФБР и советская разведка в 1945–1947 гг.....	257
Ковганов С.Я. Особенности обучения сотрудников в системе МГБ СССР (на примере Новосибирской межкраевой школы МГБ СССР).....	267
Хлобустов О.М. Некоторые уроки участия органов КГБ СССР в оказании интернациональной помощи Демократической Республике Афганистан (1978–1982 гг.).....	276

С.В. Медведев
г. Москва

Документы Департамента полиции об иностранцах в годы Русско-японской войны (1904–1905 гг.)

Наблюдение охранных структур Российской империи за иностранцами в годы войны неоднократно становилось предметом внимания исследователей. В основном работы историков посвящены условиям содержания пленных и перемещениям японцев, китайцев и корейцев, проживавших в начале 1904 г. на Дальнем Востоке¹. Отдельное направление научного поиска – труды о восприятии российским обществом образа врага в публицистических произведениях². В 2020 г. кандидат исторических наук В.А. Пылькин опубликовал интересную монографию в двух частях об иностранцах в Российской империи в годы Первой мировой войны³. Несмотря на то, что исследование В.А. Пылькина посвящено другому периоду и в нем нет информации о японцах или китайцах, читатели могут ознакомиться с данными большого количества источников – газет, писем, воспоминаний, документов органов местного самоуправления. Нередко антигерманская риторика в 1914–1917 гг. была идентична по содержанию антияпонскому дискурсу в 1904–1905 гг. Так, В.А. Пылькин сообщает в своей монографии о том, что «в годы войны российские газеты писали о всесторонней зависимости российского трамвайного дела от германского капитала»⁴. Подобным образом в период, предшествовавший войне, японский капитал активно проникал на Дальний Восток посредством организации разветвленной сети розничных магазинов. Особенно много таких магазинов было во Владивостоке⁵. Торговая экспансия Японии вызывала беспокойство российских публицистов. К примеру, консервативный журналист М.О. Меньшиков писал в декабре 1902 г.: «Другие народы и государства... уже не верят в стремительный бег России и уже не сторонятся и не дают ей дороги. Совсем напротив, – они склонны со всех сторон загораживать нам малейшее движение – и на Дунае, и на Босфоре, и в Пер-

сии, и в Афганистане, и в Маньчжурии, и в Желтом море. Отовсюду на нас глядят эти «другие народы» с великим любопытством, иногда даже прямо подозрительным»⁶.

Разумную бдительность по отношению к иностранцам проявляло не только российское общество, но и представители местной администрации. 30 сентября 1905 г. исполняющий должность Пермского губернатора А.П. Наумов писал в Департамент полиции (ДП): «С марта месяца 1904 года и до последнего времени с Дальнего Востока в Пермскую губернию высылались желтолицые разных национальностей – японцы, китайцы, корейцы для содержания их в назначенных им, по распоряжению губернского начальства, местах водворения под наблюдением полиции»⁷. О высылке японцев, корейцев и китайцев с территорий, на которых находились военные подразделения перед отправкой на фронт, писал на имя императора министр внутренних дел П.Н. Дурново в октябре 1905 г., уже после окончания войны: «По возникновению войны с Японией, в начале 1904 года, из района действовавшей армии, по распоряжению главного военного начальства армии, были удаляемы лица желтой расы (японцы, китайцы и корейцы), пребывание коих в местностях нахождения армии признавалось нежелательным. Лица эти передавались в ведение гражданских властей, причем по распоряжению Министерства внутренних дел для водворения их были назначены губернии: Пермская и Вологодская и южные уезды Архангельской губернии, частью же такие лица находились и в других местностях проездом или попадали туда случайно, как например, в губерниях Новгородской, Полтавской и Харьковской»⁸. Высылка иностранцев из дальневосточных и сибирских губерний была настолько спешной и неподготовленной, что сотрудники Управления строящейся Забайкальской железной дороги были вынуждены обратиться к министру внутренних дел В.К. Плеве в первые дни Русско-японской войны с просьбой отсрочить санкции в отношении работающих на строительстве путей китайцев. В.К. Плеве, реагируя на запрос, отправил телеграмму наместнику императора на Дальнем Востоке генерал-адъютанту и адмиралу Е.И. Алексееву: «Управление Забайкальской железной дороги ходатайствует об оставлении китайских рабочих на работах по доставке на железную дорогу топлива хотя бы

до 6 февраля ввиду невозможности замены их русскими. Удовлетворив эту просьбу по Иркутскому генерал-губернаторству относительно тех китайцев, ответственность за коих железнодорожное начальство берет на себя, означенное ходатайство в отношении Забайкальской области сообщаю на усмотрение вашего высокопревосходительства»⁹. По всей видимости, Е.И. Алексеев согласился на отсрочку и 29 января 1904 г. министр внутренних дел В.К. Плеве сообщал на имя товарища министра путей сообщения В.А. Мясоедова-Иванова о том, что китайским рабочим разрешено трудиться до 6 февраля 1904 г.¹⁰ Тривиальная отсрочка высылки китайцев на неделю вызвала оживленный обмен телеграммами между руководителями трех правительственных учреждений.

21 марта 1904 г. начальник Забайкальского жандармского полицейского управления железных дорог полковник И.И. Бырдин адресовал начальнику работ по строительству Кругобайкальской железной дороги условия, в соответствии с которыми он мог принимать на работу китайцев: «Допущение на работу китайцев, высланных из Хайлара, в пределы Сибирского военного округа (СибВО) и Иркутского генерал-губернаторства – отклонено. Что же касается допущение их на работы в пределах Забайкальской области, то это зависит от желания военного губернатора и при условии соблюдения следующих правил: к партиям рабочих китайцев должен быть приставлен военный караул при наблюдении жандармов, назначенных мной и введена относительно этих китайцев утренняя и вечерняя перекличка»¹¹.

На пути следования перемещаемых иностранцев происходили незапланированные ситуации. 12 апреля 1904 г. министр внутренних дел В.К. Плеве писал командующему СибВО генерал-лейтенанту Н.Н. Сухотину: «Иркутский генерал-губернатор телеграфирует: японцев, скопившихся в Лиственничном, возможно временно задержать в Иркутске, Красноярске, под строгим военным караулом, если военное ведомство найдет помещения, каковых распоряжений у графа Кутайсова нет. Благоволите телеграфировать графу Кутайсову и мне – имеются ли такие помещения»¹². В дальнейшем предполагалось переселить японцев из Сибири в европейские части Российской империи. По этому поводу В.К. Плеве сообщал Н.Н. Сухотину в Омск: «Эвакуация Сибири от японцев (так в тексте – С.М.) представляется желательной. Представлялось бы

необходимым ставить их в положение, вынуждающее направляться в Европейскую Россию. Для облегчения надзора за их переездами возможно установить передвижение их группами. В отношении японцев и китайцев, навлекающих подозрение в смысле возможности ожидать от них каких-либо опасных действий, надлежит поступать, как с неблагонадежными иностранцами»¹³.

Император Николай II в самом начале войны отдал распоряжение губернаторам предоставлять ему ведомость о числе и месте водворения военнопленных и перемещенных мирных японцев и китайцев. Губернаторы отправляли данные в ДП, его сотрудники составляли сводную таблицу и передавали ее в распоряжение министра внутренних дел. К примеру, в 1905 г. вице-директор Департамента полиции П.И. Рачковский телеграфировал управляющему Архангельской губернией С.С. Хрипунову: «Телеграфируйте ежемесячные сведения о желтолицых»¹⁴. В ответ С.С. Хрипунов несколько раз направлял в ДП однотипные телеграммы: «Желтолицых в Архангельскую губернию в октябре вновь не прибывало»¹⁵. Более интересные телеграммы составлял енисейский губернатор Н.А. Айгустов. В июне 1905 г. он оповещал Департамент полиции о проследовавших через губернию военнопленных и мирных иностранцев: «С 28 апреля по 28 мая через Енисейскую губернию проследовало военнопленных японцев – 211, кореец – один, мирных желтолицых – 27, в том числе корейцев – 12, китайцев – 14 и один индус. Все отправлены в Европейскую Россию»¹⁶. Степной генерал-губернатор Н.Н. Сухотин сообщал более подробно о логистике перемещений военнопленных: «Пленные и водворенные с Дальнего Востока желтолицые временно размещаются в Томске. Затем пленные, согласно предположению военного министерства, будут передвинуты по железной дороге в Пензу, прочие же направляются водным путем в Тобольск и Тюмень, а оттуда железной дорогой в Пермь. На 31 июля в Томске находилось: 319 военнопленных, из коих 68 офицерского звания и 251 нижних чинов; не пленных желтолицых 1068»¹⁷.

В документах ДП встречаются упоминания о том, что некоторые японские подданные могли освобождаться от надзора и высылаться из страны без объяснения причин. В августе 1904 г. 2-е де-

лопроизводство Департамента уведомляло пятое о том, что «Министерством внутренних дел разрешено 136 водворенным в Перми японским подданным выехать в Берлин»¹⁸.

Сотрудники Морского министерства, которые согласно распоряжению императора, также были обязаны предоставлять ежемесячные сведения о военнопленных, тяготились этими обязанностями. 28 августа 1904 г. начальник Главного морского штаба (ГМШ) вице-адмирал А.А. Вирениус сообщал в ДП: «На запрос о точных цифровых данных касательно военнопленных, захваченных в морских боях, сообщаю: 8 офицеров, 56 офицерского звания, 4 англичанина, 261 простого звания в том числе 18 матросов военного флота. Означенное число взято отрядом Владивостокских крейсеров. Главный морской штаб не может не обратить внимания Департамента полиции, что представление ежемесячных ведомостей с указанием места водворения военнопленных, захваченных в морских боях, представляет большие затруднения для Главного морского штаба, так как на основании Высочайше утвержденного в 13 день мая сего года «Временного положения о военнопленных Русско-японской войны» все военнопленные, в том числе и взятые морскими силами, переходят в заведывание военного сухопутного начальства и ускользают от контроля военноморских чинов»¹⁹.

Офицеров ГМШ волновали не только проблемы с учетом военнопленных. 1 ноября 1904 г. заместитель начальника ГМШ адмирал А.Е. Данилевский направил в ДП депешу, в которой выражал беспокойство по поводу деятельности проживающих в Севастополе иностранцев: «Прилагаю при сем копию рапорта штаба Черноморского флота и портов Черного моря от 27 октября сего года за № 1291 о необходимости выселения из пределов Севастополя одного корейца и четырех китайцев, прибывших сюда на днях. Главный морской штаб покорнейше просит распоряжения Департамента полиции по изложенному в этой копии рапорта и о последующем не оставить уведомлением. Рапорт. На днях в Севастополь прибыли один кореец, находящийся насколько известно местной полиции при цирке, и четыре китайца для продажи шелковых материй. Следует заметить, что кореец по показанию производившего негласное расследование офицера, очень похож на

японца. Зная искусство японских офицеров в собирании потребных им сведений и бесцеремонность их в этом отношении, не останавливающуюся даже перед службой чернорабочими, а также в виду других соображений, главный командир, сообщив на всякий случай о принятии потребных мер старшему флагману Черноморской флотской дивизии и начальнику учебного отряда Черноморского флота оповещением командиров судов о необходимости особой бдительности, а также о доставлении сведений об упомянутых выше монголах в штаб флота, в случае если что-либо дойдет до их сведения, а также оповестив коменданта и градоначальника относительно необходимости принятия и с их стороны возможных мер, приказал кроме того просить распоряжения Главного морского штаба о выселении корейца и китайцев из пределов Севастополя, как лиц, которым не следует с одной стороны доверять ни в каком случае, а с другой, по причине недостаточности негласного за ними надзора, учиненного полицией, так как и для гласного она не имеет достаточных средств»²⁰.

Интересно, что представители штаба Черноморского флота крайне скептически оценивали действия местной полиции, полагая, что ее сотрудники не смогут обеспечить качественный надзор за пятью заметными иностранцами. Катастрофический недобор секретных сотрудников в местных розыскных учреждениях составлял общую проблему для охранных структур революционного и постреволюционного периодов²¹. Похожая история произошла в конце 1904 г. в Петербурге. Преподаватель древних языков В.А. Завадский-Краснопольский выступил в печати против преподавателя японского языка факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета Й. Курано. Как сообщал в ДП сам Курано: «Завадский-Краснопольский, имеющий самое поверхностное понятие о языке японцев, руководимый исключительно чувством мести за отказ мой давать ему уроки и снабдить его первыми листами неоконченными еще «Самоучителя», выступил против меня в печати с обвинением, что я изобрел семь способов искажения «Толмача» с целью нанести вред Русской армии. Несмотря на полную абсурдность такого заявления и солидное опровержение в печати, он все же продолжал свои нападки, что и побудило меня и составителя «Толмача» г. Панаева привлечь его к уголовной ответственности за клевету»²².

Подозрительность со стороны военных и полицейских чинов сопровождала любые перемещения японцев и китайцев. Уже упоминавшийся выше генерал-лейтенант Н.Н. Сухотин сообщал в Департамент полиции о потенциальной опасности перемещаемых лиц: «Движение желтых во время переезда (предоставляет – С.М.) полный простор для злонамеренных покушений... По заявлению графа Кутайсова его полицейские силы недостаточны»²³. Директор ДП А.А. Лопухин 11 марта 1904 г. соглашался с мнением степного генерал-губернатора Н.Н. Сухотина, сообщая пермскому, оренбургскому и тобольскому губернаторам информацию следующего характера: «Ввиду усиленного движения по Сибирской дороге желтолицых, возможностей с их стороны злонамеренных покушений, шпионства, министр внутренних дел, согласно ходатайству Степного генерал-губернатора, признал необходимым желтолицых, проехавших уже тайгу, направлять через Челябинск в Тюмень и Пермь, водворяя к северу до открытия навигации»²⁴. Так как перемещение большого количества азиатов порождало проблемы их временного размещения, министр внутренних дел В.К. Плеве был вынужден предупреждать губернаторов о недопустимости размещения мирных иностранцев в тюрьмах: «Военный министр сообщил: крайне желательно избежать необходимости хотя бы временного размещения задержанных японцев в тюрьмах, так как мера эта может вызвать нежелательные репрессии со стороны врага по отношению захваченных ими русских подданных»²⁵.

Хаотичное перемещение военнопленных приводило к удивительным историям. Так, 18 июня 1905 г. канцелярия Степного генерал-губернатора сообщала в Департамент полиции о том, что японские офицеры перемещались по Российской империи без конвоя: «Сверх указанного в названной телеграмме числа военнопленных и мирных желтолицых, проследовавших через станцию Омск в мае сего года, в течение этого же месяца, по донесению начальника военной охраны Сибирской железной дороги, проследовало еще три военнопленных японских офицера. Сведений о них своевременно не было, так как таковые проследовали без конвоя, под наблюдением коменданта санитарного поезда»²⁶.

После окончания Русско-японской войны губернаторы столкнулись с нехваткой финансовых средств для выдворения японцев, китайцев и корейцев на родину. 5 декабря 1905 г. управляющий

Архангельской губернией С.С. Хрипунов сообщал в Департамент полиции: «За неимением средств на выезд желтолицы остаются в пределах губернии»²⁷. Полтавский губернатор Н.П. Урусов жаловался на отсутствие у корейцев элементарных предметов обихода: «В богоугодном заведении в Кременчуге два корейца. Врач заключил: следовать могут, но не этапом, нет белья, одежды. Прошу указаний»²⁸. Вологодский губернатор А.А. Лодыженский 10 декабря 1905 г. требовал от Департамента полиции довольно внушительную сумму: «Все желтолицы в количестве ста человек находятся в пределах губернии. Выехать не могут за неимением средств. Кредита требуется в размере 4859 рублей»²⁹. О рекордной сумме на переезд ранее перемещенных иностранцев писал Пермский губернатор М.В. Стрижевский: «Желтолицы в Пермской губернии остается 393 за отсутствием средств к выезду. Едут все в Харбин. Надо им кормовых. Расчет – шесть копеек проезд, билет 3 класса. 14973 рублей»³⁰.

Удивительным образом эта информация контрастирует с данными историографии о возврате японских военнопленных на родину. Как пишет исследователь И.В. Хохлов, большинство пленников из лагеря, находящегося в селе Медведь Новгородской губернии, получили свободу в конце 1905 г.³¹ В его статье не приводится никаких данных о недостатке финансовых средств на трансфер японцев. В то же время фактологический материал, содержащийся в статье И.В. Хохлова, нуждается в дополнительной верификации. В качестве примера укажем на данные о численности военнопленных села Медведь, которые приводит ученый со ссылкой на газету «Русский Инвалид»: «На 1 января 1905 года ... было зарегистрировано 70 офицеров и 550 нижних чинов»³². Сравним эту информацию с отчетом Новгородского губернатора О.Л. Медема: «В селе Медведе, вверенной мне губернии, к 1 ноября сего года (1904 год – С.М.) состояло военнопленных: японцев 90 и корейцев 2, нижних чинов: японцев 1614, корейцев 32, китайцев 8 и татар 1 и женщин японок 1»³³. Маловероятно, что в селе Медведь в ноябре 1904 г. проживало 1614 нижних чинов японцев, а в январе 1905 г. всего 550, учитывая, что большая часть японских военнопленных содержалась именно здесь³⁴.

Документы ДП о перемещении мирных иностранцев и военнопленных японцев в европейские губернии Российской империи демонстрируют хаос и неорганизованность процессов внутренней миграции. Меры воздействия по отношению к гражданским японцам, китайцам и корейцам подчас были настолько жесткими, что, исходя из данных ведомственной переписки, не всегда удается понять, имеются в виду военнопленные или гражданские лица. Министр внутренних дел В.К. Плеве не рекомендовал содержать перемещаемых мирных иностранцев во временных тюрьмах (следовательно, такие случаи были нередки), им запрещалось работать в губерниях, находящихся в непосредственной близости от линии фронта, губернаторы должны были ежемесячно отчитываться в ДП о количестве азиатов, проезжающих через территорию вверенных им губерний. После окончания Русско-японской войны представители местных администраций жаловались на отсутствие материальных средств, необходимых на оплату бытовых нужд и переезда иностранцев на родину. В то же время, в отличие от жестких мер, предпринимавшихся в отношении мирных китайцев, японцев и корейцев, в архивных документах фиксируются случаи, когда военнопленные японские офицеры перемещались без караула или в сопровождении лиц, которые по определению не могли качественно выполнять контролирующие обязанности. Дополнительного изучения требует вопрос, почему в архивах не встречаются жалобы губернаторов на отсутствие финансирования репатриации военнопленных в конце 1905 – начале 1906 гг. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что обмен пленными с обеих сторон финансировался аккуратно и своевременно, в то время как средства на возвращение мирных граждан правительства Японии, Китая и Кореи могли направлять с задержкой, либо же не были заинтересованы в их оперативном отъезде из Российской империи.

Ю.В. Рыжова
г. Москва

**Роль губернских жандармских управлений в
обеспечении государственной безопасности в западных
губерниях Российской империи накануне и в годы
Первой мировой войны**

Организация и деятельность правоохранительных органов является одной из ключевых задач для обеспечения безопасности государства и охраны правопорядка.

События Первой мировой войны до сих пор привлекают к себе внимание научного сообщества, которые рассматриваются с разных аспектов – с точки зрения предпосылок начала войны, хода военных действий, значения войны для европейской и мировой истории, история участия Австро-Венгрии в Первой мировой войне. Отдельный интерес представляет вопрос истории беженцев в Восточной Европе в годы войны, боевые действия на итало-австрийском фронте, роль дипломатии, социально-экономическое развитие Российской империи и ряд других. Многие уроки той далекой войны поразительно актуальны для нашей страны и сегодня, особенно в вопросах обеспечения государственной безопасности, так как Российской империи пришлось столкнуться со шпионажем и подрывной работой противника.

Вместе с тем, с событиями Первой мировой войны тесно связана и деятельность правоохранительных органов России, в частности, политической полиции, главным назначением которой накануне и в годы войны являлось обеспечение государственной безопасности на приграничных территориях Российской империи.

В условиях Первой мировой войны, обострения классовых противоречий, возрастания реальных угроз царскому самодержавию для обеспечения государственной безопасности на территории Российской империи особая роль была отведена губернским жандармским управлениям (ГЖУ), являвшихся структурным подразделением Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ).

Еще на основании принятого ранее, 14 августа 1881 г., Положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» политическая полиция в лице ОКЖ и одного из структурных подразделений – ГЖУ – получила неограниченные полномочия по борьбе с государственными преступлениями³⁵.

После революции 1905–1907 гг. и вплоть до начала Первой мировой войны по-прежнему оставалась напряженной обстановка на территории Царства Польского (Привислинский край), вызванной активизацией деятельности революционных партий и ряда организаций и проведением ряда террористических актов, направленных против порядка управления и государственных чиновников. На чинов ГЖУ были возложены задачи по пресечению агитации среди крестьян; по предотвращению манифестаций и забастовок политического характера³⁶.

В годы войны Положение «чрезвычайной охраны» значительно расширяло полномочия губернаторов и генерал-губернаторов, что выражалось в том, что губернатор по собственному усмотрению мог отдавать лицо, политически неблагонадежное под арест, производить обыски, налагать арест на имущество.

Как свидетельствуют архивные документы в губерниях Варшавской и Петроковской было совершено «678 посягательств на должностных лиц. При этом убитых было 68 воинских и 268 гражданских чинов, ранено 83 воинских и 152 гражданских чина. Неудавшихся покушений было совершено на 78 воинских и 113 гражданских чинов»³⁷.

В Варшаве также увеличилось количество террористических актов, направленных на жандармских высших и низших чинов, включая начальника губернского жандармского отделения, его помощника. Например, в Лодзи под экипаж полицмейстера Хржановского была брошена бомба³⁸. Чины жандармских управлений, проводя обыски, находили склады оружия, динамиты, патроны и нелегальной литературы³⁹.

На основании принятого 17 февраля 1913 г. «Положения о подготовительном к войне периоде» в прилегающих к театру военных действий губерний охрана государственного порядка и обще-

ственного спокойствия перешло к Верховному главнокомандующему и командующими армиями, а остальная территория страны была объявлена на положении чрезвычайной охраны⁴⁰.

Таким образом, Положение значительно расширяло права губернских жандармских управлений на территориях, которые были объявлены на военном положении.

Накануне Первой мировой войны начальники ГЖУ готовили обзоры о политической обстановке для Департамента полиции (ДП), в которых обращалось внимание на особенности политической жизни Привислинского края, на политические партии и их пропагандистскую деятельность, о попытках военного шпионажа, о задержании лиц, подозреваемых в военном шпионаже. ДП ставил задачи перед губернскими жандармскими управлениями о необходимости информирования о росте партийной активности, о борьбе с выступлениями против представителей царской администрации, о необходимости подавления беспорядков.

Непростой была в предвоенные годы ситуация и в Великом княжестве Финляндском, где еще в конце XIX – начале XX в. были предприняты меры по ограничению автономных прав княжества Финляндского.

Еще на основании Манифеста 1899 г. права сейма ограничивались заключениями по рассматриваемым общеимперскими органами законопроектам, затрагивавшим интересы княжества Финляндии. «Финляндия лишалась собственных воинских формирований. Делопроизводство центральных учреждений княжества с этого времени велось на русском языке и т.д. Из нововведений в системе полицейских органов следует отметить создание жандармского управления»⁴¹.

В годы войны княжество Финляндское, где были сильны сепаратистские настроения и прогерманские симпатии становится базой для развертывания подрывной деятельности.

Ряд документов Государственного архива Российской Федерации свидетельствуют о том, что еще накануне Первой мировой войны в Финляндии активизировалась деятельность Финляндской социал-демократической рабочей партии. В частности, от секретного агента «Ларсена» регулярно передавалась информация о отслеживании секретных сотрудников Финляндского жандармского управления в связи с чем было принято решение установить за

квартирами офицеров управления в Гельсингфорсе, в Выборге и других городах⁴².

Сложно складывалась ситуация и в Смоленской губернии. Так, с августа 1914 г. в Смоленское ГЖУ поступали регулярно донесения «о лицах неблагонадежных». Жандармские чины выявляли лиц, занимавшихся антивоенной пропагандой, агитаторов и им сочувствовавших, а также осуществляли негласное наблюдение за революционными организациями. Так, 23 сентября 1915 г. в переписке чинов управления обсуждался «факт пропаганды на немецкие деньги в запасных батальонах и ополченческих соединениях Южной России. В связи с этим спрашивалось разрешение на проведение наблюдения за пропагандистами, пытавшимися проникнуть в эти подразделения»⁴³. Особую озабоченность для жандармерии представляла и подрывная деятельность, которая проводилась на территории Смоленской губернии, что потребовало установления антивоенной пропаганды и в связи с этим под особый контроль были взяты периодические издания.

Вступление Российской империи в войну вызвало всплеск общественной активности, выразившегося в проведении ряда манифестаций, а также антивоенных манифестаций и массовых беспорядков при проведении мобилизации. В научной литературе сложилось мнение о том, что в годы Первой мировой войны положение ОКЖ падало, несмотря на формальное увеличение полномочий, а наметившийся в годы войны кадровый голод и недостаточное финансирование лишь усилили эту проблему. В связи с тем, что многие жандармские офицеры были отправлены на театр военных действий, а новых офицеров Корпус не получал.

В годы войны ГЖУ столкнулись и с рядом проблем объективного характера, вызванного особенностями военного времени. Так, на новых оккупационных территориях, например, в Галиции, не только увеличивалась ответственность жандармских управлений, но и оперативно требовались навыки розыскной работы, а малочисленность агентов не позволяла осуществлять крупные разведывательные операции, осуществлять контроль за лицами, занимавшихся шпионажем и арестовывать их.

Еще одной проблемой было то, что непросто было наладить взаимодействие жандармских управлений с фронтовой разведкой,

так как «привыкшие подчиняться непосредственно командующему ОКЖ, жандармы болезненно воспринимали саму возможность подчинения армейским чинам. В итоге все же был достигнут хрупкий баланс, когда жандармы откомандировывались в контрразведывательные отделения, но фактически не подчинялись вышестоящим офицерам. Этот баланс был нарушен уже в первые дни войны, когда Главное управление Генерального штаба, ссылаясь на новые условия, требовало подчинения жандармов, часто взваливая на них огромный объем контрразведывательной, разведывательной и даже цензорской работы»⁴⁴.

Немецкая разведка, активно делала попытки внедрения агентуры в пограничных районах. Примечательно, что на первом месте стоял шпионаж, осуществляемый с помощью различных торгово-промышленных компаний. Противодействуя этому, в Российской империи был принят закон о шпионстве, который активно стал применяться с началом Первой мировой войны⁴⁵.

В периодических изданиях, выходивших в военное время, общалось о поистине героических подвигах чинов политической полиции на театре военных действий. Так, например, ведомственный журнал «Вестник полиции» даже ввел специальную рубрику «Полиция в армии».

В профессиональной деятельности губернских жандармских управлений в годы войны основной акцент был сделан на контроле приграничных с Россией территорий с целью пресечения шпионажа. В связи с этим обратимся к документу, представляющему интерес – «Инструкции военных разведчиков Австрии», разработанной в 1914 г.⁴⁶. Содержание названной инструкции включало в себя перечень получения разведчиком необходимых сведений следующего характера:

- размещение воинских команд Русской армии; расположение жандармов и пограничной стражи; военных построек;
- сведения о состоянии крепостей;
- сведения о движении поездов, а также о состоянии шоссейных и грунтовых дорог;
- сведения о военном расписании поездов;
- устройство центральных обводных станций и ряд других сведений⁴⁷.

Определенные проблемы для губернских жандармских управлений доставляли и мирные граждане, так как у населения было сконцентрировано различного рода оружие, включая и неразорвавшиеся снаряды, подобранные на поле боя. В связи с этим жандармским чинам приходилось расследовать случаи взрывов снарядов при неосторожном обращении с ними.

Таким образом, ухудшение криминогенной обстановки накануне и в годы Первой мировой войны, появление новых видов преступлений, увеличение протестных настроений обусловили необходимость расширения задач, поставленных перед политической полицией в лице губернских жандармских управлений, которые были призваны обеспечивать государственную безопасность на приграничных территориях.

Л.В. Лукьянчикова
г. Москва

**Борьба с терроризмом в Великом княжестве
Финляндском на рубеже XIX – XX столетий до
Первой мировой войны: историко-правовой аспект**

Великое княжество Финляндское, вошедшее в состав Российской империи в 1809 г., являлось территорией с особым автономным статусом. На протяжении всей общей «российско-финской» эволюции вплоть до 1917 г., будучи частью российского государства, оно во многом сохранило специфические черты в хозяйственной, административной и политической сфере. На рубеже XIX – начале XX столетий царским правительством были приняты решительные меры «встраивания» Финляндии в общую систему управления Российской империи. В сфере обеспечения безопасности общее руководство осуществлял генерал-губернатор, назначаемый из имперского «центра», серьезными полномочиями наделялись губернаторы, которые, в свою очередь, были подотчетны генерал-губернатору. Все гражданские службы и полицейские чины были обязаны оказывать жандармским чинам скорейшее содействие.

Одной из серьезных угроз на тот период для всего государства представлялось распространение политического экстремизма и терроризма. Специфика собственного законодательства и порядка управления в Финляндии позволяли террористическим группировкам революционных организаций укрываться на территории княжества от преследований российского правительства. Более того, члены местных националистических движений обеспечивали их документами, жильем, питанием, одеждой, помогали в изготовлении бомб и в приобретении оружия, в издании нелегальных газет и проч.⁴⁸ Как отмечалось на одном из заседаний российского правительства в 1903–1905 гг. русские жандармы не могли принести в Финляндии серьезной пользы, так как розыскная служба их в незнакомой и враждебной среде оказывалась по большей части бесплодной⁴⁹.

Особенно обстановка обострялась в момент шаткости позиции российского императора. Например, в Первую русскую революцию финские оппозиционные организации самой различной направленности обзавелись боевыми группами, проводившими террористические акты против представителей российской администрации. Более того, социальные противоречия в совокупности с национальным сепаратизмом обусловили тесную связь финской оппозиции с российской против общего противника – российского самодержавия.

16 июня 1904 г. в Гельсингфорсе Э.Ф. Шауман (сын начальника Вазасской губернии, бывшего финского сенатора, генерал-лейтенанта в отставке Ф.О. Шаумана) у входа в финский Сенат застрелил Н. И. Бобрикова, затем покончил с собой. В найденном при нем письме имелось обращение к Николаю II, в котором говорилось, что «в Великом княжестве царит великая несправедливость»⁵⁰. Терракт в отношении Н.И. Бобрикова показал масштаб и глубину противодействия имперской власти в регионе. В княжестве, к тому же, продолжалось так называемое «пассивное сопротивление» – в его сторону склонялась часть судов и должностных лиц. Так, в отчете начальника Финляндского жандармского управления (ФЖУ) за 1904 г. указывалось на многочисленные случаи отказа судов судить виновных, открытого неповиновения магистратов. Четверо губернаторов из числа финляндцев были уволены за объяснение неуспеха призыва нарушением основных законов страны. На их места были назначены новые лица, двое из которых были русскими. В результате из восьми губернаторов всего трое были уроженцами Финляндии, причем отмечалось их нежелание вести борьбу с оппозицией⁵¹.

Вслед за убийством Н.И. Бобрикова было совершенно еще 11 террористических актов против русских должностных лиц в Финляндии, в том числе убийство прокурора Сената Э. Сойсалона-Сойнинена (Юханссона), покушения на Выборгского губернатора Н.А. Мясоедова, на адъютанта генерал-губернатора Финляндии В. Ф. Дейтриха и на Тавастгусского губернатора А.А. Папкова. Наиболее радикальную позицию заняли организации «рабочих активистов» в Выборге и в Куопио. Радикализации организации в Выборге способствовали в том числе и более тесные контакты с русскими революционерами. Именно в Выборге организацией

«рабочих активистов» был совершен самый громкий террористический акт. В июле 1905 г. член организации К. Прокопе застрелил жандармского подполковника В. Крамаренко⁵².

Царским правительством ранее была проведена серьезная работа по стабилизации данной ситуации в крае. Так, был усилен состав Финляндского жандармского управления и увеличено число жандармов⁵³, были уточнены квалификационные требования сотрудников полиции⁵⁴. В новой инструкции губернаторам княжества, изданной в 1903 г., указывалось, что если губернатору стало известно о деянии, включающем в себя «покушение против Государя Императора, либо члена Императорского дома, либо образа правления Российского государства, или которое в ином отношении вредно для государства, общественного порядка и спокойствия, или если замышляется такое преступление», то он обязан немедленно донести о том генерал-губернатору. Также генерал-губернатору сообщалось о мерах по предупреждению «такого деяния» и «для привлечения виновных к ответственности»⁵⁵.

20 марта того же года в Финляндии были введены меры «к охранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия», которые в имперской России были введены еще в 1881 г. Данным актом предусматривалось наделение административных властей широкими полномочиями, включая судебные, если того требовали обстоятельства⁵⁶. Отдельным постановлением губернаторам княжества предписывалось осуществлять контроль за продажей и хранением огнестрельного оружия на введенной им территории⁵⁷. В местностях, объявленных на военном положении, административные лица за свое бездействие в отношении преступлений против государя, государства и порядка управления подвергались высшей мере определенных за означенное преступление взысканий⁵⁸.

Царское правительство постоянно вело переговоры с финляндским Сенатом по вопросу пресечения экстремистов и террористов в Финляндии. В 1911 г. по выработке мер борьбы с политическим террором в Финляндии состоялось специальное заседание Совета Министров. Присутствовавший на нем финляндский генерал-губернатор Ф.А. Зейн настаивал на введении в княжестве военного положения. С его слов, Финляндия по-прежнему продолжает служить убежищем для русских революционеров и опорным

пунктом для пропаганды в войсках. За последнее время, отмечал он, наблюдались случаи стрельбы по военному воздушному шару и неоднократные дерзкие выходки и нападения на воинских чинов. Всей этой анархии, заключал Ф.А. Зейн, противопоставляется власть генерал-губернатора, совершенно немощная в своем бесправии. Финляндские уголовные законы, продолжал он, столь дефектны, производство следствия настолько плохо, правосудие так несовершенно, медленно и тенденциозно, полиция так слаба и часто ненадежна, административные права власти столь ограничены, что единственно возможной мерой является военное положение. Эта мера не нормальная, говорил он, но необходимая, и должна быть введена только на определенный срок.

По мнению генерал-губернатора, при существующих условиях невозможно ни обнаружить тайные склады оружия, ни раскрыть подпольные организации, ни даже пресечь преступную пропаганду среди финляндцев революционных идей и жгучей ненависти к России. Только случайно до сведения властей доходят отрывочные сведения, по которым можно судить о размерах и об опасности скрывающейся пока революционной силы в крае. Такими случаями, указывал Ф.А. Зейн, были посадка на мель и взрыв везшего оружие парохода «Джон Графтон»; совершенно неожиданное обнаружение оружия на пароходе «Петер» и шхуне «Ханхи» благодаря случайно возникшим подозрениям у извозчика; столь же случайное вследствие поломки в декабре 1909 г. на платформе в Таммерфорсе денежного шкафа с потайными хранилищами, наполненными оружием и патронами.

Генерал-губернатор отметил, что у начальника Финляндского жандармского управления и военных властей имеются и другие агентурные сведения, подтверждающие продолжающееся вооружение Финляндии, но все эти сведения отрывочны, случайны и не поддаются надлежащему расследованию. Финляндия вооружается, обучается и поддерживает прочную связь как с русскими, так и с иностранными революционерами, заявлял он, причем в центре всей этой деятельности стоит и руководит ею «Союз Свободы», заменивший «Войму» – военизированную организацию, выступавшую за активные действия (включая террор) против политики самодержавия в Финляндии⁵⁹.

Сами финны, по мнению генерал-губернатора, признающие пагубность деятельности боевиков утверждают, тем не менее, что «Войма», или тот же «Союз Свободы» существует лишь в воображении русской власти и русской печати, якобы взводящей на Финляндию разные небылицы. На последовавших затем судебных процессах по делу о «Войме» и водворении в крае боевого оружия, резюмировал докладчик, не отрицались очевидные факты ввоза оружия. Однако судьи постарались, насколько возможно, изобразить эти дела в самом безобидном виде для того, чтобы оправдать подсудимых.

Военное положение, по заверению Ф.А. Зейна, предоставило бы генерал-губернатору право предавать государственных преступников суждению русских военных судов, а также вооружило бы его надлежащими административными полномочиями для борьбы с разнузданностью местной печати, открыто ведущей на страницах широко распространенных газет самую крайнюю политическую пропаганду. Наконец, военное положение дало бы возможность облечь чинов жандармского корпуса в Финляндии, ныне поставленных в совершенно безвластное и неопределенное положение, необходимыми правами по розыску и возбуждению преследования против лиц, замешанных в государственных и политических преступлениях, а равно по задержанию таковых лиц.

Члены правительства, в свою очередь, отметили, что военное положение – это не выход, так как действие его направляется против всего населения. К тому же, говорили они, политические убийства до сих пор не имели своим последствием объявления местности, где они совершились, на военном положении. Даже убийство П.А. Столыпина в Киеве при особенно возмущающей обстановке, подчеркивали они, не привело к объявлению этого города на военном положении. В итоге на заседании было принято следующее решение: «I. Признать предположение финляндского генерал-губернатора о предрешении вопроса об объявлении Финляндии на военном положении при первом новом террористическом посягательстве на жизнь должностного лица или военнослужащего при настоящих условиях несвоевременным; II. Предоставить министру юстиции внести в Совет Министров законопроект о подчинении совершаемых в Финляндии государственных преступлений, а

равно преступлений, учиняемых там по политическим побуждениям, действию имперских уголовных законов, с передачею дел о таковых преступлениях в ведение русских судебных властей. III. Приступить к пересмотру действующих узаконений, определяющих власть финляндского генерал-губернатора и подведомственных ему административных органов, с целью предоставления им всех необходимых способов для успешной борьбы с революционным движением в Финляндии». На протоколе совещания имелась помета царя: «Согласен» (25 декабря 1911 г)⁶⁰.

В течение последующих лет, вопрос о противодействии экстремизму и терроризму в Финляндии в повестке дня заседаний российского правительства фигурировал с завидным постоянством. Особые журналы Совета Министров Российской империи с 1912 по 1915 гг. наглядно демонстрируют повышенное внимание к политическому положению в Финляндии, включая заявленный аспект. Признавалось очевидным, что меры по противодействию революционному террору, исходящие от «имперского центра» не достаточно эффективны. Главным образом, это объяснялось стремлением местных властей, прежде всего, Финляндского Сейма, сохранить в княжестве максимальную автономию. В течение данного периода в адресах Финляндского Сейма принятых, например, в марте – декабре 1912 г., марте 1913 г., феврале – августе 1914 г. неоднократно выдвигались обвинения против «русской государственной власти», упрекая ее в разрушении существующего правового строя Финляндии; нарушении прав финских граждан пользоваться присвоенным им в силу основных законов правом личной неприкосновенности. Также имперская власть, согласно мнению Финляндского Сейма, нарушает нормальную деятельность судебных мест и администрации, пренебрегает просветительными нуждами народа, провоцирует беззаконие и проч.⁶¹

Во всеподданнейшем адресе очередного Финляндского Сейма от 2 (15) марта 1913 г. царская политика в отношении княжества признавалась «притеснительною и незаконною» в связи с изданием 20 января 1912 г. закона об уравнивании в правах с финляндскими гражданами других русских подданных. Кроме того, отмечалось, что «Сейм вновь отказывается признать как обязательность этого закона, так и вообще право Верховной власти из-

давать в имперском порядке акты, действие коих распространялось бы на территорию края». Заканчивался адрес словами, что «к протесту, воздымающемуся из сердца финского народа против нарушения его права, присоединяется требование, чтобы беззаконие было устранено и чтобы финляндская конституция уважалась»⁶². Интересно отметить тот факт, что инициаторами данного адреса были представители уже известных шведоманской и младофинской партий, которые, по заверениям финляндского генерал-губернатора, «настойчиво толкают Сейм на путь политических протестов, указывая, что «история когда-нибудь рассудит притеснителя и притесняемого», и что настоящим выступлением «Сейм проявит свою солидарность с теми чиновниками, кои пожертвовали собою ради защиты прав Финляндии и тем совершили деяние не менее славное, чем подвиг воина в бою»⁶³.

В адресе от 20 марта 1914 г. отмечалось, что «с великим беспокойством финский народ следит за дальнейшими приготовлениями, угрожающими отторжением части его от общения с родиной. Отмечая, что подобного рода политика не может способствовать сближению Финляндии с Империей или усилению доверия между МОНАРХОМ (выделено по тексту. – *Л.Л.*) и народом, Сейм ходатайствует о «пресечении стремлений, сводящихся к притеснению права Финляндии и угрозам против него», и о «восстановлении твердых правовых основ»⁶⁴.

Существенное влияние на политику империи в отношении борьбы с террором в княжестве оказала Первая мировая война. Еще до ее начала, с 7 июля 1914 г. вся территория Великого Княжества была объявлена на военном положении и признана в полном своем составе входящей в театр военных действий⁶⁵.

Финские деятели «активного сопротивления» в целом с возникновением войны увидели свой шанс достижения национальной независимости Финляндии при поддержке противников России. Германское руководство, со своей стороны, также проявляло заинтересованность к сотрудничеству с оппозиционными силами внутри государств враждебного военного блока. Некоторые финляндские полицейские чиновники начали относиться к выполнению своего профессионального долга по принципу: «Враг России – мой друг!»⁶⁶.

В 1915 г. в Берлине было принято решение об организации военной подготовки финляндцев, что и было сделано близ Гамбурга, в местечке Локштедт. Военная подготовка велась по германскому образцу, в программу входили общая пехотная подготовка, инженерное и саперное дело, с уклоном на подрывные действия, методы ведения партизанской войны. Финляндцы обязывались «служить Германской империи всеми силами и повсюду». Предполагалось использовать часть финских подразделений для действий в русском тылу, однако эта идея у самих финнов понимания не вызвала. В итоге было решено использовать финнов в немецком тылу для несения караульной и хозяйственной службы. Под германским покровительством в Финляндии также была создана «Лига иностранцев России», в рамках которой устанавливались связи с сепаратистскими кругами других национальных меньшинств империи. В частности, один из лидеров финских сепаратистов Ф. Веттерхоф в июне 1915 г. заключил соглашение с грузинским представителем Г. Мачабелли о сотрудничестве в деле освободительной борьбы обоих народов. Ф. Веттерхоф также имел связи с рядом балтийских немцев и с украинским националистом Д.И. Донцовым, основателем «Союза освобождения Украины». На основании собранных сведений Ф. Веттерхоф составил и передал в германский МИД план ослабления России посредством поддержки сепаратистского движения на окраинах империи.

Российскими военными властями, после получения агентурных данных были приняты меры по усилению охраны финляндских границ и ограничению эмиграции из Великого княжества, в декабре 1915 г. были запрещены выдача паспортов и выезд за границу финнам в возрасте от 17 до 35 лет. После этого переход границы совершался нелегально, хотя он был затруднен ввиду принимаемых военными и жандармскими властями мер по усилению пограничного контроля⁶⁷.

В целом отметим, что в Великом княжестве Финляндском в заявленный период предпринимался целый комплекс мер по борьбе с политическим экстремизмом и терроризмом, начиная с усиления ФЖУ и полицейских органов, заканчивая наделением административных властей широкими полномочиями и введения на территории княжества специальных режимов. Необходимо указать, од-

нако, что при таком внушительном перечне мероприятий результаты были весьма противоречивы. Во многом это объясняется поддержанием долгие годы российским самодержавием на территории княжества особого варианта автономии. Вполне самостоятельное функционирование финских представительных учреждений и правоохранительной системы в дополнении к финскому национальному законодательству не способствовало полноценному «встраиванию» княжества в общероссийский порядок управления. Стабильно сохраняемая напряженность во всех сферах государственной жизнедеятельности, отягощенная поддержкой финского социума революционных и сепаратистских настроений оставались ключевыми факторами развития экстремизма и терроризма в Финляндии вплоть до ее отделения в 1917 г.

Н.С. Кирмель
г. Москва

Особенности формирования агентурного аппарата КРО на театре военных действий в годы Первой мировой войны

В 2024 г. исполнилось 110 лет с начала Первой мировой войны, в которой активное участие принимала Российская империя. По своим масштабам, человеческим жертвам, политическим и социальным потрясениям эта война не имела себе равных в мировой истории того времени. Она стала судьбоносной для многих европейских государств, в том числе и для России. Фатальные ошибки, допущенные сначала царским, а затем и Временным, правительствами привели страну к Февральской и Октябрьской революциям. Возлагать ответственность за стратегическое поражение страны, поверженную империю лишь на силовые структуры было бы несправедливо. Русская императорская армия стойко сражалась с противником на фронте. Отдельный корпус жандармов с переменным успехом боролся с внешними и внутренними врагами государства в тылу.

О деятельности русских спецслужб, в том числе военной контрразведки, написаны десятки монографий, научных и публицистических статей. Но при всем многообразии исследовательских работ, рассматривающих ее организацию, деятельность, силы и средства, малоизученным вопросом остается агентурный аппарат контрразведывательных отделений (КРО).

Подчиненные штабам фронтов, армий и военных округов на театре военных действий (ТВД) КРО, занимались борьбой со шпионажем, которая осуществлялась ими в основном посредством внутренней (секретной) и наружной агентуры. Наиболее эффективным средством, обеспечивающим осведомленность розыскных органов, являлась секретная агентура.

Коротко и емко о предназначении секретной агентуры дореволюционной контрразведки высказался участник Первой мировой войны генерал-майор Н.С. Батюшин: «...внутренняя агентура... служит для освещения намерений шпиона...»⁶⁸.

Современный исследователь Л.С. Яковлев подразделяет секретную агентуру на внутреннюю и вспомогательную наружную: «Назначением внутренней агентуры являлось получение информации об учреждениях противника, шпионской деятельности иностранных разведок в русских центральных государственных учреждениях, равно и о тех местах, где возможно проводилась передача секретных сведений»⁶⁹.

Инструкции предписывали чинам контрразведки на ТВД иметь агентов «в пунктах, имеющих важнейшее значение в военном отношении, т.к. таковые пункты для иностранных разведчиков представляют собой особый интерес», т.е. в населенных пунктах, наиболее посещаемых воинскими чинами и в местах массового скопления войск – на вокзалах, этапах, наблюдательных пунктах, лазаретах, ресторанах и т.п.⁷⁰ Т.е., контрразведка должна была через свою агентуру наблюдать за беженцами, нищими, ворами, бродячими музыкантами, окопными рабочими, артистами, красивыми женщинами, проститутками, ворами, подростками⁷¹, среди которых, по предположению руководства дореволюционных органов безопасности, австро-венгерская и германская разведслужбы вербовали свою агентуру, обучали и направляли ее в тыл русских войск для разведывания планов русского командования, мест дислокации, численности и вооружения различных родов войск, а также выяснения морально-психологического состояния офицерских и нижних чинов, настроения населения в прифронтовой полосе и его отношения к войне, определению состояния шоссейных и железных дорог, обнаружению оборонных предприятий, выявлению подготовленности укрепленных районов и т.д.⁷²

Разведорганы противника готовили свою агентуру на специальных курсах (школах), которых, по подсчетам автора, на ТВД находилось около 50⁷³. Программы обучения у них были разные: от 2 недель до 5 месяцев. За отведенное время агенты изучали структуру, тактику и вооружение русской армии, топографию, подрывное и стрелковое дело, способы передачи информации и т. д.⁷⁴

Уровень подготовки австрийских и немецких агентов зависел от важности предстоящих разведывательных заданий. По свидетельству русского контрразведчика капитана С. М. Устинова

большинство из них прошло хорошую подготовку и поэтому «самый предательский допрос не мог их сбить и заставить выдать тайну», а жандармские методы допроса, имевшие «целью сначала запутать и сбить подозреваемого, потом застрашать и выпытать тайну угрозами или, напротив, успокоить своей обходительностью и желанием ему добра от всей чистоты своей души — редко давали положительный результат»⁷⁵. На счет большинства агентов, прошедших хорошую подготовку, с автором мемуаров можно поспорить. Советский исследователь К.К. Звонарев в своем научном труде «Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг.» пишет, что германская разведка делала ставку на массовость агентурной сети⁷⁶. А для массовой заброски, как правило, готовили агентов для выполнения несложных задач, не требующих серьезной профессиональной подготовки. Вышеупомянутый капитан С.М. Устинов, вероятнее всего свидетельствовал о ситуации, сложившейся в зоне ответственности КРО штаба Черноморского флота, где он тогда служил.

Русские контрразведчики на ТВД вербовали агентуру из разных слоев местного населения. Например, в сентябре 1916 г. основу агентурного аппарата КРО при штабе Двинского военного округа на ТВД составляли деревенские жители православного вероисповедования, проживавшие в г. Полоцке и Полоцком уезде⁷⁷.

Основу агентурного аппарата КРО штаба Петроградского военного округа на ТВД, обслуживавшая промышленные предприятия столицы – Путиловский, трубочный, вагоностроительный, судостроительный, пороховой и другие заводы – происходила из крестьян, перебравшихся из деревень в город в августе – ноябре 1915 г. Их работа оценивалась в основном «хорошо» и «удовлетворительно»⁷⁸.

В конспиративных целях каждому секретному сотруднику присваивалась агентурная кличка, которая не должна была отражать реальные качества или черты ее носителя.

Например, у ряда агентов КРО 6-й армии клички совпадали с названиями населенных пунктов, где они проживали, например, Кегель, Феллин, Гапсал, Тапс, Лемзал и др. У других псевдонимы никак не были связаны ни с местом жительства, ни с родом деятельности. Так, под кличкой «Дипломат» скрывался крестьянин

И.М. Дорожко. Арендатор гостиницы Ф.Ф. Филиппов имел псевдоним «Хозяин». Проживавший в Петрограде купец С.Л. Вайнрехт значился под псевдонимом «Московский»⁷⁹.

Работа большинства агентов отделения оценивалась на «удовлетворительно». Некоторые удаивались следующим оценкам: «...весьма значительная осведомленность», «Обладает осведомленностью в сфере банковских деятелей», «Полезен», «Усерден, но малоуспешен» или «Мало осведомлен». Последних руководство отделения стремилось уволить «ввиду непринесения пользы». В списке агентуры КРО 6-й армии напротив кличек семи агентов имеется запись: «Сотрудники с неуказанными фамилиями жалования от отделения не получают и согласились работать при условии сохранения в тайне их личностей»⁸⁰.

В КРО штаба 1-й армии отдавалось предпочтение «военным» кличкам: «Пистолет», «Штык», «Пистон», «Шрапнель», «Приклад», «Пика», «Шашка» и т.д. 24 агента-резидента проживали в деревнях и городках Ломжинской, Варшавской, Гродненской губерний. Подавляющее большинство из них – крестьяне-католики в возрасте от 37 до 75 лет. В другом списке агентов-резидентов КРО штаба 1-й армии насчитывалось 34 чел.: 22 крестьянина, адвокат, домовладелец, военный писарь, отставной солдат и прочие в возрасте от 55 до 60 лет⁸¹.

Стремление чинов контрразведки вербовать агентуру из мужчин «зрелого» возраста имело веские основания – они не подлежали мобилизации в армию. А это значит, что при ведении позиционной войны возрастные агенты могли состоять в агентурном аппарате КРО весьма продолжительное время – до наступления или отступления фронтов и армий.

Разведорганы противника, как уже говорилось выше, также вербовали агентов в основном из местного мужского населения возрастом до 18 лет, а также 55 лет и старше⁸². Т.е. лиц не призывного возраста. Согласившиеся на сотрудничество с германской разведкой местные жители (поляки, евреи, латыши, литовцы или эстонцы) по признанию руководителя немецкой разведки В. Николаи, питали к Германии такую же симпатию, как и к России: «...они вели себя, включая и балтийцев, нейтрально и думали лишь о собственной выгоде, которая влекла их туда, откуда они могли ее

больше всего ожидать для своих собственных жизненных интересов. В качестве побудительных мотивов для действительно дельных шпионов оставались, таким образом, только мотивы денежные»⁸³.

Основой для вербовки агентов русской контрразведки также являлась материальная заинтересованность кандидатов или наличие на них компрометирующих данных⁸⁴. Побудительным мотивом сотрудничества, как отмечается в некоторых материалах, был патриотизм, желание помочь воюющей армии.

Сопоставляя сведения об агентах русской контрразведки и разведки противника можно прийти к выводу о том, что обе противостоящие стороны располагали приблизительно равными средствами – жителями одного региона, разделенного линией фронта. Но их потенциал, уровень профессиональной подготовки, исходя из вышесказанного, был в пользу австрийской и германской разведслужб. Об обучении агентов русской контрразведки сведений автором не обнаружены. Возможно, оно ограничивалось инструктажем со стороны офицеров.

На качество подбора агентуры в значительной степени влияла обстановка на фронте. В период затишья на фронте офицеры отделений заводили агентуру по месту дислокации штабов фронтов, армий и дивизий, приобретали резидентов и приступали к систематической работе. Если же начиналось наступление или отступление русских войск, либо армия перебрасывалась на другой участок фронта, то, по свидетельству начальника Варшавского охранного отделения подполковника П. Т. Самохвалова, «сотрудники теряли связь, резиденты оставлялись на произвол, знание местных условий оказывалось бесполезным... на новом месте наступал “мертвый” период, необходимый для ориентировки и подготовительной работы по приобретению агентуры»⁸⁵.

На новом месте дислокации чины КРО начинали спешно вербовать новых агентов, «относясь крайне снисходительно к нравственным и служебным качествам» кандидатов⁸⁶. Вот как характеризовал их качество в августе 1915 г. подполковник П. Т. Самохвалов: «Что же касается вербовки агентов и разведчиков начальниками контрразведывательных и разведывательных отделений при посредстве доверенных лиц, то в данном случае на практике получился полный провал этой системы. Во-первых, сами доверенные

лица большею частью оказались не заслуживающими ни малейшего доверия, с темным прошлым и действующими исключительно в интересах наживы... По требованию начальников отделений подобные “доверенные лица” доставляли армии агентов и разведчиков к известному сроку десятками и даже сотнями, совершенно игнорируя вопросы о нравственных качествах вербуемых и нередко убеждая начальников, что именно неблагонадежный элемент и может быть полезен в качестве разведчика»⁸⁷.

Спешность организации агентурных сетей в начале войны сотрудниками КРО, а также их частая смена дислокации, способствовали комплектованию агентурного аппарата лицами с низкими морально-деловыми и интеллектуальными качествами.

От неблагонадежных, не соответствовавших моральным и профессиональным качествам агентов, руководители контрразведывательных отделений старались избавляться. Об этом красноречиво свидетельствуют, в частности, отчеты КРО 5-й армии за четыре первых военных месяца. Если в августе 1914 г. в отделении числился 21 секретный сотрудник, то в сентябре их количество сократилось до 13, в октябре – до 11, а в ноябре – до 10. Из них 4 служило с августа, по одному – с сентября и октября, 4 – с ноября⁸⁸.

КРО штаба 5-й армии продолжало испытывать проблемы с качеством агентуры и в 1915 г. Так, с 14 июня по 1 октября было уволено 23 агента: не заслуживало доверия – 13, за несоответствующие поступки – 3, не соответствовали своему назначению – 4, за плохое поведение – 1, по домашним обстоятельствам и личной просьбе уволено по 1 человеку⁸⁹. С 1 октября 1915 г. по 20 марта 1916 г. из этого же отделения было уволено еще 15 агентов: 7 не соответствовали своему назначению, 6 не заслуживали доверия, 1 – за провокацию, 1 – по собственному желанию⁹⁰.

Другие контрразведывательные отделения также испытывали проблемы с качеством агентуры. По данным на 9 марта 1916 г. из КРО штаба 2-й армии по разным причинам было уволено 40 агентов: от неспособности к агентурной работе до пропавших без вести⁹¹.

Агентов, совершивших более серьезные нарушения, подвергали арестам. Например, агент КРО штаба 2-й армии А.Ф. Краин-

ский, напившись в ресторане, ругал Русскую армию, выражал уверенность в победе немцев, рассказал о своей принадлежности к секретной агентуре и удивлялся, за что контрразведка платит своим агентам деньги, так как они в большинстве своем ничего не делают. Арест распоясавшегося агента произвел лично начальник жандармского управления Пултуского и Плонского уездов ротмистр А. А. Семека⁹².

Некоторые агенты КРО штаба 12-й армии не гнушались провокаций. Старший агент отделения С. Дерешак, младший агент С. Мискевич и их пособник крестьянин Н. Черепанюк поставили управляющему кинематографом в г. Ломже А. Бенгельсдорфу немецкие телефонные аппараты, украденные в Пруссии, и доложили руководству о якобы существующей в городе организации, связывавшейся с немцами по телефону. Попытка провокации была выявлена, и они оказались на скамье подсудимых. По распоряжению командующего армией начальник КРО ротмистр Ф. И. Гелимбатовский был отстранен от должности, поскольку допускал в деятельности чинов отделения неблагоприятные приемы и полный произвол в отношении ни в чем не повинных обывателей⁹³.

Избавившись от проштрафившихся агентов, контрразведчики вербовали новых, среди которых опять же оказывались обладатели тех же пороков, что и предыдущие.

Эффективность работы агентурного аппарата зависела не только от морально-нравственных качеств секретных сотрудников, но и от умелого, грамотного руководства ими со стороны офицеров контрразведывательных отделений.

Как выяснила проверка делопроизводства и порядка несения службы в одном из КРО, проведенная помощником генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего Юго-Западного фронта в феврале 1916 г., даже на втором году войны контрразведчики не могли правильно расставить агентов: «...упущено насаждение агентуры в пунктах, представляющих богатые источники для контрразведывательной работы, например, на некоторых железнодорожных пунктах, где также весьма вероятно нахождение агентов враждебных нам государств, как в пунктах, где легко вести регистрацию проходящих войск и грузов; далеко не на всех заводах и мастерских и в разного рода больших организациях, обслуживающих армию, имеются осведомительные агенты... Слабо развита

агентура в гостиницах, ресторанах, различных увеселительных заведениях, оттуда поступают редкие и малозначительные сведения штучного характера». В докладе помощника генерал-квартирмейстера обращается внимание командования на безынициативную работу агентов: «работают вообще вяло».

В докладе отмечается, что даже способные по своим личным качествам агенты в течение длительного времени доставляли малоценные сведения по причине неудовлетворительного руководства ими стороны офицеров КРО.

В целях рациональной постановки работы КРО рекомендовалось, в частности, осуществлять более строгий подбор агентуры и насаждать ее «во всех важнейших местах и направлениях возможного шпионажа»⁹⁴.

По результатам проверки только одного отделения сложно судить о состоянии работы с агентурой всех КРО на театре военных действий. Вместе с тем, мы допускаем, что подобные проблемы встречались и в других подразделениях. И не без основания. «Война застала нашу контрразведку врасплох за почти полным отсутствием и опытных руководителей, и надежного кадра агентов», – говорится в «Краткой записке по вопросу об организации и деятельности контршпионской службы в текущую войну»⁹⁵.

За полтора года войны не все руководители КРО могли приобрести необходимый профессиональный опыт. Во-первых, формирования отделений растянулось почти на год, до утверждения 6 июня 1915 г. великий князем Николаем Николаевичем «Наставления по контрразведке в военное время», которое законодательно закрепляло формирование контрразведывательных отделений на ТВД и во внутренних военных округах⁹⁶. Во-вторых, поскольку в предвоенные годы органы политического розыска придерживались «тактики невмешательства» в борьбу со шпионажем, то большинство офицеров ГЖУ, получивших назначения в КРО штабов фронтов и армий, не имели опыта борьбы со шпионажем. А в «технике борьбы» с революционными организациями и шпионами-одиночками, как отмечают специалисты, существовали существенные отличия. «Наибольшие затруднения представляют получения сведений о подозреваемых в военном шпионстве лицах ввиду того, что шпион работает в одиночку, не сообщая, как-то имело место в подпольных политических организациях, где всегда

можно найти недовольных азефов, – писал генерал-майор Н.С. Батюшин. – Обнаружить поэтому шпиона, обыкновенно ничем не выделяющегося из окружающей среды, дело нелегкое...»⁹⁷.

Малоопытные в контрразведывательной работе руководители и чины КРО, инструктировали своих агентов по каким признакам следует выявлять шпионов противника в ресторанах, лазаретах, на вокзалах, этапах, обсервационных пунктах и других местах. Результатами такой «тонкой» агентурной работы являлось большое количество задержанных по подозрению в шпионаже лиц. В той непростой оперативной обстановке, времени досконально разобраться с судьбами арестованных людей у контрразведчиков и жандармов было мало. Если в течение месяца им не удавалось доказать виновность подозреваемых в шпионаже лиц, то военные и гражданские власти прибегали к административной высылке во внутренние губернии⁹⁸.

На других участках фронта имелись свои особенности выявления агентуры противника. По другим данным, обнаружить агентов противника можно было без особых усилий, поскольку их деятельность на фронте в большинстве случаев имела вполне определенные проявления (сбор сведений, фотографирование, прямая передача данных, сигнализация, диверсии и т.д.), позволявшие задерживать их с поличным⁹⁹.

Февральская революция нанесла сокрушительный удар по спецслужбам рухнувшей империи: были расформированы Департамент полиции, Отдельный корпус жандармов и его территориальные органы, жандармы, подверглись гонениям, их изгоняли из тыловых и фронтовых контрразведывательных отделений. А вместе с ними, надо полагать, КРО теряли своих ценных агентов. Прежний агентурный аппарат распался. Со временем был воссоздан новый. Однако его количественно-качественные характеристики современной исторической науке пока остаются неизвестны.

В заключение отметим, что Первая мировая война оказала существенное влияние на принципы подбора и качественные характеристики агентуры контрразведывательных отделений. Мобилизация мужского населения империи на войну ограничили возрастной ценз агентуры. Секретными сотрудниками контрразведки становились либо юноши до 18 лет, либо возрастные мужчины

старше 55 лет. Смена мест дислокации армейских штабов вынуждала руководителей и чинов КРО часто обновлять агентурный аппарат, в спешном порядке, без должной проверки вербовать из местного населения агентов, значительная часть которых потом отсеивалась.

Контрразведывательные подразделения, используя различные средства, в том числе и агентуру, провели колоссальную работу по обнаружению и выявлению неприятельских шпионов. Однако перекрыть или минимизировать утечку секретных сведений к противнику им так и не удалось. Это в прифронтовой полосе сделать очень сложно. Это, во-первых. Во-вторых, на Восточном фронте германская агентурная разведка играла второстепенную роль, поскольку военные секреты из русских штабов регулярно утекали по другим каналам — через ненадежно защищенные радиограммы.

Особенности становления правового статуса сотрудников органов Всероссийской чрезвычайной комиссии в годы Гражданской войны

Одной из важных составляющих деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) было закрепление правового статуса ее сотрудников. В условиях становления советской власти и органов государственной безопасности (госбезопасности), а также Гражданской войны этот процесс приобретал особое значение. Во-первых, отсутствие законодательного закрепления прав и обязанностей сотрудников ВЧК создавало массу проблем как с дисциплиной в органах госбезопасности, так и с взаимодействием с другими органами власти. Во-вторых, в условиях введения всеобщей мобилизации в стране проблема правового статуса сотрудников органов госбезопасности сказывалась на кадровом составе органов ВЧК и его деятельности.

Неопределённость правового статуса ВЧК и ее сотрудников, имеющих большие полномочия в осуществлении «красного террора», способствовали усилению нападков на чекистов со стороны местных исполкомов, Наркомата юстиции (НКЮ) и Наркомата внутренних дел (НКВД). В органах центральной власти наиболее активно против ВЧК выступал НКЮ, который еще во главе с И.З. Штейнбергом встал в оппозицию чекистам. Основной причиной конфликта были слишком широкие полномочия чекистов, которые создавали массу проблем с соблюдением законности. Судя по материалам НКЮ, жалоб на неправомерность действий чекистов хватало¹⁰⁰.

Определенные нападки на органы ВЧК были и со стороны НКВД, который в сентябре 1918 г. разослал всем губернским и уездным исполкомам телеграмму с предложением высказаться по вопросу подчиненности ЧК. Отмечалось, что ВЧК настаивает на самостоятельности местных ЧК, а НКВД – на необходимости их включения на правах подотдела с определенной автономией в отдел управления Исполкома губернских Советов¹⁰¹. Большинство

местных исполкомов поддержали последнюю точку зрения¹⁰². В недрах НКВД в это время появился доклад начальника центрального управления уголовно-розыскного подотдела о деятельности чекистов. В нем указывалось, что вмешательство «деятелей» ВЧК в работу этого подотдела создавало такую атмосферу, в которой «разобраться нельзя»¹⁰³.

В этих условиях как партийной властью, так и руководством ВЧК предпринимается ряд шагов по поиску выхода из кризиса. Во избежание произвольных форм в организации местных ЧК в сентябре 1918 г. было принято «Положение ВЧК о губернских и уездных чрезвычайных комиссиях», предписывающее в обязательном порядке включать в структуру местных ЧК четыре главных отдела: по борьбе с контрреволюцией, по борьбе со спекуляцией, по борьбе с преступлением по должности и Иногородний¹⁰⁴. Кроме того, в начале октября в Центральном комитете РКП(б) созревает решение составить проект положения о ВЧК, ее взаимоотношениях с другими комиссариатами как в центре, так и на местах¹⁰⁵. Эта задача была возложена в ВЧК на комиссию из Я.Х. Петерса, И.Н. Полукарова и В.В. Фомина¹⁰⁶. Одновременно ВЧК рассылает местным губернским исполкомам циркулярное письмо «О недопустимости поднятого отдельными членами партии подхода против централизации органов ЧК», в котором отмечалось, что в ряде случаев местные губисполкомы пытаются подчинить ЧК, «начинают перевыборы и назначения председателей комиссий». ВЧК обращалось внимание на недопустимость подобного явления и поддержке этой точки зрения ЦК партии¹⁰⁷.

28 октября 1918 г. Президиум ВЦИК принял Положение «О Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях», согласно которому ВЧК являлась органом исполнительной власти и подчинялась Совнаркому. Председатели местных ЧК избирались исполкомами и утверждались ВЧК. Постановления местных чрезвычайных комиссий могли отменить или приостановить только ЧК вышестоящей инстанции¹⁰⁸. Между тем Положение о ВЧК хоть и определяло правовой статус Комиссии, но лишь в общих чертах, что предопределило появление новых междуведомственных конфликтов.

Одной из главных проблем, связанной с правовым статусом сотрудников ВЧК, являлось состояние дисциплины. Проблема усугублялась и отсутствием системы подбора сотрудников, что нередко приводило, в условиях кадрового голода, к появлению случайных людей среди чекистов. Как следствие, на заседании Комиссии 5 апреля 1918 г. заслушивался доклад Председателя ВЧК об учиненных в ночь на 5 апреля безобразиях людьми из отряда Полякова, когда один из них был задержан пьяным и один арестован на улице за стрельбу в извозчика. Постановили отряд расформировать и провести строжайшую выборку из людей отряда¹⁰⁹. Между тем, 26 апреля 1918 г. уже рассматривали вопрос о необходимости некоторой чистки в личном составе Комиссии ввиду обнаружения злоупотреблениями с арестами и освобождениями¹¹⁰. Состояние дисциплины на местах было еще хуже, что проявлялось в систематических случаях «пьянства, нерадения к делу, неисполнения предписаний центра».

В 1919 г. неоднократно издавались приказы ВЧК, в которых отмечались уже ставшие привычными факты нарушения дисциплины. В частности, в сентябре 1919 г. всем председателям ЧК предписывалось «положить конец случаям пьянства чекистов самими решительными мерами», а в приказе «О дисциплине в органах ЧК» указывалось, что «во многих местах даже ответственные работники провинциальных ЧК всю свою работу ограничивают 8-часовым рабочим днем, тормозят требующуюся срочность и незамедлительность работы ЧК»¹¹¹.

Ярким примером состояния дисциплины на местах была история Г.А. Атарбекова. Из обвинительного акта, составленного 23 июля 1919 г. заведующим следственной частью при Президиуме ВЧК П.И. Валескалом, следовало, что 30 июня в Приволжский край был командирован сотрудник ВЧК Л.М. Заковский для ревизии и налаживания работы особых отделов на Волге. При прибытии в Астрахань 11 июля Заковский зашел к Атарбекову и предъявил мандат, сообщив цель своего прибытия. Председатель ОО заявил: «Скажите т. Дзержинскому и т. Кедрову, что я проверять себя не дам, ибо у центра нет достаточных оснований, чтобы меня проверять, я с работой Особого отдела вас не познакомлю»¹¹². В результате явной провокации ОО при Реввоенсовете 11-й армии

Заковский был задержан на квартире в пьяном виде, о чем составили протокол и акт медицинского освидетельствования¹¹³.

Состояние дел с дисциплиной в органах ВЧК подвел приказ от 1 сентября 1920 г. № 108 «О положении и работе в органах ЧК на местах», в котором отмечалась целая масса недостатков по результатам обследования Витебской, Смоленской, Гомельской, Тамбовской, Пензенской и Уфимской ГубЧК. На первом месте указывались проблемы, связанные с состоянием кадров. В частности, первый недостаток заключался в отсутствии железной товарищеской дисциплины, а второй – в наличии позорящих ЧК и чекистов выпивок¹¹⁴.

Необходимо отметить, что ВЧК в целях укрепления дисциплины неоднократно издавала приказы и инструкции. В памятке сотрудникам ЧК предписывалось «каждому комиссару, следователю, разведчику» быть «всегда корректным, вежливым, скромным, находчивым»¹¹⁵. Приказом от 26 октября 1918 г. вводилась персональная ответственность председателей местных ЧК за нарушение дисциплины чекистов.

Основными методами борьбы с нарушениями дисциплины руководство ВЧК видело проведение чисток личного состава и применение санкций. В январе 1919 г. приказом № 131 руководство ВЧК предписывало «всем Комиссиям провинциальных ЧК приступить к тщательной проверке деятельности всех своих сотрудников»¹¹⁶, а в сентябре 1920 г. приказом № 122 потребовало в трехнедельный срок «произвести тщательный пересмотр всего личного состава Чека» и «удалить из среды сотрудников всех лиц, внушающих малейшее подозрение честности или твердости убеждений, соответствующих чекистам, а также нетрудоспособных и лентяев»¹¹⁷. Самым известным был приказ ВЧК № 406/С «О чистке личного состава органов ВЧК». В нем отмечалось, что из органов ВЧК беспощадно удалять: а) неработоспособных сотрудников; б) нарушающих чекистскую дисциплину и конспирацию; в) привлекавшихся к ответственности за преступления; г) бывших жандармов, полицейских, лиц, внушающих малейшее сомнение со стороны своего прошлого. Указывалось, что необходимо проверять по возможности действительные мотивы поступления сотрудников в органы ЧК и степень серьезности данных им рекомен-

даций, привлекая через местные парткомы к строгой ответственности лиц, легкомысленно давших необоснованные рекомендации¹¹⁸. Между тем проводимые чистки в условиях кадрового голода не давали ожидаемого эффекта.

Служебные проступки сотрудников являлись основанием для привлечения их к административной и уголовной ответственности независимо от должностного положения. Для обеспечения и поддержания высокого уровня дисциплины ВЧК предоставляла право начальствующему составу их органов применение мер дисциплинарного взыскания к сотрудникам за любые служебные проступки. Так, согласно приказам Красноярской губЧК заведующие имели право наложить на сотрудника за малейшее нарушение трудовой дисциплины арест до 10 суток, с содержанием в одиночной камере тюрьмы губЧК. Следует заметить, что за период нахождения сотрудника под арестом жалование не выплачивалось¹¹⁹. В Нижегородской губЧК несвоевременная явка или уход без уважительных причин карались в первый раз арестом на двое суток, а во второй – на пять суток и увольнением без права поступления в органы ВЧК¹²⁰. Приказом № 94 Витебской губЧК за уход со службы ранее установленного времени предписывалось наказывать «по всей строгости военно-революционных законов»¹²¹. Наиболее серьезные правонарушения, совершенные сотрудниками ЧК, передавались на рассмотрение в Военно-революционный трибунал¹²². К пятнадцати годам принудительных работ с лишением свободы был приговорен в феврале 1920 г. сотрудник МЧК Вихман за попытку присвоения при исполнении служебных обязанностей бриллиантовой броши¹²³. В августе 1919 г. к расстрелу был приговорен член коллегии Петроградской ЧК Д.Я. Чудин за интимную связь с сожительницей спекулянта В.М. Дрейцера и использование служебного положения¹²⁴.

Между тем, решение исполнительской дисциплины лежало с точки зрения руководства, в милитаризации ведомства. Летом 1920 г. Ф.Э. Дзержинский вернулся к этой мысли. В письмах В.Р. Менжинскому и И.К. Ксенофонтову он раскрывал суть замысла: «Коллегиальность вообще сводится к минимуму. За работу отдела несет полную ответственность стоящий во главе отдела член Коллегии. За работу всех отделов ответственен заместитель председателя»¹²⁵. Председатель ВЧК хотел реорганизовать Президиум: «В

том виде как он есть, его надо упразднить. Ответственные за ВЧК должны быть председатель и его заместитель. Для решения общих принципиальных вопросов, касающихся отделов, председатель или заместитель созывают заведующих всеми отделами ВЧК; для решения общих вопросов, касающихся одного отдела, председатель или заместитель устраивают совещание с заведующим или заместителем»¹²⁶.

В этом отношении руководство ВЧК столкнулось и с другой серьезной проблемой, которая была связана с всеобщей мобилизацией в Советской России в условиях Гражданской войны. Первый шаг в этом направлении был сделан в июне 1918 г., когда СНК приравнял по нормам довольствия сотрудников ВЧК к военнослужащим. На первых порах проблема заключалась в том, что чекисты, как гражданские служащие, подлежали мобилизации на фронт, что, в свою очередь, еще больше обостряло проблему нехватки кадров. В июле 1918 г. в связи с призывом в армию 136 сотрудников ВЧК Я.Х. Петерс обратился в СНК РСФСР с ходатайством о том, чтобы Народный комиссариат по военным делам откомандировал часть мобилизуемых чекистов в распоряжение ВЧК¹²⁷.

25 октября 1918 г. в письме в Иногородный отдел ВЧК отмечалось, что вопрос о порядке мобилизации всех сотрудников на службе в Комиссии Президиумом ВЦИК разрешен в утвердительном смысле, и декрет об оставлении всех подлежащих призыву из Комиссии для несения работ в комиссиях в ближайшее время будет издан. При этом отмечалось, что вышеизложенное необходимо довести до сведения всех провинциальных комиссий¹²⁸.

В ноябре 1918 г. выходит Декрет СНК «О незаменимых сотрудниках чрезвычайных комиссий»¹²⁹. Незаменимые штатные сотрудники ЧК при призывах их сверстников по мобилизации зачисляются на действительную службу с откомандированием для работы к своим прежним обязанностям. Это правило не распространялось на служащих ЧК, не несущих специальных обязанностей. Списки незаменимых сотрудников ЧК утверждались в порядке соглашения ВЧК с Наркоматом по военным делам заблаговременно до призыва.

В мае 1919 г. на заседании оргбюро ЦК РКП(б) о положении местных чрезвычайных комиссий рассматривался вопрос о мобилизации работников ЧК. По сообщениям Брянской ЧК, все ее работники отнимаются мобилизацией¹³⁰. 7 января 1920 г. в письме

ЦК КПУ(б) партийным комитетам Украины отмечалось, что «при партийных мобилизациях партийные организации упорно стремятся мобилизовать и коммунистов – сотрудников ЧК». С учетом этого ЦК предлагал губернским и уездным партийным комитетам «при последующих партийных мобилизациях ни в коем случае не мобилизовать комиссаров, разведчиков, следователей и членов коллегий ЧК, транспортных, губернских и их отделений без согласия на то их коллегий и без замены мобилизованных равноценными работниками»¹³¹.

В результате, важным шагом в становлении правового статуса сотрудников ЧК было принятие СТО постановления от 17 сентября 1920 г. «О приравнивании сотрудников ВЧК и ее местных органов к военнослужащим действующей Красной армии»¹³². В постановлении Совета содержался комплекс новых прав и обязанностей сотрудников ЧК. Последние на правах красноармейцев получали фронтальной и тыловой продуктовой и вещевой пайки, имели право беспрепятственного проезда по железным и водным путям сообщения. При этом никто из сотрудников ВЧК не мог по собственному желанию оставить службу в ВЧК. Все служащие несли ответственность наравне с военнослужащими, в том числе в отношении воинской дисциплины. На основании этого постановления вышел приказ ВЧК № 119 «Об установлении воинской дисциплины в органах ВЧК», который ввел порядок воинской подчиненности низших должностных лиц высшим в смысле точного и беспрекословного исполнения приказов и отдельных распоряжений непосредственных и прямых начальников¹³³.

Таким образом, одной из основополагающих составляющих деятельности органов ВЧК было закрепление правового статуса ее сотрудников. Отсутствие законодательного закрепления прав и обязанностей чекистов во многом объяснялось периодом становления органов госбезопасности в условиях Гражданской войны. Как следствие, на первых порах этот процесс носил слабо организованный и ситуационный характер, что создавало массу проблем с дисциплиной, всеобщей мобилизацией, а также взаимодействием с другими органами советской власти. В конечном итоге, руководство страны и ВЧК пришло к верному решению о приравнивании сотрудников ВЧК и ее местных органов к военнослужащим действующей Красной армии.

Л.М. Сорокина
г. Москва

Роль органов госбезопасности и внутренних дел в деятельности общественных объединений в годы Гражданской войны (1917–1920-е гг.)

После прихода к власти большевиков их отношение к общественным организациям определялось двумя обстоятельствами. Во-первых, после 1917 г., в условиях Гражданской войны институты демократии требовали ограничений, в силу чего концепция об общественном самоуправлении, включая организацию деятельности общественных союзов и объединений, на практике была реализована не в полной мере. Во многом это было обусловлено тем, что по своему социальному составу и характеру деятельности общественные организации бывшего «самодержавного режима» вызвали опасения, поскольку оставались носителями дореволюционных традиций, а ведущую роль в них играла буржуазная интеллигенция.

В этой связи, одним из направлений политики советского руководства явился дифференцированный подход к общественным объединениям, который был сформулирован следующим образом: «контрреволюцию отсекают, культурно-буржуазный аппарат использовать»¹³⁴. Тем самым, большевистское правительство, с одной стороны, привлекало общественность к решению конкретных государственных задач; с другой – обеспечивало государственную безопасность от деструктивных вражеских элементов.

Уже в декабре 1917 г. прекратили существование многие дореволюционные объединения общественно-политического характера. Инструкция НКВД РСФСР «О правах и обязанностях Советов» от 24 декабря 1917 г. предоставила последним право распустить организации, которые занимались антисоветской деятельностью и призывали к свержению нового режима¹³⁵.

Дело в том, что такие полномочия НКВД сохранились в силу преемственности данным комиссариатом осуществлять правовое регулирование деятельности общественных организаций от дореволюционного МВД Российской Империи. Необходимо отметить,

что дореволюционные общественные организации функционировали на основании изданного в 1906 г. закона¹³⁶. По аналогии с дореволюционным законодательством, различные общества, союзы и объединения, подлежали обязательной регистрации в установленные сроки в Народном комиссариате внутренних дел¹³⁷.

В аспекте обеспечения государственной безопасности Временное правительство обновило законодательство в данной сфере и стало весьма лояльным: ведущей тенденцией политического развития России явилось повсеместное вовлечение населения страны в революционный процесс. В связи с чем к осени 1917 г. в Российской Республике действовали общественные организации различные по социальным и политическим предпочтениям. Именно последние вызывали наибольшую обеспокоенность советской власти поскольку являлись дестабилизирующими, так как препятствовали становлению советской власти.

В соответствии с директивой была запрещена деятельность партии кадетов, объединений предпринимателей, офицерских союзов и многих других¹³⁸. В дальнейшем практика закрытия организаций, враждебных советской власти, продолжалась, и, таким образом, общее количество общественных объединений, действовавших до октября 1917 г., существенно сократилось. Революционные события пагубно сказались и на судьбе наиболее крупных и влиятельных императорских обществ, история которых в одночасье оборвалась: сказалась их связь с царской фамилией.

Другой тенденцией этого периода стало, напротив, воссоздание тех общественных объединений, действовавших до Октябрьской революции, которые в своей деятельности были далеки от политики. Среди них известные научные общества (Русское техническое, Русское горное, Московское математическое, Русское археологическое, медицинские и др.); культурно-просветительные (Русское библиотечное общество, Общество истории и древностей российских, Общество поощрения художеств и популяризации художественных знаний, Общество любителей старины, несколько обществ любителей книги и др.); социальной помощи и взаимопомощи – Российское общество Красного Креста. Значительную группу составляли общества, объединявшие мастеров искусств: «Мир искусства», «Бубновый валет», «Жизнь – творчество», Рус-

ское театральное общество, Литературно-драматическое и музыкальное общество им. А.Н. Островского и многие другие. Со стороны органов ВЧК и НКВД данные организации не представляли опасности для советской власти¹³⁹. Однако они так же являлись объектом наблюдения со стороны советских правоохранительных органов. Так, собрания данных организаций должны были проводиться с предварительного уведомления органов НКВД и указанием даты и места проведения, а также его повестки. Те общества и объединения, которые не были зарегистрированы либо игнорировали установленный порядок организации и деятельности, подлежали немедленному упразднению¹⁴⁰. Так же общественные организации являлись объектом наблюдения со стороны органов ВЧК-ГПУ. В многотомном издании «Совершенно Секретно: Лубянка Сталину» содержатся многочисленные сводки и справки местных органов ГПУ о деятельности различных обществ. Например, в региональных отчетах ГПУ за весну 1922 г. повсеместно отражена обеспокоенность по поводу «политического оживления» общественных организаций. Большое значение уделялось их агитационной и пропагандисткой деятельности относительно критики советской власти. Особенную остроту в деструктивной деятельности данных обществ придавало то, что советские чекисты опасались всплеска террористической активности среди населения в преддверии проведения Генуэзской конференции¹⁴¹.

Одним из эффективных направлений развития «благонадежных» с политической точки зрения обществ, являлись превентивные меры со стороны советского руководства, органов безопасности и внутренних дел. Это выражалось в создании новых организаций – обществ нового типа, политизированных организаций, тесно связанных с идеологией революционной эпохи. Они возникали в различных сферах, главным образом в сфере профессиональной деятельности интеллигенции, социальной помощи. Основной целью их была культурно-просветительная, научно-исследовательская, собирательская деятельность. Это такие общества как: Вольная философская ассоциация (1918), Научное общество марксистов (1919), польское общество «Труд» (1920), Общество друзей Российского исторического музея (1918) и др. Среди крупных объединений нового типа можно назвать Общество архивных деятелей (1917), Всероссийскую ассоциацию инженеров (1918),

культурно-просветительное общество, основанное М. Горьким и В. Фигнер, общественную организацию «Культура и свобода» (1918), Российскую ассоциацию пролетарских писателей (1920). Многие из них пользовались прямой поддержкой партийно-государственных структур¹⁴².

Однако юридическая свобода компенсировалась не только идеологическим контролем, как это резюмировалось в ряде работ¹⁴³. Деятельность органов безопасности в отношении общественных объединений была необходимой, так как зачастую за внешней безобидной организацией общественно активных трудящихся скрывались диверсионные, террористические и т.п. ячейки, угрожающие безопасности советского государства, находящегося в состоянии Гражданской войны.

Единого органа политико-идеологического контроля за деятельностью обществ и союзов в этот период создано не было. Учитывая, что на данный момент действовала ВЧК, которая с первых месяцев своего существования занималась разоблачением шпионов, диверсантов, предотвращением терактов, раскрытием заговоров антисоветских организаций не только внутри государства, но и за рубежом, задачи по контролю деятельности за общественными организациями в аспекте обеспечения безопасности были также на нее возложены.

Правовым обеспечением деятельности ВЧК в данной сфере выступали различные акты. Основные задачи ВЧК перечисляются в «Протоколе №21 заседания СНК об организации, структуре и составе ВЧК»¹⁴⁴, среди них – проведение предварительного расследования, пресечение контрреволюционных действий, предание Революционному трибуналу преступников и борьба с ними. Фактически ВЧК на разных этапах своей деятельности имела право участвовать в разработке законопроектов, осуществлять судебные функции и исполнять приговоры, предупреждать, пресекать и выявлять преступления. В феврале 1918 г. был опубликован декрет СНК «Социалистическое отечество в опасности!»¹⁴⁵, в п. 8 которого говорилось, что: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления».

Необходимо отметить, что за годы Гражданской войны, благодаря деятельности сотрудников ВЧК были выявлены и ликвидированы крупные подпольные военно-политические организации, маскирующиеся под объединения общественного актива советских граждан. Ярким примером выступают такие организации как «Всероссийский национальный центр» и «Союз защиты родины и свободы».

«Союз защиты Родины и свободы», основным составом которого являлись бывшие офицеры царской армии, был организован в феврале 1918 г. русским революционером, одним из лидеров партии эсеров Б.В. Савинковым. Ближайшими задачами «Союза», как об этом было сказано в программе, объявлялись: «Свержение Советского правительства», организация «твердой власти» в России, воссоздание старой армии и продолжение войны с Германией. Программа устанавливала строгие правила, свойственные организации деятельности любого тайного общества, включая строгую конспирацию и другие свойственные ему атрибуты¹⁴⁶.

Руководством общества использовались особые методы по части тщательного отбора и включения в его состав новых участников. Так, будущие кандидаты были обязаны ознакомиться программой «Союза защиты родины и свободы», чтобы те, «кто чувствует себя слабым духом и неспособным выдерживать тех испытаний, которые неизбежны в решительной активной борьбе...», могли своевременно (до поступления документов в Центральный штаб) отказаться «от участия в деле». В противном случае, всякие уклонения от обязанностей и отказы считались «сознательной изменой, равно как и разглашение тайн организации, и караться до лишения жизни включительно...»¹⁴⁷.

Члены «Союза защиты Родины и свободы» намеревались поднять восстания в Рыбинске, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Ростове, Муроме и других городах. Данный выбор обусловлен тем, что, например, город Рыбинск был важнейшим пунктом плана не только благодаря наличию артиллерийских складов, но и своему стратегическому положению – железная дорога соединяла этот крупный речной порт с Москвой и Петроградом.

Выявление и пресечение сотрудниками ВЧК преступной деятельности данного общества в условиях военной эскалации, тре-

бовали от чекистского руководства продуманных и четких решений. Как отмечал заместитель председателя ВЧК Я.Х. Петерс: «Этот заговор поставил перед аппаратом ВЧК новую сложную и чрезвычайно трудную задачу. Одно дело — бороться с хулиганством и бандитизмом и небольшими группами белогвардейцев другое дело – разбираться в материалах, допросах хорошо подбранной белогвардейской организации, имеющей специальные шифры, пароли и внутриорганизационную дисциплину»¹⁴⁸.

Сотрудники ВЧК не просто так уделили пристальное внимание такой организации, понимая, что противники, в лице белогвардейцев, будут осуществлять не только «открытые» вооруженные конфликты. При помощи особой наблюдательности граждан, одно из отделений данной организации было обнаружено, а при обыске изъяли печати и программу «Союза защиты родины и свободы», схему построения пехотного полка, московские и казанские адреса, а также визитную карточку.

Значительный вклад в борьбе ВЧК с общественными организациями контрреволюционного характера внес Ф.Э. Дзержинский. При его непосредственном участии в процессе следственных действий было выявлено, что «Союз защиты родины и свободы» имеет свое отделение не только в Москве, но и в Казани. Также была установлена связь Б. В. Савинкова с английскими спецслужбами. Однако, при массовых арестах и задержаниях членов данного «Союза», его главного руководителя Б. В. Савинкова, захватить не удалось. Впоследствии стало известно, что он укрывался в здании английского консульства.

Так, Б.В. Савинков, имея своих единомышленников, решил организовать восстание зимой 1918 г., думая, что сотрудники ВЧК потеряли бдительность и считали эту организацию полностью ликвидированной. Например, попытка осуществления мятежа в июле 1918 г. в Рыбинске не увенчалась успехом, то же самое произошло и в Муроме. Несмотря на то, что чрезвычайная комиссия только что создавалась на местах, главари заговора упустили из виду главное – бдительность советских людей и преданность трудящихся Советской власти. Поэтому ни в Рыбинске, ни в Муроме белогвардейцы не добились успеха.

Последней попыткой организации подобного рода восстания заговорщики «Союза защиты родины и свободы» решили осуществить в Ярославле в 1918 г. Лидеры восстания ставили перед собой задачу сформировать единый антибольшевистский фронт с целью ликвидации большевистской диктатуры, восстановления политических и экономических свобод, созыв Учредительного собрания. Тем не менее в результате активной работы отрядов ВЧК, участникам союза пришлось сдаться.

Помимо организации «Союз защиты родины и свободы», подобные цели преследовали и иные общественные организации. Так, в результате раскола одной из первых оппозиционных большевистскому режиму организаций «Правый центр», был образован «Всероссийский Национальный центр» (май – июнь 1918 г., г. Москва), куда вошла значительная часть членов «Правового центра», недовольная прогерманской ориентацией его прежнего руководства. Члены нового «Всероссийского Национального центра» (ВНЦ) были сторонниками англо-французской ориентации.

В состав ВНЦ вошли представители торгово-промышленных кругов (П.П. Рябушинский, М.М. Фёдоров, Д.В. Сироткин и др.), активисты ряда всероссийских и местных антисоветских организаций («Союза возрождения России», «Совета государственного объединения России», «Совета общественных деятелей»). По политическим предпочтениям, многие члены ВНЦ ранее принадлежали к кадетской партии, некоторые были октябристами¹⁴⁹. Своей главной задачей ВНЦ считал борьбу с большевизмом и восстановление государственного единства России с последующим образованием Всероссийского правительства. На переходный период предполагалось учреждение единоличной военной диктатуры, формирующей правительство народного доверия.

Для советского государства ВНЦ представлял серьезную угрозу, так как активно поддерживал наступление белогвардейцев и иностранной военной интервенции везде, где возникала вооружённая борьба с большевиками. В частности, московское отделение Центра готовило вооружённое восстание в Москве, начало которого было приурочено к захвату деникинцами Тулы.

«Всероссийский Национальный центр» был раскрыт из-за плохой конспирации и разгромлен ВЧК в 1919 г. По приговору Революционного Трибунала смертной казни через расстрел подверглось 67 чел.¹⁵⁰

Таким образом, можно сделать вывод, что деятельность ВЧК в годы Гражданской войны по обеспечению безопасности деятельности общественных организаций была достаточно эффективной. Во многом этого удалось осуществить благодаря полномочиям ВЧК, закрепленных в соответствующих правовых актах. С помощью своевременного осуществления оперативных мероприятий и мобилизации всех ресурсов для своей деятельности, были вовремя ликвидированы деструктивные организации. Поэтому ВЧК, в лице опытных сотрудников, удалось достичь главной цели – охраны государственного строя, обеспечения революционной дисциплины и диктатуры пролетариата, одновременно с этим оказывать существенное воздействие для победы большевиков в гражданской войне. Именно поддержка гражданами деятельности ВЧК и её признание как необходимого средства борьбы советского народа за утверждение диктатуры пролетариата способствовала выполнению этим органом поставленных перед ним задач и достижению намеченных целей.

А.И. Хрисанов
г. Москва

**Мобилизационная подготовка в органах
государственной безопасности РСФСР–СССР
(1918–1941 гг.)**

В XX столетии отечественные органы государственной безопасности неоднократно принимали участие в войнах и военных конфликтах, проходивших как на территории нашей страны, так и за ее пределами. В этой связи, целесообразно будет обратить внимание на комплекс мер, направленных на обеспечение готовности органов государственной безопасности и их структурных подразделений к выполнению задач в военное время.

Сразу после Великой Октябрьской Социалистической революции вновь сформированное правительство молодой советской республики начало преобразование всех сфер жизни государства, в том числе и военной сферы. В связи с объявленной политикой «Военного коммунизма» предполагалась полная национализация экономики, организация всеобщего партийно-государственного контроля, а также проведение мероприятий по подготовке и обучению населения (туровых ресурсов) для восстановления и сохранения народного хозяйства страны. В данном контексте под мобилизацией понимался комплекс мер по приведению в активное состояние всех имеющихся ресурсов, сил и средств государства для достижения поставленных целей в военное время¹⁵¹. Сама концепция форсированного развития государства строилась в первую очередь на массовой трудовой мобилизации населения.

Для реализации данных целей потребовалось создать государственную систему учета мобилизационных ресурсов. С этого времени в различных ведомствах РСФСР начала формироваться система учетных органов, позволяющая мобилизовать население на решение тех или иных государственных задач. В этой связи в РСФСР начали выходить соответствующие указы о мобилизации населения для различных

отраслей хозяйства: «О мобилизации специалистов по сельскохозяйственному строительству»¹⁵², «О возвращении к работе работников просвещения и социалистической культуры» и т.п. Суровость революционной идеологии подкреплялась и однозначностью мер, предусмотренных за неисполнения мобилизационных предписаний, предусмотренных в подобных указах – «Лица, подлежащие мобилизации, виновные в неподчинении будут считаться трудовыми дезертирами»¹⁵³. Таким образом, за неисполнение соответствующих указаний ответственные лица подлежали суду революционного трибунала.

Подобным образом обстояли дела и с мобилизацией работников железнодорожной, металлургической и других отраслей народного хозяйства. В период с 1919–1921 гг. на военное положение было переведено свыше 2000 крупных и средних промышленных предприятий. Необходимо отметить, что в этой связи запрещались и любые формы забастовок рабочих и служащих, которые в условиях военного коммунизма приравнивались государством к дезертирству из действующей армии. Профессиональные союзы теперь ориентировались только на решения исключительно производственных вопросов.

Что же касается военной сферы, то изменения в ней были еще более масштабными. Так, в соответствии с идеологическими установками того времени советское руководство в перспективе рассчитывало полностью отказаться от постоянно действующей казарменной армии и заменить ее милицейской системой объединения рабочих масс.

Для реализации столь радикальных преобразований в военной сфере необходимо было создать новые организационно-управленческие структуры, способные наладить систему воинского учета граждан РСФСР. Стоит отметить, что воинский учет – это общегосударственная система учета и анализа, имеющихся в стране призывных и мобилизационных ресурсов¹⁵⁴. Воинский учет необходим для определения количественного и качественного состава контингента граждан, который может быть использован в интересах обороны страны и выполнения важных народно-хозяйственных задач в военное время. Также воинский учет необходим в целях подготовки и накопления военно-обученного запаса, и, в первую очередь, наиболее необходимых

военных специалистов. Также, учет необходим в целях мобилизационного развертывания воинских подразделений и последующее их доукомплектование в военное время¹⁵⁵.

Планируемая к утверждению в РСФСР милицейская система предполагала организацию и объединение гражданского населения страны в Территориальные районные бригады со своими органами управления. В соответствии с организационной структурой управленческим аппаратом бригады являлся штаб бригады, осуществлявший функции по организации комплектования бригады личным составом и организации проводимого в ней военного обучения. Для этой цели в составе РККА было сформировано Управление всеобщего военного обучения и формирования Красных резервных частей Всероссийского главного штаба т.н. – Всевобуч, являвшееся центральным организационно-руководящим органом по построению новой «народной армии» по милицейской системе.

В свою очередь в рамках милиционной системы комплектования вооруженных отрядов был сформирован Коммунистический отряд особого назначения (КООН). Все действующие сотрудники ВЧК и МЧК, как мужчины, так и женщины, были зачислены в КООН. В рамках военной подготовки по воскресеньям в отряде проводились тактические занятия, на которые необходимо было прибывать всем сотрудникам, не задействованным в служебной деятельности. Для систематизации военной подготовки сотрудникам ВЧК и МЧК в обязательном порядке выдавались личные карточки посещаемости военного обучения. Прибывать на занятия в штаб отряда необходимо было с личным оружием.

В соответствии с декретом СНК РСФСР от 14 ноября 1918 г. «О порядке мобилизации на военную службу незаменимых штатных сотрудников ВЧК и ее местных органов» в случае объявления мобилизации все штатные сотрудники зачислялись на действительную военную службу и откомандировывались в свои подразделения для дальнейшего прохождения службы. Для реализации данных планов президиумами чрезвычайных комиссий в пределах их штатной численности формировались списки т.н. «незаменимых сотрудников» и направлялись для

утверждения в центральный аппарат ВЧК, а после представлялись в Народный комиссариат по военным делам¹⁵⁶.

Также стоит отметить, что в соответствии с Постановлением Совета труда и обороны РСФСР от 17 сентября 1920 г. все сотрудники ВЧК и местных ЧК приравнивались к военнотружущим действующей Красной армии¹⁵⁷.

Хронический кадровый голод вынуждал руководство РСФСР максимально широко использовать кадровый потенциал партийных органов. В рамках этой практике органы власти направляли коммунистов на наиболее важные участки работы. Так, вначале 1920 гг. чекисты-коммунисты мобилизовывались партией на укрепление кадров РККА, Наркомата юстиции, милиции, уголовного розыска и других ведомств¹⁵⁸.

20 января 1922 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было принято решение: «Сохранить максимально боевой аппарат ВЧК, с таким расчетом, чтобы при обострении гражданской войны он мог бы быть быстро и решительно развернут»¹⁵⁹. Для этого в соответствии с планами ведомства на период военного времени были проработаны меры по планомерному развертыванию в разных регионах страны дополнительных ведомственных образовательных учреждений по подготовке сотрудников. В частности, было предусмотрено развертывание четырех транспортных школ ОГПУ, рассчитанных на 2314 чел., с расквартированием в Москве, Харькове, Ростове-на-Дону и Омске. Назначение этих школ заключалось в подготовке кадров для транспортных подразделений ОГПУ на случай военных действий, массовых восстаний и беспорядков на железных дорогах и прилегающих к ним территорий. Переменный состав указанных школ должен был комплектоваться из запаса бывших сотрудников ОГПУ в количестве 1157 чел., а недостающую половину планировалось набирать из запаса младшего политического и командного состава РККА из числа коммунистов.

Также стоит учитывать тот факт, что все ведомственные образовательные учреждения изначально создавались в форме курсов и школ, организационная структура которых, строилась по типу воинских подразделений (дивизион, батальон, рота, взвод).

Интересным фактом являлось и то обстоятельство, что в 1920-е гг. в ГПУ–ОГПУ трудились и несовершеннолетние сотрудники.

Указанной категории сотрудников предписывалось проходить обязательную военную подготовку при Отряде специального назначения ОГПУ т.н. ОСНАЗЕ.

Что же касается мобилизационной учетной работы, то с 1924 г. в органах ОГПУ создавался свой «особый учет» военнообязанных сотрудников, на который должны были быть поставлены все военнообязанные сотрудники ОГПУ командного, административного и красноармейского состава, кроме лиц допризывного возраста. По данному приказу указанные категории сотрудников ОГПУ снимались с общего учета военнообязанных, учитываемых в военных комиссариатах и других учетных органах.

Все вновь принимаемые на службу сотрудники (кроме лиц допризывного возраста) подлежали постановке на особый учет в органах ОГПУ и, соответственно, снимались с воинского учета иных ведомств. Сотрудники же ОГПУ допризывного возраста, по достижении ими 17 лет должны были приписываться к призывным участкам на общих со всеми гражданами основаниях. Службу по призыву они должны были проходить в соответствующих частях войск ОГПУ. В случае проведения мобилизации все сотрудники ОГПУ оставлялись на службе в органах ОГПУ, не исключая и допризывников, которые при достижении ими совершеннолетия подлежали призыву в части войск ОГПУ.

Что же касается бывших сотрудников ОГПУ, состоящих на учете в запасе РККА и РККФ, то по ним были установлены следующие правила. Так, уволенные или увольняемые со службы из органов ОГПУ сотрудники, прослужившие на ответственных должностях не менее 1 года, подлежали постановке на особый учет ОГПУ. А не отслужившие установленного срока ответственные сотрудники подлежали постановке на общий учет военнообязанных в соответствующие по месту избранного ими жительства военкоматы и прочие учетные органы.

С этого момента было установлено, что военнообязанные, зачисленные на особый учет ОГПУ, не подлежали зачислению в переменный состав территориальных бригад (дивизий), а также не подлежали постановке на особый железнодорожный и специальный учеты.

В рамках мобилизационной подготовки, всем состоящим на особом учете сотрудникам ОГПУ необходимо было пройти

первичные учебные, а также последующие периодические военные сборы при частях и подразделениях РККА. Предусматривалась и возможность прохождения сотрудникам военного обучения вневоинским порядком по особым правилам, устанавливаемым военным ведомством по соглашению с ОГПУ.

Принятию на особый ведомственный учет подлежали и все не состоящие на службе в органах государственной безопасности бывшие сотрудники органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД, прослужившие на ответственных должностях в органах не менее одного года.

Следует обратить внимание и на категории сотрудников, не подлежащих постановке на особый учет ОГПУ: сотрудники, прослужившие в органах ОГПУ менее одного года; лица, состоящие на службе и служившие в войсках ОГПУ, внутренней службы и ВЧК; военнообязанные командного состава, административного состава Красной армии и Красного флота с высшим военным образованием; лица допризывного возраста.

Снятие с особого учета бывших сотрудников ОГПУ осуществлялось в следующих случаях: в связи с поступлением гражданина на действительную службу в органы ОГПУ, войска ОГПУ, в РККА и РККФ; при лишении прав работы в органах ОГПУ или прав гражданства; при перемене места жительства или временном отсутствии на срок свыше 3-х месяцев, а также при выезде за границу; при достижении предельного возраста состояния на особом учете ОГПУ; в связи со смертью или пропажей без вести.

До 1934 г. общее руководство и надзор за осуществлением особого ведомственного учета сотрудников ОГПУ, в рамках мобилизационной подготовки, находящихся в запасе возлагалось на Административно-организационное управление (АОУ) ОГПУ. Сам учет сосредотачивался как в АОУ ОГПУ, так и в Полномочных представительствах ОГПУ. В составе АОУ ОГПУ был развернут мобилизационный (учетный) аппарат. При увольнении в запас каждому ответственному сотруднику ОГПУ в обязательном порядке ведомственными учетными органами выдавался «Учетный билет», в который вносились все сведения о служебном и семейном положении увольняемого.

С созданием в 1934 г. Народного комиссариата внутренних дел. мобилизационный учет органов государственной

безопасности претерпел существенные изменения в связи с созданием ряда главных управлений и самостоятельных отделов центрального подчинения НКВД СССР. Вместе с тем, специальный статус особого учета кадров органов государственной безопасности был сохранен.

Накануне Второй мировой войны работа по мобилизационной подготовке в органах государственной безопасности СССР усилилась. В этой связи, в 1939 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б), численность личного состава органов государственной безопасности была увеличена, в общей сложности на 5189 чел.¹⁶⁰

Мобилизационная подготовка органов государственной безопасности СССР к началу 1941 г. включала в себя комплекс мер по ведению особого ведомственного учета и деятельность по организации военной подготовки сотрудников, находящихся в запасе. В рамках мобилизационной подготовки всем состоящим на особом учете сотрудникам Главного управления госбезопасности НКВД необходимо было проходить военные сборы при частях и подразделениях РККА. В порядке исключения, предусматривалась и возможность прохождения сотрудниками военного обучения вневойсковым порядком по особым правилам, устанавливаемым военным ведомством по соглашению с органами государственной безопасности.

В условиях сложной военно-политической обстановки в рассматриваемый период советским органам государственной безопасности удалось сформировать свой особый учет военнообязанных сотрудников. Данный учет ответственных работников (запас) органов государственной безопасности, был необходим для определения общего количества лиц, в случае необходимости направляемых на укомплектование новых формирований органов государственной безопасности, а также для усиления действующего состава органов при наличии внутренних и внешних политических осложнений в стране.

Таким образом, ведомственная мобилизационная подготовка, проводимая в 1918–1941 гг. позволила органам НКВД-НКГБ СССР успешно противостоять немецко-фашистским захватчикам в ходе самой кровопролитной войны XX столетия – Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

**Участие отечественных органов государственной
безопасности в Советско-польской войне
1919–1921 гг.**

Анализ становления и развития отечественных органов госбезопасности в период Советско-польской войны 1919–1921 гг. позволяет не только глубже раскрыть сущность методов борьбы со шпионажем и контрреволюцией в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), но осмыслить характер противостояния двух государств, отголоски которого ощущаются и в наши дни. Тенденциозная интерпретация причин, хода и последствий Советско-польской войны в настоящее время используются субъектами международных информационных кампаний для распространения деструктивного псевдоисторического контента в целях дискредитации деятельности России, подрыва имиджа ее Вооруженных сил и органов государственной безопасности.

Тенденциозная трактовка основных событий Советско-польской войны происходит не взирая на очевидность самого факта развязывания польскими правящими кругами войны с Советской Россией, которые, затеяв вооруженный конфликт, стремились не только прирастить собственные территории за счет Западной Украины и Западной Белоруссии, но и нивелировать угрозы, исходящие от революционного движения среди польского населения, а также не допустить возрождения сильного русского государства.

Так, в частности, Ю. Пилсудский в качестве главных задач Польши накануне войны определял:

- «а) предотвращение влияния России и борьба против планов создания великой России <...>;
- б) поддержка стремления народов, находящихся между нами и Россией, к единству не с Россией, а с Польшей <...>;
- в) проведение мер, направленных к уменьшению симпатии левых элементов Англии к Германии и к России»¹⁶¹.

При этом для Пилсудского было не принципиально какая Россия (царская или советская) стоит на пути создания Великой Польши, простирающейся от «Гельсингфорса до Тифлиса»¹⁶².

В современных условиях актуальность исторического анализа Советско-польской войны обусловлена также ее географией – боевые действия велись на территориях современных Польши, Украины, Белоруссии и Литвы. Примечательно в этом плане то, что войну с Польшей вела не только Советская Россия, но и Украина, а договор о мире с Польшей был подписан с одной стороны Польшей, а с другой – Россией, Украиной и Белоруссией.

Отчасти через призму событий Советско-польской войны следует рассматривать отношения России с прибалтийскими государствами, так как именно в ее ходе Латвия по соглашению с Польшей захватила Пыталовский район, на который после развала СССР выдвигала территориальные претензии к России.

Составным элементом Советско-польской войны являлось противоборство спецслужб обоих государств, которое требует более глубокого анализа, исходя из событий, происходивших как на Западном фронте, так и в стране в целом.

Устремления спецслужб Польши базировались на стратегических основах ее внешней политики, которая исходила из стереотипов противостояния с Россией и борьбы за региональное лидерство.

Руководство Польши, проводя исключительно враждебный и крайне провокационный курс в отношении Советской России, накануне войны опиралось в деятельности на спецслужбы под руководством 2-го отдела польского Генерального штаба (ПГШ). При этом, готовясь к боевым действиям с Советской Россией, польская разведка активизировала деятельность агентуры как ПГШ, так и участников «Польской организации войсковой», созданной во время Первой мировой войны в целях борьбы за возвращение польских территорий.

Эффективность деятельности польских спецслужб накануне и в годы Советско-польской войны во многом определялась формированием закордонных резидентур, осуществлявших активную агентурную работу. Указанные резидентуры формировались главным образом в населенных пунктах, в которых находились части РККА, а также на железнодорожных узлах.

Основным вербовочным контингентом для польской разведки выступали представители польской диаспоры, католическое духовенство и контрреволюционно настроенные граждане. Наличие на территории Белоруссии и Украины различных польских объединений и организаций значительно облегчало подрывную деятельность. При этом оккупация Польшей указанных территорий углубила разделение местного населения по национальному признаку и способствовала активизации деятельности польских общественно-политических организаций.

При проведении вербовок польские спецслужбы в совокупности с апеллированием к «польскому патриотизму» могли запугивать, подкупать или шантажировать вербуемых лиц¹⁶³.

При отступлении с территории Украины и Белоруссии в ходе наступательных операций РККА польские спецслужбы, включая польское жандармское отделение и контрразведку, оставляли на освобожденных красноармейцами территориях своих агентов.

Характерной чертой польских спецслужб являлось то, что в качестве резидентов они зачастую использовали пожилых людей, ранее не скомпрометировавших себя перед советской властью и имевших постоянные (как правило, достаточно высокие) источники доходов. В связи с чем данные лица не вызывали подозрений в работе на иностранные разведки, а финансовый след их сотрудничества с польской стороной был не так заметен.

Наибольшую активность в деятельности резидентур проявляли агенты из числа молодых мужчин и женщин, легенда профессиональной деятельности которых (торговцы, спекулянты и т. д.) позволяла им перемещаться по прифронтовой полосе в целях добывания информации о частях РККА и вербовки агентов-наблюдателей, проживавших в непосредственной близости к разведывательным объектам.

При этом круг задач агентурного аппарата был достаточно широк:

- добывание информации о дислокации, численном составе и вооружении частей РККА;
- получение сведений о настроениях в среде красноармейцев;
- совершение диверсий (поджогов складов, взрывов мостов, разрывов телефонных и телеграфных линий и т. п.);
- ведение агитации среди местного населения;

– распространение слухов и организация различных провокаций, включая грабежи и убийства мирных жителей, в целях дискредитации советской власти;

– оказание помощи дезертирам из частей РККА;

– организация побегов военнопленных и др.

Следует отметить, что польские спецслужбы, тесно сотрудничавшие и обменивавшиеся информацией, в частности, с французской и японской военными разведками, являлись достойным противником, имевшим сильные разведывательные позиции во многих городах Советской России, включая Москву.

О результативности деятельности польских спецслужб свидетельствуют успешно проведенные диверсии на армейских складах (в г. Вязьме) сказавшиеся на планомерности снабжения боеприпасами и продовольствием частей Западного фронта.

Крупным успехом можно считать и расшифровку Криптографической секцией 2-го отдела ПГШ кода, использовавшегося РККА, позволявшего расшифровывать все радиосообщения, которыми обменивались ее штабы. Результатами работы польская сторона делилась со своими союзниками по борьбе с большевиками. Так, зачинатель дешифровального дела в японском ВМФ сотрудник 4-го отдела Морского главного штаба императорской Японии капитан-лейтенант К. Накасути при вступлении в должность вместе с армейскими офицерами прослушал семинар ведущего польского криптографа Я. Ковалевского по методике взлома советских шифров. Тесный контакт с польской военной разведкой поддерживался японской стороной и в дальнейшем¹⁶⁴.

В лице спецслужб Польши советские органы госбезопасности столкнулись с серьезной силой, имевшей более продолжительную историю своего существования, чем ВЧК.

Преимственности же между царскими спецслужбами и ВЧК не было: сотрудников царской охраны на службу, как правило, не принимали, ни один ведомственный документ на вооружение взят не был. Несмотря на наличие большого опыта агентурной работы, выработанного в дореволюционный период, деятельность ВЧК по формированию агентурного аппарата находилась на начальной стадии. У сотрудников не было сформировано целостного понимания значения оперативных источников в контрразведывательной дея-

тельности, а сам процесс создания таких органов носил постепенный характер и сопровождался поиском новых организационных форм борьбы со шпионажем. В данном ключе следует рассматривать объединение в январе 1919 г. армейских ЧК с органами Военного контроля и создание на их основе особых отделов фронтов и армий, военных округов и губерний.

Негативным образом на деятельности ВЧК и особых отделов сказывалось нежелание ряда лиц из числа руководства страны использовать опыт и наследие царской контрразведки и охраны, в т. ч. в вопросах использования агентурного аппарата. Процесс развертывания агентурной и осведомительной сети в ВЧК и особых отделах происходил медленно и непросто. В частности, использование в ранние годы советской власти в качестве источников исключительно партийных работников непосредственным образом сказывалось на результативности противодействия разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб, контрреволюционной деятельности и борьбе с бандитизмом. Данный подход к формированию агентурного аппарата не имел серьезной оперативной значимости и способствовал компрометации деятельности, как сотрудников ВЧК, так и коммунистов. Окончательно переход к новой организации агентурной работы был оформлен только с введением в действие приказом ВЧК от 17 июля 1921 г. № 216 инструкции по осведомительной службе, разработке дел и ведению агентурной работы для губернских, транспортных ЧК и особых отделов, где впервые в систематизированном виде были определены категории агентуры, организация работы с ней, вопросы контроля и проверки ее работоспособности¹⁶⁵.

Следует отметить, что процесс выработки мер и способов противодействия разведывательно-подрывной деятельности польских спецслужб шел иногда интуитивно как в силу отсутствия соответствующего опыта, так и несовершенства правовой базы деятельности отечественных спецслужб.

Несмотря на то, что у руководства Советской России не сразу сложились единые подходы в отношении целей и способов деятельности отечественных спецслужб, ВЧК и особые отделы Западного фронта в целом достаточно своевременно реагировали на изменения оперативной обстановки и возникающие в связи с этим новые задачи, внося корректировку в свою деятельность.

В ходе Советско-польской войны борьбой с польской разведкой активно занимались такие талантливые организаторы, как будущие руководители особого и контрразведывательного отделов ОГПУ А.Х. Артузов и Я.К. Ольский, начальник особого отдела Западного фронта И.А. Апетер и другие высокопоставленные сотрудники органов госбезопасности¹⁶⁶.

В рассматриваемый период времени совершенствовались способы противодействия разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб, включая польских. В частности, стали активно использоваться:

- наблюдение за подозрительными лицами;
- опросы и допросы как метод получения информации о деятельности польских спецслужб и их агентуры на советской территории;
- негласные осмотры и обыски служебных и жилых помещений подозреваемых лиц;
- предупредительные меры, направленные на затруднение деятельности иностранных разведок, включая спецслужбы Польши.

Успешное выявление разведывательно-подрывной деятельности во многом зависело от своевременного получения и проверки первичной информации в отношении конкретных лиц. Усилению борьбы со шпионажем и контрреволюцией в РККА также способствовало:

- создание осведомительной сети особых отделов, которая предоставляла информацию о настроениях личного состава частей РККА, включая моральное состояние и боеготовность, а также выявляла контрреволюционную и шпионскую деятельность;
- изучение и систематизация методов и способов организации разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб, в т. ч. польской разведки;
- наличие в особых отделах секретных сотрудников (агентов), завербованных из враждебной среды или близкого окружения, использовавшихся для разработки конкретных лиц, а также агентов из числа коммунистов и сочувствующих им, внедренных особыми отделами в штабы и военные части;

– усиление мер конспирации в деятельности особых отделов, начиная с осени 1919 г. (более масштабное использование документов прикрытия, зашифровка имен и т. п.), а также масштабов негласных форм деятельности особых отделов;

– организация системы контроля за лицами, пересекающими фронт, и проведение проверочно-фильтрационной работы в среде перебежчиков, военнопленных и др.

– реализации мер, направленных на усиление обеспечения сохранности военной тайны в учреждениях и частях РККА;

– усиление с начала 1920 г. работы по регистрации (взятию на оперативный учет) лиц, являвшихся объектами оперативной работы;

– наделение особых отделов чрезвычайными правами. Так, 17 февраля 1919 г. ВЦИК издал постановление «О правах ВЧК и ревтрибуналов», на основании которого Всероссийская чрезвычайная комиссия 20 февраля 1919 г. предоставила особым отделам армий права непосредственной расправы по пресечению преступлений в зоне боевых действий. Кроме того, в целях борьбы с дезертирством и бандитизмом особым отделам в случае необходимости придавались вооруженные отряды, выделяемые командованием в их распоряжение;

– проведение всероссийских съездов особых отделов (первый состоялся в декабре 1919 г.), на которых обсуждались методы борьбы с контрреволюцией и шпионажем.

К числу наибольших успехов отечественных спецслужб в борьбе с польским шпионажем относится разгром главной резидентуры польской разведки, действовавшей в Москве и Петрограде. В частности, в 1920 г. после ареста некоторых агентов польской разведки стало ясно, что в Москве действует крупная резидентура 2-го отдела ПГШ. Выявление оперативным путем в г. Орше одного из курьеров московской резидентуры позволило в дальнейшем путем разработки ряда ее членов задержать главного резидента польской разведки в Советской России – И. Добржинского и резидента ее петроградского отделения – В. Статкевича, которые в дальнейшем стали работать на ВЧК¹⁶⁷.

В ходе Советско-польской войны советской разведке удавалось также добывать важную информацию, касавшуюся планов и взаимодействия польской стороны как со странами Антанты, так и с

прибалтийскими государствами. Так, в начале 1920 г. руководство Советской России располагало точной информацией от своей разведки в г. Хельсинки о том, что попытка Польши создать союз Балтийских государств потерпела полную неудачу ввиду «несогласия относительно границ между Литвой, Польшей и Латвией, и последней – с Эстонией <...> никакого определенного решения в отношении Советской России принято не было, но, в общем, решено придерживаться политики союзников». При этом было отмечено что, «Польша намерена предпринять наступление на Советскую Россию с целью занятия района до Днепра»¹⁶⁸.

Следует отметить, что советская военная разведка располагала сведениями и о готовившейся Киевской операции Войска Польского, начавшейся 25 апреля 1920 г. В частности, 6 апреля 1920 г. регистрационный отдел Западного фронта докладывал в Москву: «24 марта. [В] Сарны прибыли срочно петлюрчасти 600 человек <...> Из разговоров с петлюровцами выяснилось, они будут наступать на Киев [в] конце апреля»¹⁶⁹.

Несмотря на успехи отечественных спецслужб, негативным образом на противодействии разведывательно-подрывной деятельности польских спецслужб сказывались:

– недостаток достойных и преданных делу кадров. От того, насколько хорошо они были подготовлены и правильно расставлены, зависела результативность контрразведывательной работы в РККА. Однако в ряде случаев во главе особых отделов ставились лица, не знакомые с оперативной работой;

– необходимость выполнения особыми отделами Западного фронта поручений, не связанных с борьбой со шпионажем и контрреволюцией;

– слабый контроль со стороны Особого отдела ВЧК за исполнением принимаемых решений на местах, в силу того, что фронтовые и армейские особые отделы были подчинены вышестоящим особым отделам и реввоенсоветам.

Кроме того, сотрудники ВЧК и особых отделов в годы Советско-польской войны мало уделяли внимания вербовке осведомителей среди бывших членов антисоветских партий, польской интеллигенции, бывшего русского офицерства, что негативным образом сказывалось на результатах работы.

На период Советско-польской войны пришелся процесс становления работы органов ВЧК по информированию органов власти и управления, в т. ч. касавшийся формирования эффективного порядка добычи, обработки, анализа информации и ее доведения до конечного потребителя.

Таким образом, деятельность большевиков по организации собственной спецслужбы оказалась в целом не менее эффективнее, чем аналогичные усилия, предпринимавшиеся польской стороной. При этом, советская спецслужба в отличие от польской практически не прибегала к таким острым формам подрывной деятельности, как диверсия, террор, убийства мирного населения, распространение провокационных слухов и пр. на собственно польской территории. Рассмотренное выше необходимо использовать особенно сегодня при противодействии зарубежным информационным кампаниям, направленным на принижение роли России в мировой истории.

Противопоставив себя дореволюционной России, они получили возможность сочетать опыт прошлого и собственные нововведения. Это выразилось, прежде всего, в создании ВЧК как единой централизованной организационной структуры, подчиненной непосредственно СНК РСФСР и выполнявшей одновременно функции разведки, контрразведки и политического сыска.

Кадровую политику советской спецслужбы отличал «классовый» подход: при формировании ВЧК предпочтение отдавалось коммунистам, что, зачастую, обуславливало их недостаточный профессиональный уровень. С этим, в частности, были связаны сложности в период Советско-польской войны 1919–1921 гг. по противодействию разведке противника, укомплектованной более опытными кадрами.

И.С. Мамаев
г. Москва

О «благотворительной деятельности» Американской администрации помощи

Международная благотворительная неправительственная организация «Американская администрация помощи» (АРА) была создана в 1919 г. по инициативе и под руководством министра торговли США Г. Гувера для оказания безвозмездной продовольственной и иной помощи европейским странам, пострадавшим в Первой мировой войне. Одной из тайных задач этой организации было проникновение в страны Европы с целью оказания на них политического влияния¹⁷⁰.

До 1921 г. продовольственная помощь нашей стране не оказывалась. Тем временем, в результате семи лет Первой мировой и Гражданской войн ситуация с продовольствием только обострялась. Так, с осени 1917 до начала 1921 г. население России сократилось более чем на 10 млн чел. Кроме прочего, к весне 1920 г. Центральный регион Советской России, Поволжье, Северный Кавказ и Украина были охвачены голодом. В мае 1921 г. в Поволжье и ряде губерний Центра началась засуха, уничтожившая посевы и усугубившая народное бедствие. В мае 1922 г. голодало, по разным подсчетам, 22–27 млн чел.¹⁷¹ Поэтому организация борьбы с голодом стала одной из самых неотложных задач советских партийных и государственных деятелей, писателей, работников искусства и всех граждан Советской России.

В июле 1921 г. писатель А.М. Горький обратился к жителям Европы и Америки с призывом о помощи голодающим регионам Советской России. 2 августа 1921 г. в советской и зарубежной печати было опубликовано написанное В.И. Лениным «Обращение к международному пролетариату», в котором он призывал рабочих всех стран организовать такую помощь в порядке пролетарской солидарности¹⁷². И тут, в который уже раз, ярко проявилась солидарность трудящихся. Рабочие многих стран, а также интеллигенция откликнулись на эти обращения. В разных странах

начали создаваться комитеты, которые занимались сбором пожертвований для голодающих в Советской России.

Аналогичная работа проводилась и в Соединенных Штатах Америки. Многие американские предприниматели также поддерживали эти инициативы, преследуя свои цели. Так, к концу Первой мировой войны в США было накоплено огромное количество продовольственных запасов, которые влияли на снижение цен внутри страны и могли вызвать экономический кризис. Перед руководством американских монополий встал вопрос об устранении этих запасов любыми путями. Поэтому правительство США поручило Г. Гуверу начать сбор денег и продовольствия для голодающих детей Поволжья¹⁷³.

В августе 1921 г. в Риге между советским правительством в лице заместителя наркома иностранных дел РСФСР М.М. Литвинова и директором европейского отдела АРА У. Брауном начались переговоры об оказании помощи в борьбе с голодом. Во время переговоров АРА предложила свой проект соглашения, в котором содержались политические требования, направленные на вмешательство во внутренние дела Советской России.

Так, руководитель американской делегации требовал предоставить АРА право иметь свой аппарат по распределению продовольствия без участия советских представителей, обеспечить дипломатический иммунитет для ее служащих, освободить грузы АРА от таможенного досмотра. В.И. Ленин выступил категорически против принятия этих требований. 11 августа 1921 г. в письме в Политбюро ЦК РКП(б) он предложил во время переговоров советских представителей с АРА выдвинуть самые строгие условия: «Условия поставить архистрогие: за малейшее вмешательство во внутренние дела – высылка и арест»¹⁷⁴.

Решительная позиция советской делегации во время переговоров заставила АРА отказаться первоначальных требований. Договор между правительством РСФСР и Американской администрацией помощи был подписан 20 августа 1921 г. Согласно договору, АРА предоставлялись широкие полномочия по созданию на советской территории своих отделений, самостоятельному набору рабочих, распоряжению своими фондами, бесплатному пользованию железными дорогами и другими видами транспорта¹⁷⁵.

В нашей стране Американская администрация помощи находилась с 1 октября 1921 г. Руководителем АРА на территории РСФСР являлся личный друг Гувера полковник В. Хаскель, центральный офис которого находился по адресу: г. Москва, улица Спиридоновка, дом 30. Представительства АРА были развернуты в Петрограде, Астрахани, Саратове и других городах России. Так, в пораженных голодом губерниях, объединенных в 12 подрайонов, имелись окружные управления, а в уездах ее уполномоченные¹⁷⁶.

В Американской администрации помощи насчитывалось около 300 прибывших из США сотрудников. Кроме того, в ее организациях работало большое количество российских граждан, которые набирались исключительно американцами. Все иностранные сотрудники АРА брали на себя обязательство ограничиваться на советской территории только работой по оказанию помощи голодающим и не заниматься какой-либо политической или коммерческой деятельностью.

Советское правительство предоставило АРА помещения, жилье, склады со всей обстановкой, отоплением, освещением, транспортные средства и горючие материалы для легковых и грузовых автомобилей, а также выплачивало жалованье всем сотрудникам, работавшим в системе АРА на территории Советской России. За время деятельности АРА на нашей территории Советское правительство выплатило ей свыше 15 млн рублей золотом. В свою очередь, только за три месяца работы в 1921 г. АРА получила из Америки 17 263 тыс. тонн продовольствия и других грузов для голодающих. К концу 1921 г. продовольственную помощь АРА получили более полмиллиона советских детей¹⁷⁷.

Правящие круги и руководители разведки США считали, что АРА, помимо благотворительных функций, может успешно вести в Советской России подрывную работу. «Думается, – писал У. Браун, – что таким путем полная информация будет получена без затруднений, связанных с правительственными действиями»¹⁷⁸. Исходя из этого, многие сотрудники АРА занимались сбором сведений о военном, политическом и экономическом положении Советского государства, поддерживали и объединяли антибольшевистские силы. Руководители американской разведки считали, что если и будут разоблачены шпионы, работающие под прикрытием

АРА, то Советское правительство не станет предъявлять претензий к американскому правительству, так как АРА формально является неправительственной организацией. Расчет также делался и на то, что до тех пор, пока будет продолжаться голод, Советское правительство не прекратит деятельность АРА и, тем самым, продлит пребывание в стране ее агентов.

В ноябре 1921 г. на тайном совещании крупных американских монополистов Г. Гувер заявил, что главная цель его жизни – уничтожить Советскую Россию. По его словам, АРА уже выкачала из нее почти все золото, поэтому Советская власть находится на грани катастрофы.

После заключения договора с Советским правительством в США началась кампания преследования всех организаций и частных лиц, занимающихся сбором средств для голодающих россиян. Г. Гувер убирал с пути всех, кто не хотел сотрудничать с американской разведкой. В США стали выходить антисоветские статьи. Их авторы критиковали Советскую власть, ее внутреннюю и внешнюю политику.

8 февраля 1922 г. представитель фермеров сенатор Марш заявил в Сенате, что Гувер старается использовать свое положение для свержения Советского правительства. В действительности, в этот период АРА тормозила доставку хлеба в Советскую Россию. По указанию Гувера резко подскочили цены на пшеницу, американские пароходные кампании подняли фрахты на перевозку зерна. По словам Ф.Э. Держинского, империалисты решили убить большевиков если не дубьем, то рублем¹⁷⁹.

Американские правящие круги, разведка США и лично Гувер большое внимание уделяли отбору и подготовке своих людей для работы в Советской России. Основной упор делался на политическую благонадежность и умение ориентироваться в любой обстановке, в которую могли попасть сотрудники АРА. Руководители американской разведки внедряли в аппарат АРА лиц со знанием русского языка, а также агентов – выходцев из России. Все отобранные лица проходили тщательную разведывательную подготовку, после чего направлялись для стажировки в аппараты АРА и другие страны. Так, в Англии, например, стажировались С. Квин, Г. Гай и другие. После окончания стажировки все агенты, направ-

ляемые в Советскую Россию, посылались в Ригу, где получали инструкции от начальника американской миссии. Из 300 находившихся в нашей стране американцев, большинство прошли такую подготовку.

С самого начала деятельности Американской администрации помощи некоторые американцы предупреждали советских граждан, что большинство сотрудников АРА являются офицерами американской армии и служат в разведывательных органах. Они прямо называли эту организацию гнездом шпионов.

Действительно, органами ВЧК было установлено, что штат центрального управления АРА в г. Москве, который подбирался лично Гувером, состоял, в основном, из офицеров американской разведки и полицейских чинов. Так, В. Хаскель в 1918 г. являлся верховным комиссаром США на Кавказе, где проявил себя ярким антисоветчиком и распространителем в американской прессе разного рода слухов о большевиках. В этот период он старался настроить против Советской власти Азербайджан, Армению и Грузию. В 1923 г., после возвращения в США, Хаскель был назначен начальником контрразведки при генеральном штабе американской армии.

С самого начала своей деятельности в РСФСР АРА была связана с бывшей российской буржуазией, дворянством, белогвардейскими кругами и руководителями антибольшевистских партий и организаций. Пользуясь правом набирать себе штат, АРА вербовала себе сотрудников из этих кругов. Так, в центральном управлении АРА работали бывшие графини Толстая, Нарышкина, Голицина, княгини Мансурова, Куракина и др. В губерниях, где находились отделения АРА, наблюдалась та же картина, что и в столице. Так, отделения АРА Самарской губернии в большинстве своем состояли из эсеров и других враждебно настроенных к Советской власти сотрудников. Прибегая к подкупу, путем выдачи некоторым лицам указанной категории продовольственных пайков и вещей, АРА использовала их для ведения антисоветской агитации.

АРА старалась привлечь внимание определенной части советской молодежи к заграничным религиозным организациям, для чего в ряде наших городов были созданы нелегальные «союзы христианской молодежи», «союзы христианского студенчества» и т.п.

На нелегальных собраниях этих союзов присутствовали американцы. Здесь подвергалась критике советская действительность, восхвалялся американский образ жизни, обсуждались вопросы нелегальной посылки за границу делегатов на международные съезды этих союзов. Чекистами было установлено, что в этих организациях, под видом студентов, скрывались бывшие белые офицеры и сотрудники царской охранки.

Кроме того, АРА давала возможность многим иностранным журналистам пользоваться своей дипломатической почтой. Так, французский журналист Ранак через эту организацию направил свой доклад о структуре советских государственных органов, о взаимоотношениях между ними и дал характеристики делегатов, направляемых на Генуэзскую конференцию.

Особое внимание АРА обращала на работу нашего транспорта. Она стремилась внедрить «своих людей» в Народный комиссариат путей сообщения (НКПС) и его органы на местах. АРА систематически завышала потребительскую норму на вагоны, чтобы искусственно создать их дефицит для других потребителей. Так, например, 24 февраля 1922 г. АРА подала запрос на ежедневную подачу 165 вагонов в Ригу и Любаву на март месяц, хотя до этого была достигнута договоренность на 50 вагонов, с чем ее представители на переговорах были согласны. Это была прямая попытка со стороны американцев нанести вред народному хозяйству Советской России, так как положение на транспорте в то время было чрезвычайно тяжелым.

Многие работники железнодорожного транспорта отказывались работать с АРА. Так, инженер Шухов, поддерживавший связь НКПС с этой организацией утверждал, что представители АРА требовали от него сведений не имевших никакого отношения к передвижению ее грузов. В своем заявлении Шухов писал, что американцы ведут себя в России «как в завоеванной стране».

Сотрудники АРА на советской территории занимались также незаконными валютными операциями, скупали за бесценок золото, бриллианты, драгоценные камни, картины, церковную утварь. Советские таможенники неоднократно указывали, что под видом дипломатической почты АРА старалась перевезти ценный груз. Так, 1 декабря 1922 г. на московской таможне в присутствии

официальных представителей АРА была вскрыта почта, адресованная в Ригу. Таможенный контроль обнаружил в ней большое количество, не подлежащих вывозу из РСФСР, золотых и серебряных вещей, бриллиантов, а также предметов, представляющих собой музейную ценность: картины, гобелены, ковры, меха. Общая стоимость вещей, которые пытались вывезти американцы, оценивалась в несколько триллионов рублей. Газета «Известия» об этом писала: «Так они помогают голодающим. Так ведут себя представители «цивилизованной» Америки в «варварской» России. Так «богатая Америка» использует «бедную Россию»¹⁸⁰.

В Новороссийском, Одесском и других портах, куда прибывали пароходы АРА, разбрасывались антисоветские листовки, велась проамериканская агитация. В связи с этим заметно участились провокационные антисоветские выходки моряков. Кроме того, американская разведка неоднократно пыталась вывезти на пароходах АРА антисоветчиков, разыскиваемых советскими правоохранительными органами. Так, в июне 1922 г. в кормовом трюме американского парохода «Кесин», отплывавшего из порта Новороссийск, контролером КП были обнаружены два советских гражданина, бежавшие от советского суда.

Сотрудники АРА занимались также разведывательной деятельностью. Еще в самом начале своей работы в России АРА через полномочного представителя РСФСР при этой организации пыталась получить списки профессоров, скульпторов, инженеров, художников, музыкантов, врачей с указанием их места работы, необходимые якобы для организации материальной помощи этой категории граждан. Однако, после получения необходимых сведений, американцы предупредили, что материальная помощь этим лицам может быть и не оказана, так как это напрямую зависит от пожертвований американского народа.

Помимо прочего, американцы для сбора шпионских сведений использовали свои поездки по Советской России. Они проводили фотографирование объектов оборонного значения, собирали информацию об экономическом и политическом положении страны, об интересующих их отраслях народного хозяйства, о работе нашей военной промышленности, о местах дислокации частей Красной армии. Так, представители Саратовского отделения АРА

бывший сыщик полиции г. Нью-Йорка Рамбургер и бывший капитан американской армии Кляпп были задержаны в момент фотографирования военного объекта. При задержании у них были изъяты многочисленные фотоснимки советских воинских частей, вооружения Красной армии и другая информация военного характера.

Американец Лассаль во время двухнедельной поездки по Уфимско-Уральскому округу посетил города Златоуст, Челябинск, Екатеринбург, в которых много фотографировал. 16 августа 1922 г. жители города Белорецка сообщили в местный отдел ГПУ, что представитель АРА Крейг активно интересуется работой Белорецкого металлургического завода: численностью его рабочих, потребностью топлива, а также делает попытки завести знакомства с инженерами завода. Ему было предложено покинуть Белорецк.

Во время посещения той или иной местности сотрудники американской разведки интересовались вопросами, не входящими в компетенцию АРА, в частности, статистическими данными о населении того или иного уезда, сведениями о возрасте советских граждан, о прогнозах на урожай, поголовье скота и т.п. Уездные и губернские отделения АРА тщательно обрабатывали полученную информацию и представляли ее руководителю главной конторы в Москве в виде докладных записок, справок, а также докладов с диаграммами и картами.

Некоторые сведения американские разведчики собирали открыто, проводя, на первый взгляд, безобидный опрос населения путем заполнения различных анкет, в которых стояли, например, такие вопросы: «Какое количество зерна, картофеля и других культур находится в правительственных и кооперативных складах в вашем уезде и для какой цели они предназначены?» Так, в анкете, разосланной казанским отделением АРА местным комитетам, нужно было ответить на 66 основных вопросов и массу дополнительных, которые не имели никакого отношения к деятельности АРА. Американцы использовали также и такой способ получения информации, как обработка издаваемой в Советской России литературы.

При окружной конторе АРА Уфимско-Уральского округа американцами был создан картографический отдел, который занимался составлением карт этого округа. Работавшие в отделе чертежники, которым была выделена отдельная комната, занимались составлением планов городов и нанесением на карты всех населенных пунктов округа. Составляемые карты хранились в строгом секрете.

Во время деятельности АРА в Украинской ССР американцы под различными предлогами занимались сбором шпионской информации о состоянии портов на Черноморском побережье, промышленности, сельском хозяйстве. Руководитель Одесского отделения АРА направил Гуверу в США карту Одесского порта, в том числе подробное описание коммуникационных сооружений, гаваней, набережных, глубины фарватера и мест стоянки пароходов.

В то время в Одесском порту находился американский миноносец «Пират», оборудованный мощными радиостанциями для осуществления связи АРА с границей, якобы в целях обеспечения оперативности в хозяйственной деятельности. В действительности, на этот миноносец стекалась различная информация и политические сводки о положении в УССР, которые затем передавались по радио в США.

Сотрудники АРА часто выезжали в сельские районы, где проводили антисоветскую агитацию. Через своих людей из числа «бывших» они разными способами помогали кулакам в деревне, выдавали им кредиты, зерно. Так, по заданию начальника Царицынского отделения АРА американца Боудена бывший белогвардеец Ломакин разъезжал по губернии, организовывал антисоветски настроенное кулачество. Одновременно он собирал шпионские сведения экономического характера, а также передавал через Боудена для американской печати критические статьи. За свою работу Ломакин получал от американцев вознаграждение в виде продовольственных и промтоварных посылок.

В своих целях Американская администрация помощи использовала также лиц морально разложившихся, идейно неустойчивых и карьеристов. На путь активного сотрудничества с этой организацией в 1923 г. встал П.Н. Капуров, работавший ученым агрономом Белорусского государственного сельскохозяйственного института. Он был привлечен к сотрудничеству с американцами бывшей

дворянкой, сотрудницей отделения АРА в Минске Е.М. Романцевой. В марте 1923 г. она по заданию уполномоченного АРА в Белорусской ССР обратилась к Капурову с просьбой написать доклад об экономическом положении республики. Капуров, имея доступ к такого рода документам, согласился выполнить эту просьбу за вознаграждение. В своем докладе Капуров сообщил американцам сведения о состоянии скотоводства в республике, лесного хозяйства и экспорта леса, а также данные о предполагаемых мероприятиях по восстановлению сельского хозяйства в Белорусской ССР. Текст доклада, через Романцеву он передал американцам.

Некоторые американцы под влиянием советской действительности меняли свое отношение к стране Советов. Так, 29 сентября 1922 г. корреспонденту газеты «Красный путь» уполномоченный АРА по Елисаветградскому уезду (Кировоградская область, Украинская ССР) Д. Бэ-Вольш говорил: «Я ожидал встретить некультурных, недисциплинированных большевиков, а на самом деле вижу, что имею дело с хорошими работниками, горячо и умело идущими мне навстречу, чем можно. С такими людьми ... легко и приятно работать... Я желаю от всей души, чтобы заработали все ваши фабрики и заводы, и с полей в будущем собрали урожай, чтобы вы, русские, не нуждались ни в какой помощи»¹⁸¹. Однако таких сотрудников в АРА было единицы. В основном это были враги Советской власти, которые прикрываясь лозунгами о помощи, вредили ей.

Когда стало известно, что многие сотрудники АРА являются офицерами американской разведки, В.И. Ленин в письме к наркому иностранных дел Г.В. Чичерину предложил принять по отношению к ним ряд ограничительных мер. Он писал: «Что касается «гуверовцев», надо следить изо всех сил (НКВД через прессу и может быть кое-какие «связи»); а худших из них ... «ловить» и изловить, чтобы устроить скандал им. Тут нужна война жестокая и упорная»¹⁸².

31 декабря 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) поручило комиссии во главе с И.С. Уншлихтом выработать специальные меры предосторожности в отношении враждебных акций Американской администрации помощи. В январе 1922 г. комиссия представила свои рекомендации по усилению борьбы с подрывной работой американцев. Она предложила ограничить деятельность АРА лишь местностью, пораженной голодом, запретить им выезжать в приграничные районы и т.п. 4 июня 1923 г. решением Политбюро ЦК

РКП(б) деятельность Американской администрации помощи в СССР была прекращена¹⁸³.

Вот такова правда жизни. Мы помним и благодарим за помощь, оказанную американцами советскому народу в чрезвычайно трудное для нас время. Но мы не хотим забывать и того, что некоторые официальные лица США и американская разведка в то время вели в Советской России – СССР, под прикрытием оказания ей помощи, подрывную работу, бесцеремонно вмешиваясь во внутренние дела нашей страны.

О.Б. Мозохин
г. Москва

Противодействие ОГПУ-НКВД СССР агрессивной политике Японии на Дальнем Востоке страны в 1930-х гг.

18 сентября 1931 г. Квантунская армия Японии начала вооруженную оккупацию северо-восточной провинции Китая – Маньчжурии. Было совершенно очевидно, что на этом японцы не остановятся. Полученные сведения подтверждали тревожные ожидания. В докладе японского главнокомандующего Квантунскими войсками Хон Дзио на имя японского военного министра Д. Минами от 3 августа 1931 г. сообщалось, что в целях сохранения существования Японской империи и укрепления ее положения как первоклассного государства необходимо, пользуясь мировым и экономическим кризисом взять Монголию, Маньчжурию и районы Советского Союза, которые ранее были интернированы в 1919–1921 гг. в свои руки¹⁸⁴.

С захватом Маньчжурии Япония стала реализовывать планы по созданию военного плацдарма для осуществления своих агрессивных намерений в отношении СССР. Японский генеральный штаб и штаб Квантунской армии с конца 1931 г. приступили к мероприятиям по строительству на оккупированной Маньчжурии военных сооружений, созданию складов продовольствия, амуниции и боеприпасов. Одновременно к границам Советского Союза и Монгольской Народной Республики прокладывались стратегические железные и шоссейные дороги.

На территорию Маньчжурии перебрасывались дополнительные воинские части, которые в основном сосредоточивались на границе с СССР. Для обеспечения этих войск оружием и боеприпасами на захваченной территории началось активное строительство новых военных предприятий.

И.В. Сталин считал проблемы, касающиеся так или иначе Японии и региона Дальнего Востока весьма важными и лично контролировал всю информацию. Об этом свидетельствует заметка ре-

доктора газеты «Известия» И.М. Тройского В.В. Куйбышеву, которому поручили готовить план второй пятилетки: «Международная часть хороша. Замечаний у меня нет никаких. Думаю, что ее следовало бы показать т. Сталину, т. к. все, что касается Японии и Дальне-Восточных дел, проходит через него»¹⁸⁵.

19 декабря 1931 г. заместитель председателя ОГПУ В.А. Балицкий направил И.В. Сталину копии документов, которые отражали японскую политику в отношении СССР. Из них следовало, что посол Японии в СССР К. Хирота считал необходимым вести подготовку к войне с СССР. «Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в завладении советскими Дальним Востоком и Восточной Сибирью». Прочитав данный документ, Сталин переадресовал его: «Т. Гамарнику. Важно»¹⁸⁶.

28 февраля 1932 г. В.А. Балицкий направил И.В. Сталину «соображения» военного атташе Японии Ю. Касахара, который считал, что СССР опираясь на вооруженные силы, начнет развертывать активную политику по политической, экономической и идеологической линиям. Поставит проблему независимости Кореи и приступит к изгнанию всех японских концессионеров с советской территории.

Он полагал, что, если начнется война между СССР и Японией, Польша, Румыния и лимитрофы вступят в войну не сразу, они присоединятся к Японии, улучив благоприятный момент. Франция не пожалеет усилий для активной поддержки этих государств. Остальные государства займут позицию благожелательную по отношению к Японии. Он полагал, что, если Японская империя намерена существовать в качестве Великой Японии, ей не избежать войны с СССР и потому имперское правительство должно проводить свою политику с расчетом как можно быстрее ее начать. Войну необходимо провести в стремительном темпе, добиваясь быстрой развязки, осуществив продвижение до Байкальского озера. Сталин направил документ членам Политбюро: «Из рук в руки. (Каждому отдельно.) С обязательством вернуть в ПБ»¹⁸⁷.

В связи с обострением обстановки, Особый отдел ОГПУ особое внимание обращал на состояние Красной армии на Дальнем Востоке. 4 мая 1933 г. помощник начальника ОО ОГПУ Н.И. Добродицкий

направил заместителю председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде сообщение об отрицательных явлениях в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА), которое было переправлено И.В. Сталину.

Отмечалось, что с декабря 1932 г. по март 1933 г. в армии наблюдалось нарастание и обострение отрицательных политических настроений. Их было зафиксировано: за декабрь – 2338, январь – 3082, февраль – 3120. Красноармейский состав проявлял недовольство коллективизацией и продтоварными затруднениями. Красноармейцы получали сообщения из деревни о «голодовке в селах» и под их влиянием высказывалось нежелание служить и защищать СССР в случае войны. Значительную долю недовольных составляли члены партии и комсомольцы. Из общего количества зафиксированных отрицательных высказываний на них падало в январе 28,6%, в феврале 25 %. По содержанию эти проявления мало чем отличались от проявлений беспартийных.

Отрицательные проявления среди начсостава были невелики (16% от всех учтенных по армии), но в отдельных случаях они носили весьма резкий характер. Они обуславливались неустроенностью в материально-бытовом отношении, особенно квартирном и неудовлетворительным питанием. Ввиду плохого приготовления пищи в столовой большинство командиров переходило на домашнее довольствие, причем полученного пайка, семейным не хватало, а рынки отсутствовали. Наблюдались случаи морального разложения, пьянства, отражающиеся на несении службы.

За указанный период вскрыто и ликвидировано 17 контрреволюционных, шпионских и вредительских группировок, их деятельность была направлена на политическое разложение бойцов. Отдельные группировки занимались вредительством с целью разрушения материально-технических ресурсов армии. Хозяйственное обслуживание в части питания было неудовлетворительно, вследствие нехватки продуктов и их хищений. Вскрыты случаи групповых хищений.

Вследствие недостаточности исправных бань слабо обеспечивалась санитарная обработка бойцов. Красноармейцы в лучшем случае мылись 2 раза в месяц, а в отдельных случаях не мылись от 1 до 2-х месяцев, в течение того же времени не менялось белье. Наблюдалась массовая вшивость, доходящая в отдельных случаях от 10 до 25 % личного состава части.

Фиксировались случаи распространения сыпного тифа среди военнослужащих, всего на 1 января 1933 г. было зафиксировано до 50 случаев заболеваний. Отмечались факты небрежно-преступного отношения врачебно-медицинского персонала к больным военнослужащим¹⁸⁸.

Учитывая эти негативные проявления, Политбюро принимает решение по укреплению кадрового состава Дальнего Востока. Еще до маньчжурских событий для укрепления безопасности советских дальневосточных границ, освоения целинных и залежных земель, обеспечения населения Дальнего Востока и армии продовольствием, значительного сокращения ввоза хлеба и мяса из Сибири на Дальний Восток и развития экономики Дальневосточного края (ДВК) были созданы Особые красноармейские колхозы. В 1932 г. было переселено в Дальневосточный край 18 тыс. семей. 16 марта постановлением ЦК ВКП(б) было утверждено формирование Особого колхозного корпуса на территории ОКДВА общей численностью до 60 тыс. чел.

ОГПУ было поручено, под личную ответственность его руководителя, В.Р. Менжинского, обеспечить переброску с февраля по июль 1933 г. на площадку строительства Дальпромстроя 10000 спецпереселенцев¹⁸⁹.

В это время заметно активизируется японская разведка. Заместитель председателя ОГПУ Г.Е. Прокофьев и начальник ЭКУ ОГПУ Л.Г. Миронов 26 ноября 1932 г. сообщили И.В. Сталину, что в результате продолжительной агентурной разработки раскрыта крупная шпионско-диверсионная организация японского генерального штаба. Было арестовано 25 чел. Организация руководилась японскими консулами во Владивостоке – вначале консулом Ватанабе, а затем Ямагуцци и военным агентом в г. Сахалине Кумазава, а также начальником 2-го отдела японского генштаба полковником Кондо-Мосатане.

Центральным плацдармом деятельности организации являлся Дальний Восток, на котором шпионской и диверсионной работой был охвачен 21 населенный пункт. Работа организации представляла важнейшую составную часть японских планов по подготовке интервенции против Союза и должна была непосредственно обеспечить осуществление при открытии военных действий широко задуманного стратегического плана нападения японских войск на

советский Дальний Восток со стороны трех районов – Южного Сахалина, Северной Кореи и Северной Маньчжурии. Планировалось разрушение железнодорожных путей и мостов. Были намечены к разрушению тоннели в районе Владивостока, Дальзавод с доками, портовые сооружения, аэродром, электростанции Владивостока, радиостанции.

Произведенная Штабом Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) экспертиза сведений, переданных членами организации японцам установила, что шпионаж, осуществлявшийся организацией, причинил огромный ущерб обороне ДВК, а осуществление диверсионного плана должно было создать исключительные затруднения при отражении нападения японских войск. Кроме этого, Штаб РККА указал на совпадение с его данными показаний обвиняемых шпионско-диверсионной организации о главных направлениях движения японских войск на ДВК при начале военных действий в СССР¹⁹⁰.

Органы ОГПУ предпринимают меры по противодействию сбору сведений военного и экономического характера японскими разведывательными службами. В тщательную разработку бралось окружение японских дипломатических представительств для выявления источников, передающих различные разведывательные сведения в японские посольство и консульства. Особое внимание обращалось на разработку связей других иностранных миссий и отдельных иностранцев, снабжавших японцев различными сведениями.

Органы ОГПУ приступили к глубокой разработке китайских консульств в ДВК и Восточно-Сибирском крае (ВСК) на предмет выявления среди их состава японской агентуры. Обращалось внимание на наблюдавшиеся систематические передвижения корейцев из ДВК в Среднюю Азию и Казахстан. Предстояло выявить среди них лиц, связанных с японской разведкой. Обратили внимание на активность буддийского духовенства (ламства) и развернули агентурную работу среди него на предмет выявления связей с границей и японскими специальными службами.

По линии сибирской магистрали усиливалось наблюдение за транзитниками и японскими туристами, в среде которых органами ОГПУ выявлялись лица, интересующиеся передвижением воинских эшелонов, пропускной способностью железной дороги и др.

26 марта 1934 г. Г.Г. Ягода сообщил И.В. Сталину о значительном усилении диверсионной и шпионской работы, проводимой как аппаратом японских дипломатических представительств в СССР, так и путем переброски непосредственно из-за кордона завербованных для этой цели шпионов и диверсантов. Было установлено, что на территории Маньчжоу-Го в первой половине 1933 г. организовали ряд новых разведывательных пунктов, ведущих работу на СССР и Внешнюю Монголию.

Военная миссия в Харбине, возглавляемая бывшим японским военным атташе в Москве полковником М. Комацубара, подчинялась штабу Квантунской армии в городе Синь-Цзин. Она являлась центром всей диверсионно-шпионской работы. Эта миссия имела в своем подчинении военные миссии в Хайларе на границе с Внешней Монголией, на ст. Маньчжурия, в Цицикаре, Сахаляне, Фукдине и на ст. Пограничная. В районах, прилегающих непосредственно к границе, селах Санчагоу, Жаохэ, Хунчунь, Лунцин и в ряде других были организованы разведывательные посты, через которые шла нелегальная переброска в СССР агентуры.

Отмечалось, что японская разведка перебрасывала свою агентуру в большом количестве группами или в одиночном порядке с расчетом распространения их по территории СССР, с общей задачей проникновения на объекты оборонного значения. Базой, используемой для целей японской разведкой, являлось около 40 тысяч белогвардейцев и значительное количество антисоветски настроенных лиц из числа 15-тысячной колонии советских граждан на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Только за период 1933–1934 гг. на территорию СССР прибыло 1400 граждан¹⁹¹.

19 августа 1934 г. заместитель наркома внутренних дел СССР Г.Е. Прокофьев сообщил И.В. Сталину, что в начале 1934 г. получены агентурные сведения о работниках Сталинского металлургического завода, ведущих шпионаж в пользу Японии. Выполняя задания японской разведки, они образовали в середине 1933 г. инициативную группу по созданию так называемой «Российской партии национального возрождения» (РПНВ). При обыске у членов этой группы изъяли программу и устав РПНВ, закопанные в земле 2 бомбы и один револьвер с патронами, а также шрифты для под-

польной типографии. Эта организация передала японской разведке материалы о военном производстве Мотовилихинского завода, о выработке холодного оружия и снарядном производстве Златоустовских заводов. За шпионскую деятельность сотрудники организации получали денежное вознаграждение в иностранной и советской валюте.

И.В. Сталин написал Л.М. Кагановичу: «Всех уличенных в шпионаже в пользу Японии надо расстреливать». 3 сентября 1934 г. Политбюро, рассматривая вопрос о деле группы работников Сталинского металлургического завода (Западная Сибирь), поручило А.Я. Вышинскому, Г.Е. Прокофьеву и В. В. Ульриху направить в Новосибирск выездную сессию Военной коллегии Верховного суда, и поддерживая сталинскую установку, приняло решение всех, уличенных в шпионаже в пользу Японии, расстрелять¹⁹².

Однако это указание Сталина не было выполнено. Заместитель Прокурора СССР Вышинский сообщил в Политбюро, что во исполнение решения Политбюро 15 сентября состоялась выездная сессия Военной коллегии Верховного суда, приговорившая трех человек к расстрелу, двух – к различным срокам лишения свободы, одного оправдала¹⁹³.

10 ноября 1934 г. Прокофьев информировал Сталина о том, что в конце 1932 г. органами госбезопасности привлечен для зарубежной работы гражданин Вайзер, направленный резидентом в г. Харбин. Для связи с Хабаровском ему перебросили двух сотрудников и радиостанцию, установив ее у него в квартире. Впоследствии, живя в Харбине, Вайзер женился на литовке Бройде, имевшей большие связи в белоэмигрантских и японских кругах. С этого времени он прекратил радиосвязь с Хабаровском. Особому отделу УНКВД ДВК удалось выяснить, что Вайзер часто посещает квартиру секретаря японской военной миссии Суда, что он завербован японцами и работает на них под псевдонимом «Орлов». Радиостанцию Вайзер продал японцам, сообщил им сведения о личном составе сотрудников органов госбезопасности и передал имевшийся у него шифр.

Вайзер был вызван на территорию СССР и 1 ноября арестован в Хабаровске. На допросе он рассказал, что в апреле 1934 г. его завербовал секретарь военной миссии в Харбине Суда, ему он и выдавал все собранные сведения, систематически информировал

его о получаемых заданиях из Хабаровска, о продаже японцам радиостанции. Во исполнение заданий Суда Вайзер передавал органам госбезопасности СССР дезинформационные материалы.

Сталин на данном документе написал: «Кагановичу, Ежову (по контролю). Просьба проверить, как вербуют резидентов и кому даны права вербовать. Значит не все благополучно. Важно это выяснить – кто вербовал Вайзера и отвечает ли вербовщик за свою рекомендацию»¹⁹⁴.

Основное внимание японцев было сосредоточено на работе по установлению разведки и организации диверсионных ячеек в частях и районах расположения ОКДВА. Предпринимались меры и к переброске из Маньчжурии агентуры в тыловые округа СССР, и к развитию разведывательной работы своих представителей в сопредельных с Союзом странах и в самом Союзе (военные атташе, стажеры). В шпионско-диверсионных целях японцы активно использовали белоэмигрантов. Они активно занимались вербовкой данного контингента для массовой их переброски на территорию СССР с целью проведения ими подрывной деятельности.

Органы ОГПУ успешно вели контрразведывательную работу по выявлению этих лиц на территории СССР. В результате работы Особого отдела ОКДВА были ликвидированы шпионско-диверсионные организации, группы и отдельные лица, переброшенные на территорию СССР японской миссией в Харбине, ее филиалами и различными белофашистскими организациями под ее руководством.

Так, 11 июля 1935 г. Прокофьев сообщил Сталину, что ОГПУ арестовало переброшенных нелегально на советскую территорию японской военной миссией в Харбине белоэмигрантов – полковника И.В. Кобылкина и хорунжего Е.Л. Переладова¹⁹⁵. 15 июля Политбюро приняло решение о передаче этого дела в Военную коллегию Верховного суда для слушания в открытом порядке в г. Иркутске¹⁹⁶.

Согласно обвинительному заключению по делу Особым отделом ГУГБ УНКВД по Восточно-Сибирскому краю в январе 1935 г. были получены сведения о нелегальном переходе из Харбина на советскую территорию белоэмигранта, члена зарубежных контрреволюционных организаций Братства русской правды (БРП),

Русского общевойскового союза» и члена правления Национального союза нового поколения Е.Л. Переладова. В результате розыскных мероприятий Переладова 21 января задержали на ст. Иннокентьевская Восточно-Сибирской железной дороги. По его показаниям, вслед за ним на территорию СССР должен был нелегально прибыть полковник Кобылкин со специальными заданиями разведки.

9 марта 1935 г. после шестидневного нелегального пребывания на советской территории полковника Кобылкина также арестовали. В своих показаниях он сознался, что он и Переладов перешли границу, чтобы наладить работу созданной в Забайкалье контрреволюционной группы, организовать разведывательную деятельность последней и подготовить ряд террористических и диверсионных актов. При аресте Кобылкина обнаружили принесенные им из-за границы два пистолета системы «Маузер» и 70 патронов, 1 пистолет системы «Астра» с 24 патронами, 2 зажигательных снаряда, несколько пачек контрреволюционной белогвардейской литературы, 8 писем в разные адреса и 60 американских долларов.

Следствием по делу устанавливалась долголетняя принадлежность обвиняемых Кобылкина и Переладова к организациям РОВС и БРП, ведущих активную диверсионно-террористическую и разведывательную работу на советской территории¹⁹⁷.

1 сентября 1935 г. выездная сессия Военной коллегии в Иркутске рассмотрела их дело. На судебном следствии обвиняемые признали свою виновность во вмененных им преступлениях. По приговору выездной сессии их осудили к высшей мере наказания – расстрелу¹⁹⁸.

Сухопутная граница Дальневосточного края, имея протяженность 3089 км, охранялась 9 пограничными отрядами, общая численность которых составляла 5006 чел. При существующей численности пограничной охраны средняя плотность охраны границы по отдельным участкам колебалась от 0,4 чел. до 1,9 чел. на 1 километр.

Возрастающая активность японо-маньчжурских вооруженных отрядов, требовала проведения неотложных мероприятий по усилению пограничной охраны на сухопутной границе Дальнего Востока. В связи с этим нарком НКВД СССР Г. Г. Ягода просил И. В. Сталина увеличить численность пограничной охраны НКВД на

3000 человек. Отпустить дополнительно в 1936 г. для освоения новой численности на строительство казарменных помещений пограничной охраны ДВК 5 000 000 рублей. 17 января 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) согласилось с этим предложением¹⁹⁹.

В это время в ДВК органы НКВД проводят операцию по депортации корейцев – одну из первых спланированных, организованных и тщательно контролируемых широкомасштабных акций. 5 октября 1937 г. Ежов доложил Сталину, что 36 442 семьи, насчитывающие 171 781 чел., в рекордные сроки вывезены в Казахстан и Узбекистан. Остальное корейское население с Камчатки и других отдаленных районов, находящихся в рыболовецкой путине и командировках, предполагалось вывезти сборным эшелонам до 1 ноября.

В это время продолжались работы по укреплению границы, в том числе и на озере Хасан. Там в первых числах июля 1938 г. советские пограничники скрытно заняли позиции на высоте Заозерная. Граница проходила по гребню этой сопки, никаких укреплений там не было. Пограничники стали рыть окопы и возводить проволочные заграждения. 12 июля японцы обнаружили эти укрепления. Сам конфликт, согласно советской версии, начался 15 июля 1938 г. в районе Заозерной, куда в этот день был послан отряд жандармов, один из них – С. Мацусима якобы был убит советскими пограничниками.

Вооруженный конфликт закончившийся переговорами показал, что боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава оказалась на недопустимо низком уровне. Оказалось, что Дальневосточный округ к войне не готов. В связи с этим командующего Дальневосточным фронтом Маршала Советского Союза В. К. Блюхера на Главном военном совете в конце августа сняли с должности.

20 октября 1938 г. Политбюро для решения ряда задач национальной безопасности и повышения управляемости территориями принимает решение Дальневосточный край разделить на два самостоятельных края – Хабаровский и Приморский.

Провели реорганизацию погранохраны. 20 марта 1939 г. Дальневосточный округ пограничных и внутренних войск также был разделен также на два – Приморский и Хабаровский. Одновре-

менно из состава Хабаровского погранокруга выделались внутренние войска НКВД – железнодорожные, промышленные, конвойные, оперативные.

Реорганизации подверглись и вооруженные силы ДВК. Дальневосточный фронт был ликвидирован и разделен на три отдельные армии – 1-ю, 2-ю и Северную группу войск, которые напрямую подчинялись Москве.

Были приняты и другие меры по укреплению обороноспособности региона и нейтрализации угроз стране. Они оказались своевременными.

В 1939 г. японцы совершили вооруженную провокацию против Монгольской Народной Республики на реке Халхин-Гол. Начало конфликту положили требования Японии о признании Халхин-Гола границей между Маньчжоу-Го и Монголией. Старая граница проходила в 20–25 километрах восточнее. Одна из причин подобного требования – желание японцев обеспечить безопасность строящейся в этом районе железной дороги Халун-Аршан–Ганьчжур. Начавшиеся переговоры между представителями Монголии и Маньчжоу-Го о демаркации границы зашли в тупик.

12 марта 1936 г. СССР и МНР был подписан «Протокол о взаимопомощи», в соответствии с которым на территории Монголии развернулись части Красной армии, которые смогли разгромить армию Японии. 15 сентября 1939 г. состоялось подписание соглашения между Советским Союзом, Монгольской Народной Республикой и Японией о прекращении военных действий.

Поражение на реке Халхин-Гол не позволило японцам осуществить на практике создание в конце 1930-х гг. буферного государства на советском Дальнем Востоке. Оно несколько охладило воинственный пыл японских милитаристов и вынудили их проводить более осторожную политику по отношению к СССР. Однако это не означало окончательного отказа Японии от своих планов. Штаб Квантунской армии просил генеральный штаб об увеличении в Маньчжурии японских войск путем введения воинской повинности для местного населения и ввода новых частей с островной Японии. Особое внимание обращалось на авиацию, танковые и артиллерийские части, улучшение технического оснащения дислоцирующихся в Маньчжурии соединений.

Подписание советско-германских соглашений в августе–сентябре 1939 г. повлекло за собой и урегулирование японо-советских отношений.

24 марта 1941 г. состоялась встреча И.В. Сталина с министром иностранных дел Японии Ё. Мацуоко, который объяснил причины, по которым он просил принять его. Сообщил, что собирается посетить Германию и Италию. После своего возвращения из поездки хочет еще раз посетить Москву с целью улучшения японо-советских отношений²⁰⁰.

13 апреля 1941 г. пакт о нейтралитете между Японией и СССР был подписан. Однако этот шаг можно было рассматривать как очередной маневр японской дипломатии. В Японии полагали, что в случае агрессии Германии против СССР, несмотря на заключенный договор о нейтралитете, Япония выступит на стороне Германии. Ё. Мацуоко в беседе с германским послом в Японии О. Оттом заверил, «что в случае конфликта между Германией и Россией Япония нападет на Россию».

В рассматриваемый период органами госбезопасности была проделана большая работа по разоблачению подрывной деятельности спецслужб Японии. Деятельность органов ОГПУ-НКВД СССР по информированию партийные и государственные органы страны об обстановке на Дальнем Востоке способствовала принятию решений, которые стабилизировали политико-экономическую обстановку в этом регионе страны.

В конце 1930-х гг. правительством СССР были вложены большие средства в модернизацию армии и органов госбезопасности на Дальнем Востоке, что было совершенно оправдано.

Победа Красной армии на реке Халхин-Гол в дальнейшем не позволила японцам создать буферное государство на советском Дальнем Востоке и вынудило их проводить более осторожную политику по отношению к Советскому Союзу.

А.А. Мышкин
г. Москва

Участие ГПУ-ОГПУ СССР в специальных операциях Советского правительства на территории сосредельных стран

Участие органов ГПУ-ОГПУ СССР в специальных операциях Советского правительства зарубежном, после победы в Гражданской войне, условно можно подразделить на операции, проводимые в Афганистане и Китае.

Первый, так называемый Афганский, поход Красной армии в 1929 г. представлял собой военную спецоперацию, направленную на поддержку режима свергнутого короля Афганистана Амануллы-хана в ходе восстания.

Советское правительство на начальном этапе восстания обсуждала принципиальные вопросы и не знало, что делать. Необходимо было выяснить, какова позиция Амануллы по отношению к СССР после его поездки по Европе, что из себя представляет восстание южных племен, кем оно поддерживается, наконец, каковы планы главы повстанцев Х. Калакани (Бачаи-и Сакао), какова его политическая программа и настроения каких слоев афганского населения она отражает.

На все эти важные вопросы органам ОГПУ пришлось искать ответы по имеющимся иностранным материалам, в частности по докладам английского посольства в Кабуле Форейн Оффису, так как своей агентурой вблизи Амануллы на тот момент времени не обладала²⁰¹.

По данным служебным докладам английского посольства выяснилось, что:

экономическое положение Афганистана сильно ухудшается, в частности, с увеличением таможенных пошлин и с введением новой денежной системы началось обнищание населения, цены на предметы потребления поднимаются²⁰²;

в стране может появиться претендент на престол, если Аманулла-хан не вернется в страну немедленно из длительной поездки по Европе, который постарается взять в свои руки правление до

приезда его и что этот претендент может оказаться никому неизвестный пролетарий, сочувствующий советской власти и продвигающий идеи коммунизма в Афганистане;

на переговорах в Лондоне с министром иностранных дел Н. Чемберленом затрагивались вопросы посылки афганской молодежи в английские военные школы, о снабжении Афганистана оружием, причем указывали, что Англии выгодно вооружение и усиление Афганистана, так как он является естественным буфером между Советской Россией и Индией²⁰³.

Другим источником информации, по определению позиции Советского правительства, являлось агентура, внедренная при пребывании Аманулла-хана в СССР. Так, органы ОГПУ пристроило к свите Аманулла-хана своих агентов, следивших за каждым шагом эмира и его свиты. В числе агентов был сын белоэмигранта Самойлова, устроенный лакеем при Аманулле. В своих сообщениях он докладывал, афганцы не стеснялись вести при нем разговоры, так как считали, что он не знает персидского языка, и по их разговорам было видно, что пребывание в СССР их не очаровало.

Все эти сведения давали опасение полагать, что Аманулла, во время пребывания в Европе, изменил отношение к Советскому правительству и склоняется в сторону западной ориентации.

Вернувшись в Кабул, Аманулла немедленно созвал большую Джиргу (национальное собрание), которое должно было провести в жизнь все те «европейские» реформы, о которых в свое время писали газеты.

Итогом проведенной джирги у большинства населения вызвали недовольства, в результате чего восстали племена Шиивари и Хугияни на юге Афганистана, и этими же настроениями объяснялось вялое сопротивление, которое оказывали повстанцам войска Амануллы.

В разгар борьбы Афганского правительства с повстанцами на юге, к северу от Кабула, в Кухистане, появился Бачаи-и Сакао, сын Кабульского водовоза, дезертир афганской армии, отряды которого численно разрастались. Положение Аманулла-хана становилось крайне затруднительным.

Аманулла успел бежать в Кандагар, ища поддержки у племени Дурани, из которого сам происходил. Бачаи-и Сакао занял Кабул и кабульскую крепость-дворец.

До Советского правительства доходили сведения, что Бачаи-и Сакао в борьбе с Амануллаем пользовался поддержкой англичан, снабжавших его оружием. Сообщали, что когда он занял Кабул, то, по его приказу, была учреждена специальная охрана английской миссии, что миссия относилась к нему с расположением и, наконец, что капитуляция Инаятулы-хана (брата эмира) произошла при посредничестве и помощи английского посланника в Кабуле Хемфриса.

Эти сведения заставляли думать, что Бачаи-и Сакао был ставленником англичан. Многие исследователи считают, что его курировал английский шпион Т. Лоуренс (Лоуренс Аравийский)²⁰⁴.

На основании этих сведений и убеждений посланника Афганистана в Москве, Советское правительство приняло решение о поддержке Аманулла-хана, как законного правителя, и о формировании и направлении в Афганистан ударной группы из РККА²⁰⁵ и советских пограничников ОГПУ, переодетых в одежду афганских племен²⁰⁶, под руководством советского военного атташе в Афганистане В. М. Примакова.

Советские войска успешно продвигались после перехода границы в направлении Кабула и заняли несколько крупных городов. Но, по прошествии некоторого времени в Москве получили известие, что Аманулла-хан, ради которого была предпринята советская экспедиция и чьим именем его представитель генерал Гулам-Наби-хан занимал афганские города, бежал из Кандагара в Индию, отказавшись от борьбы с Бачаи-и Сакао. Гулам-Наби-хан, потеряв возможность действовать именем Аманулла, должен был вернуться назад. По распоряжению из Москвы, советские войска спешно отступили и через три дня вступили обратно на советскую территорию²⁰⁷.

В 1930 г. командованием Красной армии и руководством ОГПУ был разработан план по нанесению ударов по базам басмачей на территории северного Афганистана, куда в 1920-х гг. из Туркестана эмигрировали активные борцы с Советской властью и систематически нарушавшие советско-афганскую границу. Наряду с этим, советская разведка получила ещё в конце 1929 г. от эмира Афганистана Бачаи-и Сакао (Хабибуллы) данные о планировавшемся отторжении северного Афганистана и образовании на

его территории отдельного государства во главе с Ибрагим-беком²⁰⁸. Кроме того, на собрании старейшин в г. Кундузе в марте 1930 г. премьер-министр Афганистана М. Хашим-хан, в очередной раз получил отказ от Ибрагим-бека о прекращении ведения повстанческой деятельности. Все вышеперечисленные обстоятельства в огромной степени беспокоили афганское правительство, и оно дало согласие на силовое вмешательство СССР в их страну. Так, было принято решение о так называемом втором походе Красной армии в Афганистан в конце июня 1930 г. под командованием комбрига Я. Мелькумова²⁰⁹.

Перед переходом границы у поста Айвадж с бойцами Красной армии и пограничниками ОГПУ была проведена разъяснительная работа о необходимости их вторжения на территорию соседнего государства, а также строго исключалась возможность нанесения какого-либо ущерба коренному населению Афганистана.

Не встречая на своём пути противодействий со стороны местных властей и регулярной афганской армии, советский отряд продвинулся вглубь страны на 50–70 км. Представители местной администрации оказали содействие советскому отряду, а также в приобретении припасов и фуража. Это было связано с тем, что местное население проявляло явное недовольство в отношении эмигрантов (басмачей и их семей), занимавших, по их мнению, лучшие участки земли²¹⁰.

Узнав о вторжении Красной армии в Афганистан, Ибрагим-бек вначале хотел дать бой, однако уточнив силы противника, поспешно ушёл в горы²¹¹. В результате этого советскому отряду не пришлось встретить организованного сопротивления, и они ликвидировали отдельные шайки басмачей и их пособников до 839 чел., включая главу религиозной секты Пир-Ишана и идейных вдохновителей басмачества курбашей Ишан-Палвана и Домулло-Донахана²¹².

Другой территорией, на которой при поддержке органов ГПУ – ОГПУ проводились специальные операции являлся Китай.

Летом 1929 г. гоминьдановскими войсками генерала Чжан Сюэяна был осуществлен захват Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Для ее освобождения 6 августа 1929 г. была образована Особая Дальневосточная армия (ОДВА)²¹³, в состав которой помимо войск РККА входили отряды пограничников ОГПУ.

По разным данным численность китайских войск оценивалась от 21 тыс. до 120 тыс. китайских солдат и даже до 300 тыс. китайских солдат и ещё до 70 тыс. вооружённых русских белогвардейцев²¹⁴. Хотя, как следует из отчёта «Русского общевойскового союза», на стороне китайских войск белогвардейцы, не воевали, но отдельные белые отряды совершали безуспешные рейды на советскую территорию²¹⁵.

Так, например, в районе села Скобельцино Амурской области 12 августа 1929 г. силами Пашковской пограничной комендатуры был уничтожен высадившийся на советский берег белоэмигрантский отряд Ярцева²¹⁶.

В октябре 1929 г. пограничниками 58-го погранотряда ОГПУ ликвидирована банда бывшего белого офицера Мохова. Действия банды были самой серьёзной попыткой противника организовать подрывную деятельность на советской территории силами белогвардейскими вооружёнными формированиями. Бандиты маскировались под советских пограничников, а сам главарь выдавал себя за начальника погранотряда²¹⁷.

На протяжении всего конфликта наблюдалось большое оживление зарубежного белогвардейского движения, попытки наладить связь с местными внутренними антисоветскими группировками, в том числе и создание таких группировок в селах приграничья и установление связи между ними²¹⁸. Устремления белоэмиграции связаться для совместной работы с внутренними антисоветскими группировками, оперативные работники активно использовали для создания легендированных антисоветских организаций, посредством которых проводились оперативные игры по дезинформации белоэмигрантских центров, а также осуществление контроля их деятельности.

Накануне и в ходе вооружённого конфликта на КВЖД органы ОГПУ получали о противнике необходимые сведения, которые добывали через свои агентурные позиции и иные возможности сбора разведывательной информации на китайской территории, даже после разрыва дипломатических отношений с Китаем и выезда советских дипломатических представительств в СССР. Чекисты владели детальной информацией о дислокации и активности их формирований в китайском приграничье, а также о замыслах белоэмигрантских организаций²¹⁹.

Придвижение ОДВА в Маньчжурию в ходе конфликта на КВЖД, органам ОГПУ позволило создать на ее территории новые агентурные позиции.

На территории Маньчжурии советскими органами безопасности было задержано свыше 160 бывших белых офицеров, участвовавших в белоэмигрантском движении и бандитских налетах на советскую территорию²²⁰.

Таким образом, РККА и органы ОГПУ накануне и в период вооруженного конфликта на КВЖД, успешно пресекали попытки дестабилизации политической ситуации в приграничных районах советского Дальнего Востока, предпринимаемые зарубежными антисоветскими организациями и спецслужбами иностранных государств²²¹.

Наряду с этим, конфликт на КВЖД резко ослабил белую эмиграцию в Маньчжурии. Согласно справке ОГПУ от 31 июля 1930 г., советские войска в ходе операции арестовали и вывезли в СССР из Маньчжурии 244 белоэмигрантов²²².

В 1934 г. была проведена, по запросу правительства Шэн Шицая, специальная операция советских подразделений против китайской армии на северо-западе Синьцзяна.

Причинами проведения операции являлось восстание, начавшееся в апреле 1931 г. стихийным выступлением в Хамийском уезде, которое было поддержано населением Баркуля, Турфана и Гучена, с целью создания независимой Туркестанской Исламской Республики, т.к. положение народов Синьцзяна сильно ухудшилось из-за роста налогообложения (за счет увеличения старых и введения новых податей), резкого падения цен на продукты, производимые крестьянами, и повышения на импортные товары, политикой ассимиляции коренного населения Хами путём переселения в Синьцзян демобилизованных солдат китайской армии.

В войско Шэн Шицая входили не только местное население, но и полк из бывших белогвардейцев под командованием полковника Папенгута²²³. А в 1933 г. Шэн Шицай добился поддержки СССР в войне²²⁴.

7 ноября 1933 г. на территорию Синьцзяна были введены советские войска.

Наряду с регулярными войсками Красной армии в походе на Синьцзян участвовала так называемая Алтайская добровольческая армия, которая носила обмундирование белогвардейцев, а по факту являлась 13-м Алма-Атинским полком ОГПУ.

Действия советских войск определялись как особая операция под руководством начальника Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ М.П. Фриновского, а затем сменившего его

заместителя Н.К. Кручинкина²²⁵. Общая численность советского контингента составила более 7000 чел., включая бронетанковые подразделения, авиацию и артиллерию. Кроме того, участие белогвардейских отрядов в боях на стороне Синьцзянского правительства финансировал Советский Союз²²⁶. К этому времени войска Шэня Шицая были сильно потрепаны гарнизоном г. Кульджа, 36-й дивизией Народно-революционной армии (НРА) и «китайскими мусульманами» под командованием Чжана Пэйюаня и Ма Чжуньина²²⁷.

В результате сражения близ реки Тутунь в 1934 г. 36-я дивизия НРА была разгромлена советскими частями²²⁸. Позднее, в феврале 1934 г., советские войска при поддержке белогвардейских соединений выбили войска Ма Чжуньина из-под Урумчи.

Операция в Синьцзяне в конце апреля 1934 г. была закончена. На территории Синьцзян остался ограниченный контингент советских войск численностью около 1000 чел. кавалерийского полка с танками и артиллерией и несколько десятков военных советников²²⁹. В событиях, развернувшихся в Синьцзяне, одну из важнейших ролей сыграли бывшие белогвардейцы, так как их помощь повлияла на ход восстания и его результаты. Во многих сражениях белоказачьи части участвовали совместно с советскими подразделениями.

Советское правительство в ходе вышеназванных специальных операций с участием ГПУ-ОГПУ отчасти добилось реализации своих интересов. Это и ликвидация банд басмачей, белоэмигрантских движений, установления контроля над объектами экономического интереса, продвижения идей социализма, защиты своих пограничных рубежей, в том числе и установления мирных отношений с сопредельными государствами. Органам государственной безопасности в данных операциях противостояли не только банды, эмигрантские движения и вооруженные силы противостоящей стороны, но и основной противник на тот момент на Среднем и Дальнем Востоке – Англия в лице ее разведки. Помимо этого, нельзя забывать об интересах в данных регионах Японии и Турции.

Ю.В. Новикова
г. Москва

Население советского приграничья как объект агитационно-пропагандистской работы (на примере Северо-Западного региона СССР)

Сложившаяся после Октябрьской революции обстановка в ряде приграничных районов РСФСР, а затем и СССР заставляла местное население организовано (либо стихийно) объединяться вокруг пограничных застав и комендатур, нередко являвшихся единственными представителями государственной власти, способными защитить не только от внешних военных, но и откровенно бандитско-грабительских нападений с территорий сопредельных государств.

В середине 1920-х гг. в СССР зарождается движение, суть которого впоследствии выразилась в лозунге «Государственную границу охраняет весь народ». Пограничники в своей деятельности опирались на широкую поддержку приграничного населения, всемерно расширяя и укрепляя связь с местными жителями. Они оказывали им содействие в проведении сельскохозяйственных работ, ремонте инвентаря, приходили на помощь во время наводнений, пожаров и других стихийных бедствий, вели большую культурно-просветительную работу. Со своей стороны жители приграничья приходили на помощь пограничникам при сооружении зданий застав, казарм, конюшен, бань, помогали продуктами питания. Наиболее активные со временем составили костяк добровольных народных дружин, принимавших участие в охране государственной границы.

В рассматриваемый период погранохраной Псковской губернии ведется активная политико-просветительная работа среди местного населения. Так, только за I квартал 1925 г. с жителями приграничных населенных пунктов было проведено: 211 собраний, на которых присутствовало 14086 чел., 121 беседа, 7 митингов, 48 спектаклей и вечеров художественной самодеятельности, 23 киносеанса. Распространено среди населения 1437 экз. газет и

оформлена регулярная подписка на 85 экз. печатных изданий. Выдано для чтения 355 книг. Прочитано 64 лекции для учащихся, проведено 34 занятия в пунктах ликвидации неграмотности, на которых присутствовало 826 чел., 8 «Октябрин»²³⁰. Принято шефство над 3 волостями, 2 школами и 1 детским домом²³¹.

Наряду с этим пограничники также оказывали местному населению и посильную материальную помощь. Так, в Себежском погранотряде осуществлялось ежемесячное перечисление по 20 руб. подшефному детдому. В Островском погранотряде были приобретены учебники для подшефных школ на сумму 22 руб. 80 коп. Приобретена литература для избы-читальни подшефного сельсовета на сумму 15 руб. В Псковском погранотряде ежемесячно отчислялось по 50 руб. на содержание землемера и учительницы в подшефной волости (для сравнения, в 1925 г. средняя месячная заработная плата рабочего составляла 46,4 руб.)²³².

Осенью 1925 г. во исполнение приказа Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе № 173 в пограничных уездах была развернута агитационная кампания под лозунгом «Пограничная охрана лицом к деревне»²³³.

В развитие вышеуказанного приказа губотделом ОГПУ был издан приказ по погранохране № 261, в соответствии с которым намеченный комплекс мероприятий на территории Псковской губернии был проведен в период с 15 сентября по 5 октября.

Проводимые мероприятия были нацелены на: создание в приграничных районах среды противодействия контрабандным промыслам и другим нарушениям государственной границы; борьбу с провокационными слухами; укрепление территориальной системы формирования РККА; улучшение сельского хозяйства; повышение культурного и общественного уровня крестьянства.

В ходе кампании было проведено 28 заседаний с представителями местных партийных и советских органов, в которых приняло участие 565 чел., 154 общих собрания жителей приграничных сел, на которых присутствовало 9150 чел.

В ходе собраний крестьянам разъяснялись задачи погранохраны и ее взаимоотношения с местным населением, основы территориального строительства Красной армии в условиях складывающейся международной обстановки, проводимые партией и советским правительством мероприятия по улучшению и укреплению сельского

хозяйства и кооперации. По итогам проведенных собраний были приняты резолюции о поддержке советской власти и необходимости содействия погранохране в решении возложенных на нее задач.

Всего в мероприятиях, проводимых в рамках кампании, было задействовано 70 политработников, 21 оперработник и 29 должностных лиц командно-административного состава²³⁴.

Одним из основных направлений работы партийных ячеек пограничных застав являлось широкое ознакомление местного населения с задачами по укреплению обороноспособности страны, политической и экономической мощи СССР, разъяснение сущности социалистического строительства и индустриализации страны, а также оказание содействия местным организациям в работе с местным населением в пограничной полосе, разъяснение населению политических событий, международной и внутренней политики, решений партии и советской власти.

На партийных собраниях пограничных ячеек регулярно рассматривались вопросы международного и внутреннего положения СССР, внутрипартийной жизни. Для участия в их работе приглашались представители местных партийных органов.

Среди пограничников – выходцев из крестьян, подлежащих увольнению в бессрочный отпуск, была организована подготовка кадров для работы в деревне. Все воины последнего года службы занимались в специально созданных кружках по «программам отпусника» по следующим направлениям: советское строительство; потребкооперация; военизация в деревне; подготовка заведующих изб-читален – центров просвещения в деревнях и селах и руководителей красных уголков; сельхозкооперация; колхозное строительство²³⁵.

В 1920-е гг. во всех погранотрядах были образованы комиссии связи, в задачи которых входило не только рассмотрение обращений пограничников (как действующих, так и уволенных с военной службы), но и местного населения. Уполномоченные данных комиссий имелись при каждой комендатуре²³⁶. Результаты рассмотрения обращений публиковались на страницах еженедельной газеты Псковского губотдела ОГПУ и пограничной охраны «На страже» и стенгазет погранотрядов.

В рассматриваемый период личный состав погранохраны активно привлекался к участию в оборонно-массовой, спортивно-

массовой работе и др. общественной деятельности. В частности, при подразделениях погранотрядов были созданы ячейки пролетарского спортивного общества «Динамо», проводились занятия в спортивных секциях. Так, в 1928 г. в Островском погранотряде имелись следующие секции: стрелковая, легкоатлетическая, подвижных игр (футбол, баскетбол и пр.), шахматно-шашечная, настольного тенниса, тяжелой атлетики, джиу-джитсу²³⁷.

Пограничники также были вовлечены в работу общественных организаций: Добровольного общества друзей химической обороны и химической промышленности, Общества друзей воздушного флота (с 1927 г. – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, Союз безбожников и др.

Подразделения пограничной охраны принимали активное участие в формировании местных советских и хозяйственных органов. Так, при проведении в 1925 г. перевыборов депутатов в 10 сельсоветах, а также правления и ревизионных комиссий в 6 кооперативах в их состав было избрано 23 пограничника. Последнее являлось весьма характерным, поскольку местное население отзывалось о пограничниках как о надежных людях, которые «уже не проворуются и проучат тех, кто это делает»²³⁸.

Следует отметить, что пограничники выдвигались не только в местные и региональные органы власти, но и в органы власти республиканского уровня. Свидетельством высокой степени доверия к пограничникам является избрание в 1938 г. помощника начальника одной из застав Гдовского погранотряда М.О. Белоцерковца депутатом Верховного Совета РСФСР по Гдовскому избирательному округу Ленинградской области.

В своих воспоминаниях о Гдовском погранотряде одна из местных жительниц В.В. Беякова писала: «Помнится, в юности мы записались в самодеятельный кружок погранотряда. Выступали вместе с пограничниками. Большую помощь оказывали пограничники в спортивной работе. Помогли благоустроить наше спортивное поле – любимое место гдовичей, где проходили различные соревнования. Зимой помогли залить каток, который в вечернее время освещался электричеством. Там всегда было многолюдно. Запомнились пляски пограничников на сцене летнего театра. Также пограничники читали для местного населения лекции на различные темы. Дружба штатских и пограничников была очень крепкой»²³⁹.

Таким образом, документальные материалы свидетельствуют о кропотливой системной и комплексной агитационно-пропагандистской работе с местным населением, проводимой не только органами государственной власти, но и пограничниками, в интересах обеспечения надежной охраны государственной границы.

А.М. Демидов
г. Москва

Участие оперативных групп органов государственной безопасности СССР в освобождении Западной Украины в 1939 г.

С началом специальной военной операции на Украине проблема оперативной деятельности органов безопасности на освобождаемой от противника территории вновь обрела актуальность в связи с возможной востребованностью исторического опыта работы оперативных групп в условиях войскового наступления. Особенно это касается опыта сравнительно короткого исторического этапа, во время которого западные регионы Украины и Белоруссии воссоединились с Украинской Советской Социалистической Республикой (УССР) и Белорусской Советской Социалистической Республикой (БССР).

После заключения договора с Германией 23 августа 1939 г. военно-политическое руководство СССР начало изучать возможность освободительного военного похода на территорию западных областей Украины и Белоруссии, отторгнутых Польшей в результате польско-советской войны 1919-1921 гг. Вторжение в Польшу 1 сентября 1939 г. войск нацистской Германии и объявления Великобританией и Францией войны Германии повлекло резкую активизацию работы советского партийно-государственного руководства на польском направлении. 3 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о продлении на месяц службы в РККА для красноармейцев и сержантов, отслуживших свой срок и подлежащих увольнению в запас. Об этом 5 сентября в советских газетах появилось сообщение, а также об увеличении приписного состава частей ряда военных округов, автотранспорта, лошадей, тракторов, о приведении в готовность пунктов ПВО Ленинграда, Великих Лук, Минска и Киева: фактически речь шла о частичной мобилизации Красной армии. В шести военных округах состоялся учебный сбор военнослужущих запаса, в боевую готовность перешли войска Киевского и Белорусского особых военных округов, кото-

рыми командовали соответственно командарм 1-го ранга С.К. Тимошенко и командарм 2-го ранга М.П. Ковалев. 11 сентября 1939 г. этим военачальникам поступил приказ о развертывании в их округах Полевых управлений для руководства войсками Украинского и Белорусского фронтов по освобождению ранее захваченных Польшей территорий. В режиме строжайшей секретности в течение суток провели мобилизацию резервистов и завершили организационные мероприятия. Украинский и Белорусский фронты были созданы, но категорически запрещалась публикация любой информации, касающейся дальнейших военных приготовлений СССР, особые отделы НКВД СССР держали ситуацию под жестким контролем.

Кроме того, органы государственной безопасности СССР в рамках общего замысла предстоящей военной операции проводили свои основные мероприятия. В частности, также в обстановке строжайшей секретности началось формирование и подготовка оперативных групп, предназначенных для решения специальных задач на польской территории западных регионов Украины и Белоруссии. После разгрома Польши и воссоединения этих регионов с Украинской ССР и Белорусской ССР указанные оперативные группы должны были стать базой создания новых областных управлений НКВД названных республик.

В конкретно-исторических условиях сентября 1939 г. с учетом дополнительного наличия мощного украинско-националистического фактора, формировавшего угрозы безопасности советского государства, и особенности оперативной обстановки все предыдущие годы, для органов государственной безопасности СССР приоритетным было юго-западное направление оперативной работы, то есть участие в воссоединении территории Западной Украины. Работать на этом направлении, как полагал нарком внутренних дел СССР комиссар государственной безопасности 1-го ранга Л.П. Берия должны были лучшие кадры руководителей. Исходя из этого, 2 сентября 1939 г. народным комиссаром внутренних дел УССР был назначен начальник 2-го (секретно-политического) отдела – заместитель начальника Главного управления госбезопасности НКВД СССР старший майор госбезопасности И.А. Серов вместо временно (почти девять месяцев! – *А.Д.*) исполнявшего должность

наркома старшего майора государственной безопасности А.З. Кобулова.

Отправляя Серова к новому месту службы, Берия указал ему на первоочередные задачи, которые требовалось решать в срочном порядке в связи с предполагаемым участием наркомата в предстоящей военной операции на польской территории. Прежде всего, было необходимо немедленно заняться формированием пяти оперативных групп, которые, как уже запланировано, войдут в Польшу с передовыми частями РККА²⁴⁰. Первоначально следовало ориентироваться на включение в состав этих групп 50 оперативных работников и 150 оперативно-политических работников погранвойск НКВД УССР. Кроме того, Серову была обещана помощь от начальника Управления НКВД по Ленинградской области комиссара государственной безопасности 2-го ранга С.А. Гоглидзе, который обязан выделить 30 оперработников и 30 оперативно-политических работников погранвойск и в ближайшие дни откомандирует их в Киев. Дополнительно 1-й заместитель народного комиссара внутренних дел комиссар государственной безопасности 3-го ранга С.Н. Круглов уже распорядился подобрать 10 опытных оперативных работников центрального аппарата НКВД СССР, которых направит в распоряжение Серова, а также сформирует резерв наркомата из 300 сотрудников территориальных органов НКВД. Другой заместитель наркома – по пограничным и внутренним войскам – комдив И.И. Масленников выделит из войск Киевского пограничного округа для выполнения специальных заданий и передаст в подчинение пяти начальников оперативных групп по одному батальону численностью 300 чел. каждый. Берия порекомендовал Серову, распределяя оперативные группы по армейским группам Киевского особого военного округа (КОВО) в соответствии с уже имевшимся планом Наркомата обороны СССР, комплектовать их по 50–70 чел. в зависимости от конкретной оперативной обстановки в зоне действия каждой армейской группы. В связи с этим Берия посоветовал Серову сразу же установить тесное деловое взаимодействие и позитивные межличностные отношения не только с командующим КОВО С.К. Тимошенко, но и, особенно, с членом Военного Совета округа первым секретарем ЦК КП(б) Украины Н.С. Хрущевым, который к тому же являлся

членом Политбюро ЦК ВКП(б), и систематически информировать последнего о ходе и результатах работы наркомата.

Берия особо подчеркнул, во-первых, необходимость жесткого контроля за выполнением поставленной задачи с ежедневным докладом по телеграфу о проделанной работе к 18 часам и, во-вторых, строжайшего соблюдения режима секретности: личному составу, выделенному в оперативные группы, должно быть предписано прибыть в Киев 9 сентября к 22 часам на внеплановые учебные сборы; инструктажи и другие виды занятий с личным составом в первые дни проводить без указания территории, населенных пунктов, особенностей оперативной обстановки и конкретных задач, которые предстоит решать оперативным группам в ближайшее время. Этап конкретной подготовки оперативных групп начнет 1-й заместитель народного комиссара внутренних дел, возглавляющий Главное управление государственной безопасности НКВД СССР, старший майор государственной безопасности В.Н. Меркулов. Он выедет в Киев вслед за И.А. Серовым для контроля и координации работы, а также для личного участия в подготовке и использовании оперативных групп.

Основное содержание этих напутственных слов Берия было официально сформулировано в приказе НКВД СССР № 001064 от 8 сентября 1939 г.²⁴¹, который Серов получил уже на месте, приняв дела у прежнего руководителя НКВД УССР и вступив в должность. К этому моменту Серов, благодаря устным указаниям и рекомендациям Берия, успел начать работу по формированию оперативных групп и первый отчет о ходе выполнения полученного приказа был отправлен незамедлительно²⁴².

14 сентября 1939 года народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов и начальник Генерального штаба РККА командарм 1-го ранга Б.М. Шапошников подписали для Военного совета КОВО директиву № 16634 о скрытном сосредоточении на запланированных ранее позициях к исходу 16 сентября войск округа. Ставилась задача на рассвете 17 сентября нанести молниеносный удар и разгромить противостоящие польские войска. В этот же день Военному совету КОВО и Военному совету Киевского пограничного округа НКВД была направлена совместная директива № 16662 народного комиссара

обороны СССР К.Е. Ворошилова и народного комиссара внутренних дел Л.П. Берия. Речь шла об оперативном подчинении пограничных войск НКВД командованию Украинского фронта с момента выступления полевых войск из районов сосредоточения с целью перехода государственной границы для действий на территории Польши²⁴³, т.е. с 16 сентября.

За два дня до начала военной операции в адрес И.А. Серова за подписью Л.П. Берия поступила директива НКВД СССР об организации работы на освобожденной территории Западной Украины²⁴⁴. С ее получением последовал завершающий этап конкретной подготовки начальников и личного состава всех пяти оперативных групп к выполнению задач, поставленных в указанном документе. Содержание этих задач заключалось в следующем. Оперативная группа НКВД с приданным ей батальоном бойцов-пограничников по мере продвижения соответствующей армейской группы РККА в каждом освобождаемом городе должна немедленно:

- взять под контроль телеграф, телефон, радиостанции и радиопузлы, почту и поставить во главе органов связи надежных людей, которым можно доверить эту работу;

- арестовать участников контрреволюционных организаций и развернуть следствие по их делам с задачей вскрытия подпольных контрреволюционных организаций, групп и лиц, ставящих целью проведение диверсий, террора, повстанчества и контрреволюционного саботажа. Лиц, избранных следствием в организации указанных деяний и открытых контрреволюционных выступлений, арестовывать немедленно;

- организовать оперативные мероприятия по пресечению шпионажа и террора, предотвращению диверсий, вредительства и саботажа в промышленности и на транспорте;

- занять помещения государственных и частных банков, казначейств и хранилищ государственных и общественных ценностей, все эти ценности взять на учет и обеспечить их надежное хранение;

- занять государственные архивы, в первую очередь архивы жандармерии и филиалов 2-го отдела польского генштаба: экспозитур, пляцуков – польских органов разведки и контрразведки; ис-

пользовать архивные материалы в целях выявления, розыска и ареста руководителей, сотрудников и агентов филиалов 2-го отдела генштаба, политической полиции, жандармерии, пограничной охраны и наиболее реакционных представителей правительственных администраций, воевод и руководителей местной полиции; руководителей контрреволюционных партий, лидеров и активных участников белогвардейских эмигрантских монархических организаций;

- во всех тюрьмах сформировать новую тюремную администрацию из надежных людей во главе с одним из работников НКВД, обеспечив строгий режим содержания заключенных; освободить арестованных за революционную и антиправительственную деятельность против Польши, использовать факты их освобождения в политической работе среди населения;

- оказать всяческое содействие политотделам РККА в немедленном занятии типографий, редакций газет, складов бумаги и в налаживании изданий газет;

- организовать борьбу с грабежами, бандитизмом, спекуляцией и охрану общественного порядка, своевременно принимая меры по пресечению провокационных действий, дестабилизирующих порядок и организованность в городах и населенных пунктах, занятых Красной армией;

- обеспечить надежную охрану электростанций, водопроводов, продовольственных складов, элеваторов и хранилищ горючего;

- организовать четкую работу по противопожарной охране, назначив начальниками пожарных команд надежных людей;

- провести регистрацию и изъять у гражданского населения огнестрельное нарезное оружие, взрывчатые вещества и радиоаппаратуру.

В рассматриваемой директиве Берия рекомендовал не провоцировать негативной реакции местного населения на ввод советских войск, в частности, избегать конфискации фуража и продовольствия, а все необходимое покупать за наличные советские рубли, объявив населению, что стоимость (курс) рубля равняется стоимости золотого.

Как видим, оперативным группам были поставлены объемные задачи, выполнение которых в реальной оперативной обстановке

сопровождалось непредвиденными осложнениями и в ряде случаев оказалось непосильными для личного состава опергрупп в 50–70 чел., хотя и укрепленных батальонами пограничников. Некоторое представление об этом дает совместный доклад В.Н. Меркулова и И.А. Серова о ситуации в Тернополе на 19 сентября²⁴⁵. По их словам, дорога на Тернополь оказалась забита войсками, поэтому из-за пробок в освобожденный город они смогли прибыть лишь в 6 часов вечера 18 сентября, тогда как передовая воинская часть РККА освободила город на сутки раньше – вечером 17 сентября. Отсутствие рядом оперативной группы НКВД, которая должна была войти в город вслед за военными, привело к тому, что тюрьму захватили бойцы авангардной части, которые разбили заборы и выпустили всех заключенных, уничтоживших при этом тюремную документацию. Начальник оперативной группы Н.И. Макаров и несколько его подчиненных прибыли в Тернополь только в середине дня 18 сентября, однако, по мнению Меркулова и Серова, должной распорядительности и активности не проявили, а, заняв помещение бывшего полицейского управления, начали обустроить его под свой штаб. Там же содержали заключенных из числа разбежавшихся из тюрьмы накануне, которых удалось вновь задержать.

Меркулов и Серов прибыли в Тернополь, когда до наступления темноты оставалось мало времени, поэтому по их указанию спешно были заняты важнейшие административные здания, выставлена охрана. Уже затемно вместе с частью РККА прибыли оставшие сотрудники оперативной группы Макарова с двумя ротами пограничников. Расположившись рядом с военными на центральной улице города, они еще не успели доложить о своем прибытии, как раздалось несколько выстрелов с крыш и из окон домов. Красноармейцы РККА в панике открыли беспорядочную стрельбу, в ответ нападавшие бросили несколько гранат. Эта первая перестрелка продолжалась около часа. Пришлось оцепить квартал и усилить охрану бывшего полицейского управления, теперь уже штаба НКВД. Установив связь с разбросанными по городу сотрудниками оперативной группы и пограничниками из приданного ей батальона, лишь к середине ночи удалось перебежками подтянуть к штабу НКВД весь оперативный отряд Макарова.

К этому времени было арестовано около 200 полицейских, жандармов, уголовников и других лиц, которых содержали под охраной в комнатах штаба, так как в тюрьме необходимые условия еще не были восстановлены: двери и замки всех помещений оставались разбитыми.

За ночь стрельба в городе возобновлялась несколько раз, но оперативная группа продолжала выполнять свои задачи. В частности, была пресечена попытка местных гражданских лиц растащить содержимое складов, возле которых после этого выставили охрану.

19 сентября с рассветом приступили к наведению порядка. Арестованных перевели из штаба НКВД в тюрьму, исправив там повреждения. Провели обыски в домах, откуда ночью велась стрельба, и арестовали ряд подозрительных лиц. Собрали «огромное количество» брошенного противником оружия и боеприпасов. Организовали регистрацию и учет офицеров и солдат польской армии, которые сами приходили группами и сдавались. Поэтому пленных и арестованных насчитывалось уже несколько тысяч чел. После их сортировки начались допросы.

Утром 19 сентября, когда части РККА покинули город, «контрреволюционные элементы» вновь открыли стрельбу из окон. В целях предупреждения повторных нападений выпустили обращение от имени коменданта города и оповестили население о расстреле лиц, которые будут задержаны с оружием. Получив агентурные сведения о группировании за городом до 40 подозрительных лиц, возможно польских офицеров, выслали боевую группу для их ликвидации. Другая оперативная информация касалась подземного хода из костела в дом воеводства, где якобы прячутся вооруженные польские офицеры. Данные сведения требовали немедленной проверки и готовности, в случае подтверждения, к безотлагательной боевой операции.

Справедлива полагая, что сил оперативного отряда (оперативной группы Макарова и батальона пограничников) явно недостаточно для решения задач в условиях оперативной обстановки в г. Тарнополе и его окрестностях, В.Н. Меркулов санкционировал задержание проходившего в тот день через город батальона пехоты с артиллерией и переподчинение его НКВД СССР, т.е. себе как

старшему начальнику наркомата на территории проведения военной операции. За счет этого батальона укрепили охрану штаба НКВД и организовали охрану других важных объектов. Согласовал ли Меркулов свои действия с командующим Украинского фронта Тимошенко, неизвестно, этот вопрос требует дополнительного изучения.

Меркулов и Серов в своем совместном докладе выразили озабоченность отсутствием в городе армейского командования, из-за чего, по их мнению, нет должного порядка: воинские части, например, не знают, где находятся их штабы, связь между ними отсутствует. Назначенный комендантом города майор Вервицкий не имел в своем распоряжении ни одного человека. Поэтому вопросами охраны и конвоирования пленных приходилось заниматься оперативной группе, хотя это являлось функцией коменданта. По рекомендации Вервицкому для наведения порядка так же взять в свое распоряжение какую-либо пехотную часть, проходящую через город.

Авторы докладной записки отметили серьезное упущение в работе политорганов: газета в городе не выпускается, политическая агитация не ведется – «партийно-советский актив еще не прибыл, а нам некогда этим заниматься». Отсутствием заметной работы политотделов, бездеятельностью армейских частей и беспорядком среди них возмущались, будучи в штабе НКВД, оказавшиеся в Тарнополе проездом работники военной прокуратуры и суда.

В итоге В.Н. Меркулов и И.А. Серов на основании первого опыта работы оперативных групп сделали важные выводы. Во-первых, для проведения оперативной работы в «более-менее крупных городах» требуются более значительные силы, чем ранее предполагалось; во-вторых, армейские части, уходя из освобожденного города, должны оставлять в нем гарнизон для поддержания порядка и содержания пленных; в-третьих, советско-партийный актив не должен отставать, а передвигаясь вслед за передовыми частями РККА, т.е. совместно с оперативными группами НКВД, быстро создавать в освобожденных городах временные органы государственного управления и развертывать в первую очередь политическую работу.

В статистической отчетности оперативных групп о проведенных арестах в первые дни военной операции значатся офицеры

польской армии, полицейские и жандармы, агенты полиции, помещики и представители крупной буржуазии. Затем в отчетах появился новый контингент – украинские националисты. Например, в спецсообщения Меркулова в НКВД СССР от 28 сентября²⁴⁶ указаны аресты руководителей и активных членов «Организации украинских националистов» (ОУН), «Украинской социал-демократической рабочей партии», «Украинской партии социал-революционеров» и «Украинского национально-демократического движения» (УНДО). Все эти организации уже долгие годы активно боролись с советским государством. Всего на 1 октября оперативные группы по областям Западной Украины арестовали 3914 чел., в их числе бывших жандармов, полицейских, агентов полиции и разведки – 2539 чел.; помещиков, крупной буржуазии, представителей титулованной аристократии и бывших сановников – 293 чел.; офицеров польской армии и осадников (польских колонистов) – 381; руководителей ОУН, УНДО и других националистических организаций – 144; петлюровцев и участников бандитских группировок – 74; прочих – 483 чел. Члены «Союза осадников», как подчеркнул Берия, являются военно-полицейской агентурой польского правительства и представляют контрреволюционную базу для антисоветской работы. Нарком потребовал учесть всех осадников и взять под постоянное наблюдение, чтобы не допустить их участия во враждебной деятельности.

После того, как освободительный поход РККА в Польшу 5 октября 1939 г. был завершен, 14 октября Верховный Совет УССР постановил принять Западную Украину в состав УССР. 22 октября прошли выборы в Народное Собрание Западной Украины, которое 26–28 октября приняло решение о вхождении Западной Украины в состав СССР и воссоединении с УССР. 1 ноября Верховный Совет СССР принял закон СССР «О включении Западной Украины в состав Союза ССР с воссоединением её с Украинской ССР», а 4 декабря Президиум Верховного Совета СССР издал указ о новом административно-территориальном делении бывшей Западной Украины, которая была представлена Львовской, Дрогобычской, Тернопольской, Станиславской, Волынской и Ровенской областями. В новых областях УССР были сформированы органы власти и государственного управления, в т.ч. органы государственной безопасности в составе управлений НКВД республики. Как и было

ранее предусмотрено, формирование территориальных управлений осуществлялось на базе оперативных групп. В сентябре 1939 г. оперативной группой НКВД в Тарнополе руководил капитан государственной безопасности А.А. Вадис, который затем возглавил там вновь созданное областное управление НКВД УССР.

Таким образом, оперативные группы советских органов государственной безопасности своим участием в военной операции против Польши сыграли значительную роль в освобождении и воссоединении Западной Украины с СССР. Был приобретен существенный опыт оперативной работы на освобождаемой территории, в том числе опыт взаимодействия с командующим и Военным советом Украинского фронта и командованием армий. Этот опыт оказался востребованным в годы Великой Отечественной войны в ходе стратегических наступательных операций, начиная с победного контрнаступления под Москвой зимой 1941–1942 гг. И может быть использован в Специальной военной операции на Украине в настоящее время.

Ф.С. Мусин, В.А. Гольцова
г. Москва

Деятельность резидентуры «Форт» в организации одесского подполья (1941–1942 гг.)

Советское партийное руководство, организовывая сопротивление гитлеровским захватчикам на оккупированной советской территории в 1941 г., ставило задачи по проведению партийно-политической работы среди населения, разведки о противнике; организации партизанских отрядов и групп; выявлению и уничтожению предателей и изменников родины. Однако во главу угла ставилось именно создание партийного подполья, на основе которого предполагалось развитие в том числе и партизанского движения²⁴⁷.

Так, в 1941 г. действовало 18 подпольных обкомов, более 260 окружкомов, горкомов, райкомов и иных партийных групп. Как правило, ядром подполья становились созданные подпольные партийные организации. Однако подпольной работой занимались и советские спецслужбы. В начале Великой Отечественной войны органы государственной безопасности были вынуждены в срочном порядке перестроить свою деятельность, чтобы не только противостоять спецслужбам гитлеровской Германии, но и организовать диверсионную борьбу против немецко-фашистских захватчиков в тылу противника. В этих целях еще 5 июля 1941 г. была создана Особая группа при наркомате внутренних дел СССР, которую возглавил П.А. Судоплатов²⁴⁸.

С начала июля до середины октября 1941 г. части Отдельной Приморской армии и подразделения Черноморского флота героически обороняли Одессу от немецко-румынских захватчиков. Однако 16 октября в связи с изменением общей обстановки на фронте советские войска были вынуждены оставить город, и уже вечером того же дня началась его оккупация.

У немецкого и румынского командования на Одессу были особые планы. Гитлер полагал, что, завоевав этот приморский город, промышленный центр Советской Украины, он сможет использовать Одессу для снабжения своих войск, а также для дальнейшего продвижения немецкой армии к Кавказу и Крыму. В то же время,

Одесса была частью планов румынского командования по созданию великой Румынии.

Советское правительство также понимало особое оперативно-стратегическое значение города. В июле 1941 г. по личному указанию наркома внутренних дел Л.П. Берии для оказания помощи местным органам НКВД в создании резидентур, разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов на случай оккупации города и проведения нелегальной разведывательной работы из Москвы в Одессу выехал сотрудник центрального аппарата НКВД в составе группы других опытных чекистов. Это был капитан госбезопасности В.А. Молодцов с документами на имя инженера горноспасательной службы П. Бадаева, позывной «Кир». Резидентура «Кира» имела условное название «Форт»²⁴⁹.

Параллельно тому, как под руководством Молодцова еще в ходе обороны города создавались подпольные группы и партизанские отряды, областной и городской комитеты партии, выполняя указание ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У, также приступили к организации партийного подполья.

Силами партийных органов в Одессе и ее окрестностях было отобрано 118 коммунистов, которые объединялись 29 первичными организациями и далее, по территориальному принципу, шестью подпольными райкомами партии. В своей деятельности первостепенное значение подпольщики придавали политической работе среди населения, главным средством проведения которой был выпуск и распространение листовок. Только в течение первых трех месяцев вражеской оккупации подпольщиками было напечатано и распространено среди населения свыше 7 тыс. листовок. В них опровергалась ложь фашистской пропаганды о разгроме Красной армии, разъяснялась сущность фашистского режима, давалась информация о действительном положении на фронте, а также содержались призывы всеми способами срывать мероприятия оккупантов, вступать в ряды партизан, уничтожать фашистских захватчиков²⁵⁰.

Созданные для сопротивления гитлеровцам подпольные организации сталкивались с огромными трудностями. Оккупанты уничтожали население под предлогом неповиновения, заключали в концлагеря, проводили репрессии в отношении всех заподозренных в помощи или сочувствии партизанам и подпольщикам.

Не успели еще должным образом партийные подпольные организации сориентироваться в новой обстановке, расставить свои силы, как на них стали обрушиваться удары оккупантов. Органы румынской тайной полиции – сигуранцы – в конце октября 1941 г. разгромили в Одессе Ленинский и Приморский райкомы партии. А в начале 1942 г. было арестовано большинство членов подпольной партийной организации Ильичевского, а через некоторое время и Центрального районов²⁵¹.

Следует отметить, что подобные массовые провалы объяснялись не только существованием вражеской агентуры в рядах партийного подполья, но и неопытностью или неумением самих подпольщиков вести конспиративную работу.

В результате массовых облав и арестов в фашистские застенки попало большинство подпольщиков. Но оставшиеся на свободе патриоты продолжили борьбу с врагом в городе и его окрестностях, в частности, в составе Пригородного райкома, политическая работа которого шла параллельно с ударами по оккупантам чекистского подполья под руководством В.А. Молодцова. Его миссия заключалась в том, чтобы в качестве резидента-нелегала возглавить оставленную в городе агентурную сеть и наладить проведение разведывательно-диверсионной работы. Так была создана подпольная разведывательно-диверсионная группа «Форт», которой подчинялось два партизанских отряда – подземный и наземный. Первый, под командованием одесского горного инженера А. Клименко в составе 33-х бойцов-добровольцев из местного населения, должен был постоянно находиться в пригородных подземных катакомбах и периодически совершать боевые вылазки на поверхность. Второй отряд, возглавляемый бывшим председателем сельсовета А. Федоровичем, состоял из нескольких боевых и агентурных групп. Ему предстояло действовать непосредственно в самой Одессе²⁵².

В задачи разведывательно-диверсионной сети Молодцова входили: сбор и передача по радио в Москву сведений разведывательного характера, проведение диверсионных актов, разоблачение фашистского режима, распространение среди населения Одессы сводок Совинформбюро.

Несмотря на жесткое противодействие со стороны немецких и румынских спецслужб, наиболее чувствительные для захватчиков

операции под руководством В.А. Молодцова с участием всех партизан и членов резидентуры, находившихся в катакомбах, были проведены в течение первого месяца оккупации Одессы.

Так, в результате засады было убито и ранено до 50 вражеских солдат и офицеров только что вошедших в город румынскими войсками.

В первой половине ноября 1941 г. по заданию Молодцова партизаны подорвали полотно железной дороги между станциями Дачная и 2-я Застава. В результате диверсии движение на дороге было приостановлено на сутки.

В середине ноября группой партизан отряда Клименко в районе станции Застава был пущен под откос воинский эшелон с боеприпасами и живой силой противника. Погибло свыше 250 высокопоставленных немецких и румынских офицеров²⁵³.

Одновременно с этим, резидентура, преодолевая блокаду и установленное наружное наблюдение со стороны вражеской контрразведки за основными выходами из катакомб, через свою агентуру активно проводила разведывательную работу в городе и систематически передавала в Москву данные о дислокации и перемещениях оккупационных войск, о размещении военных объектов: штабов, складов, казарм, о настроении солдат румынской оккупационной армии, о действиях фашистской администрации²⁵⁴.

Так, например, уже через несколько дней после первой боевой вылазки – 22 октября 1941 г. – отряды Молодцова провели еще одну успешную операцию по подрыву здания бывшего управления НКВД, где, согласно разведанным, планировалось проведение крупного совещания румынских (и немецких) офицеров. В тот день погибли около ста пятидесяти оккупантов.

Кроме того, разведанными отряда Молодцова пользовалась и советская авиация при проведении воздушных налетов на Одессу.

Эффективность действий чекистского подполья, в отличие от партийного, была значительна. В специфических условиях Одессы она измерялась не только числом уничтоженных врагов и произведенных диверсий, но и количеством неприятельских войск, которых оттягивали на себя подпольщики, а также объемом разведывательной информации, которая своевременно поступала из Одессы в Центр²⁵⁵.

Но, к сожалению, одесское чекистское подполье просуществовало недолго.

В декабре 1941 г. из-за бездействия наземного партизанского отряда Федоровича Молодцов дважды выходил в город для его активизации. К лучшему ситуация так и не изменилась, и когда связь с отрядом вовсе оборвалась, В. Молодцов вместе со связной Т. Межигурской решает в третий раз выбраться в город для выяснения обстоятельств. 8 февраля 1942 г. они вышли из катакомб, но обратно уже не вернулись. 12 февраля арестовали и вторую связную, Т. Шестакову. За первыми арестами последовал разгром всей резидентуры, включая таких подпольщиков, как А. Гордиенко, А. Чижев, Я. Гордиенко – руководитель молодежной партизанской группы. В конце июля 1942 г. Молодцова и его 12 боевых товарищей расстреляли.

Позже стало ясно, что провал резидента НКВД и его людей стал возможным в результате предательства со стороны Федоровича, инициативно сообщившего сигуранце о своей принадлежности к подпольной организации и ставшего на путь сотрудничества с румынской спецслужбой. После этого Федорович стал работать гласным сотрудником сигуранцы и, зная о месте расположения подземного отряда А. Клименко, дал исчерпывающую информацию об известных ему лицах, находящихся в катакомбах, выдав также и всех бойцов своего отряда²⁵⁶. К слову, Клименко после ареста летом 1942 г. также смалодушничал и дал показания об известных ему партизанах, водил румын в катакомбы, показал место, где скрывался отряд и места минирования, выдал тайники с оружием и сейф с документами отряда. Молодцов же, будучи мужественным чекистом, в свое время стойко перенес все пытки, не назвав ни одного имени, и на предложение румын написать заявление о помиловании заявил: «Я – русский и на своей земле просить у врага пощады не собираюсь»²⁵⁷.

За время деятельности резидентуры «Форт» удалось уничтожить свыше 400 оккупантов румыно-немецкой армии, подорвать несколько эшелонов с техникой и боеприпасами, десятки автомашин с военными грузами и передать большое количество важной развединформации в Центр²⁵⁸. Однако именно из-за предательства некоторых членов группы резидентуре «Форт» суждено было прекратить свое существование.

Служба чекистов в мирное время, борьба со знанием приемов и ухищрений противника способствовали выработке таких качеств, которые позволяли эффективно противодействовать контрразведывательным и карательным акциям противника во вражеском тылу. Напротив, поспешно созданное партийной подполье не имело ни опыта, ни достаточной подготовки для ведения борьбы в тылу противника. Вследствие этого многие из них либо несли крупные неоправданные потери, либо были просто неспособны бороться с оккупантами, когда этого требовала обстановка. Действия партийного подполья были, в отличие от чекистского, менее эффективными и за сравнительный период сопротивления в Одессе выражались в большей степени в проведении политической работы с населением.

Г.Г. Краско
г. Минск

**Борьба с антисоветским вооруженным подпольем
на территории Белорусской ССР в 1944–1945 гг.:
причины, особенности, нейтрализация**

В результате наступления немецко-фашистских захватчиков летом 1941 г. территория БССР была оккупирована. Временная оккупация продолжалась 3 года (по 28 июля 1944 г.), однако ее последствия еще долгое время оказывали влияние на различные сферы жизнедеятельности республики. Так, одним из факторов дестабилизации обстановки в республике на протяжении практически десяти лет выступала деятельность структур антисоветского вооруженного подполья и его отдельных участников. Некоторые его организаторы и участники были связаны с нацистскими спецслужбами (состояли в штате, являлись агентами разведывательных и контрразведывательных органов, получали материальную, информационную поддержку). В последующем в ряде случаев участники антисоветского вооруженного подполья использовались уже преимущественно спецслужбами США и Великобритании.

У сложившейся ситуации были конкретные предпосылки. Так, за годы войны оккупационные власти неоднократно предпринимали попытки создания единого антибольшевистского фронта на оккупированной территории. Российский историк К. Н. Максимов отмечает, что еще до начала вторжения на советскую территорию в июне 1941 г. противником планировалось использование международных противоречий для политического и национального раскола населения СССР²⁵⁹. Белорусский исследователь Ю.В. Зверев подчеркивает, что проведенные в период оккупации германским военно-политическим руководством пропагандистские мероприятия по созданию всевозможных политических организаций, национальных воинских формирований в составе вермахта и войск СС преследовали цель сплотить антисоветские силы, деморализовать военнослужащих Красной армии, стимулировать дезертирство, а также спровоцировать в советском тылу братоубийственную войну²⁶⁰.

Кроме того, на территории западных районов БССР с осени 1939 г., когда в результате освободительного похода РККА произошло воссоединение БССР и находившейся с 1921 г. в составе Польши Западной Белоруссии, существовало польское антисоветское вооруженное подполье. Однако в предвоенные годы террористическая деятельность его вооруженных структур, во-первых, не была централизованной, во-вторых, в результате развития геополитической ситуации в мире была лишена внешней помощи (организационной, материальной, методической), в-третьих, не получила широкой поддержки местного белорусского населения, которое в абсолютном большинстве положительно отнеслось к воссоединению и освобождению от польского гнета. В силу этих обстоятельств антисоветское вооруженное подполье в 1939–1941 гг. на белорусской территории было представлено только разрозненными малочисленными структурами (общая численность всех до 100 чел.), которые не являлись регулярными формированиями и не представляли серьезной угрозы для государственной безопасности.

Сразу же после изгнания немецко-фашистских оккупантов летом 1944 г. антисоветская вооруженная борьба на территории БССР возобновилась. Однако обстановка и ее масштабы существенно отличались. Так, в республике оперировали польские, литовские, латышские, украинские вооруженные структуры (по политическим целям, которые декларировались их участниками), в состав которых входили в том числе местные белорусские жители, а также функционировали нелегальные формирования без четкой национальной ориентации. Такой широкой палитры не было в структуре антисоветского вооруженного подполья ни в одном ином регионе СССР²⁶¹. При этом, рассматривая сегмент антисоветского подполья, использовавшего на территории БССР для достижения целей своей деятельности в качестве основного средства вооруженную борьбу, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что, по мнению автора, сформированному на основании изучения широкого круга документов и материалов, появлению собственно белорусских структур, преследовавших бы соответствующие политические цели и представлявших серьезную опасность для обеспечения государственной безопасности даже в региональном масштабе, на территории БССР не было. Кроме того,

само понятие «антисоветское вооруженное подполье» применительно к территории БССР исследуемого периода достаточно условное, так как на территории республики оно не являлось однородной структурой, не было и единых программных документов. Единство сводилось к отрицанию советской власти и борьбе с ней различными методами, в том числе с оружием в руках.

На основе анализа архивных материалов автором установлено, что в БССР оперировали подразделения Организации украинских националистов – Украинской повстанческой армии, Армии Крайовой и постакавские формирования. Зоной своих интересов объявил ряд районов БССР, на территории которых проживали этнические литовцы, Верховный комитет освобождения Литвы. Проявляли себя и структуры латышского антисоветского подполья. Как правило, эти структуры организационно оформлялись и действовали в Литовской или Латвийской ССР, а территория БССР использовалась для укрытия либо для совершения краткосрочных набегов на приграничные деревни и хутора.

Вместе с тем в целом приходится констатировать, что участники антисоветского вооруженного подполья в БССР на протяжении значительного периода времени терроризировали партийно-советский актив, держали в напряжении местное население, наносили удары по тыловым коммуникациям Красной армии, отвлекали ее силы, срывали мобилизационные мероприятия, мешали стабилизации социально-политической ситуации, восстановлению экономики, разрушали объекты инфраструктуры и пути сообщения. В 1944–1945 гг. в западных областях БССР различными структурами было убито более 400 человек, из которых более 40% являлись работниками партийно-советских органов.

При этом деятельность участников антисоветского вооруженного подполья не сводилась только к вооруженной борьбе. Большое внимание уделялось антисоветской пропаганде, которая велась среди местного населения и была нацелена на срыв проводимых советской властью политических и экономических мероприятий (государственных закупок зерна, других сельскохозяйственных продуктов, призыва в Красную армию)²⁶². Так, уже в августе 1944 г. была развернута масштабная кампания по саботажу призыва: организовывали подачу в военкоматы фальшивых списков, пропагандировали неявку призывников и побеги призванных.

Отдельного рассмотрения заслуживают вопросы, связанные с организацией выявления и пресечения деятельности структур антисоветского подполья. Как известно, вплоть до начала 1947 г., как и в довоенный период, борьба с антисоветским вооруженным подпольем была возложена на органы внутренних дел, поэтому в прямые задачи сотрудников НКГБ-МГБ не входила. Вместе с тем на местах сотрудники органов государственной безопасности, постоянно сталкиваясь в своей деятельности с реальными угрозами, исходившими от антисоветского вооруженного подполья, и принимали участие в борьбе с этим явлением.

В 1944 – начале 1945 гг. на территории БССР приходилось противостоять не только небольшим группам, но и значительным по численности вооруженным формированиям (100 и более чел.), что обусловило задействование наряду с органами внутренних дел и государственной безопасности тыловых частей Красной армии, подразделений внутренних войск и пограничных войск. Наиболее распространенной организационной формой борьбы с антисоветским вооруженным подпольем на этом этапе являлась чекистско-войсковая операция. Во время противостояния с крупными структурами антисоветского вооруженного подполья их проведение было обосновано. Например, в спецсообщении от 17 сентября 1945 г. «О ходе борьбы с вооруженным подпольем в западных областях Белоруссии» народный комиссар внутренних дел СССР Л. П. Берия сообщал И. В. Сталину, В. М. Молотову и Г. М. Маленкову о том, что «в результате агентурно-оперативных мероприятий и чекистско-войсковых операций... с июля 1944 г. по 1 сентября 1945 г. НКВД Белорусской ССР арестовано и задержано... бандитов – 6 514, бандпособников – 1 036, участников антисоветских организаций – 651, немецких ставленников, пособников и другого антисоветского элемента – 6 141... Убито 3 282 бандита, дезертира и другого антисоветского элемента. Кроме того, явилось с повинной 698 бандитов, 44 участника антисоветских организаций и 8 188 дезертиров и уклоняющихся от мобилизации. При проведении операций изъято: минометов – 62, ПТР – 30, пулеметов – 657, автоматов – 1 359, винтовок – 10 485, револьверов – 771, гранат – 1 435, мин – 1 164, патронов – 94 845, взрывчатых веществ – 893, раций – 12, радиоприемников – 51»²⁶³.

Существенным недостатком чекистско-войсковых операций, проводимых НКВД на этом этапе, было недостаточное проведение подготовительной, в первую очередь оперативной работы. В ряде случаев войсковые подразделения проводили нецелевой поиск, прочесывание лесных массивов и хуторов в надежде на случайное столкновение с противником. Отличительной же чертой чекист-

ско-войсковых операции при ее организации и проведении органами государственной безопасности являлось тщательное обеспечение оперативной информацией, начиная со стадии планирования. В дальнейшем, на основе оперативных данных, выявлялись места дислокации банд, под руководством оперативных сотрудников осуществлялось их блокирование, задержание или ликвидация силами внутренних войск, войсковых подразделений.

Полагаем необходимым отметить, что подразделения по борьбе с бандитизмом органов внутренних дел также широко практиковали создание истребительных батальонов и групп содействия из числа местного актива. Был востребован и опыт партизан, полученный в годы Великой Отечественной войны²⁶⁴. Кроме того, было установлено, что в отдельных случаях структуры антисоветского вооруженного подполья использовали в своих интересах расположенные в лесах бывшие базы советских партизан и оперативных групп НКВД – НКГБ. Поэтому закономерно, что в борьбе с ними вместе с бывшими партизанами задействовались бойцы и руководители спецгрупп и спецотрядов НКВД – НКГБ.

Несмотря на имевшиеся недостатки, предпринятые в 1944–1945 гг. органами внутренних дел и государственной безопасности меры позволили во взаимодействии с войсковыми подразделениями разгромить наиболее крупные структуры антисоветского вооруженного подполья. Однако принимаемые меры не всегда позволяли результативно бороться с наиболее подготовленными и опасными его участниками, которые составляли костяк групп, оставались на свободе. Незавершенность в вопросах ликвидации вооруженных антисоветских структур приводила к тому, что со временем они пополнялась новыми членами, в том числе за счет дезертиров и лиц, уклонявшихся от призыва. Кроме того, бандиты искали новые формы борьбы, а их деятельность, как правило, приобретала более конспиративный характер.

Автор считает, что в исследуемый период главными политическими итогами борьбы с антисоветским вооруженным подпольем являлись нанесение его структурам значительных потерь, утрата влияния на местное население и потеря связи с зарубежными центрами. Спецслужбы иностранных государств были лишены социальной базы для развертывания на территории СССР разведывательной, диверсионной, террористической и иной противоправной деятельности.

Ю.В. Пилипенко
г. Анапа

Участие Балаклавской школы младшего начсостава сторожевых катеров Учебного отряда Черноморского флота в Великой Отечественной войне

С началом Великой Отечественной войны морские пограничные части, дислоцированные на Баренцевом, Балтийском, Черном и Каспийском морях, в соответствии с установленным порядком взаимодействия НКВД и Народного комиссариата Военно-морского флота (НК ВМФ) были переданы в состав соответствующих флотов. Передача была оформлена совместным приказом НК ВМФ и НКВД «О приеме-передаче из НКВД в НК ВМФ морских частей и подразделений погранвойск» от 23 сентября 1941 г.²⁶⁵ В числе переданных была и 1-я морская пограничная школа (МПШ) численностью 458 чел., дислоцировавшаяся в г. Балаклава²⁶⁶.

В составе учебного отряда Черноморского флота школе было присвоено новое название «Балаклавская школа младшего начсостава сторожевых катеров Черноморского флота»²⁶⁷. В связи с изменением обстановки и необходимостью активной борьбы с авиацией противника, имевшей в начальный период войны подавляющее преимущество, меняется профиль подготовки школы. Поставлена задача подготовки специалистов и младших командиров для береговой противовоздушной обороны ЧФ. Для организации обучения по новой специальности школа была доукомплектована офицерами и младшими командирами – специалистами ПВО. Также были получены учебная материальная часть, литература и средства связи.

Первый военный набор курсантов составил 2500 чел. и состоял из мобилизованных из запаса и молодых призывников. Курс подготовки начался в первых числах июля 1941 г. и был разделен на два этапа. В течение первых шести недель проводилась подготовка всего пополнения по программе рядового бойца. Затем личный состав, отобранный для подготовки специалистов, был сведен в 5 учебных рот. Оставшиеся были отправлены в сухопутные подразделения береговой обороны ЧФ²⁶⁸.

В августе был получен приказ о формировании из личного состава школы батальона морской пехоты. В связи с этим получено пополнение в количестве 250 чел. В их числе – офицеры и младшие командиры для назначения на должности в батальоне. Командиром батальона был назначен начальник продовольственного снабжения школы капитан В.В. Бондарь, участник Гражданской войны, военкомом – старший политрук Кондрашев. Батальон состоял из трех стрелковых рот и вспомогательных подразделений. По данным А.В. Неменко, состав батальона насчитывал 1223 командира и рядовых бойца. Формирование подразделения происходило в условиях нехватки времени, личного состава и вооружения. Так, для укомплектования батальона до полного штата рядовыми бойцами к нему были приписаны взвода из учебных рот. Батальон не имел полевой артиллерии, но в его составе числилась батарея 45-мм морских универсальных орудий 21К²⁶⁹.

Таким образом, в начале войны деятельность школы осуществлялась по двум направлениям:

- учебные роты – по программам подготовки специалистов;
- батальон – по программе подготовки личного состава морской пехоты.

Учеба сочеталась с активным строительством оборонительных рубежей в районе населенных пунктов Новые и Старые Шули, Нижний и Верхний Чоргунь. В начальный период войны личным составом была проведена большая работа по строительству укреплений в районе размещения школы.

В период августа–сентября 1941 г. из числа личного состава школы было выделено более 500 чел. для формирования подразделений морской пехоты, направленных под Москву, Одессу и Ростов. Для формирования в Симферополе дивизии погранвойск НКВД со складов школы было выделено 400 винтовок, 4 станковых и несколько ручных пулеметов. К началу боевых действий в школе и батальоне насчитывалось примерно 2000 чел. На вооружении имелось 8 45-мм морских пушек 21К, выполнявших задачи зенитной обороны, 6 станковых, 10–12 ручных пулеметов, около 700 винтовок²⁷⁰. Таким образом, к началу боев за Севастополь в школе имел место значительный некомплект стрелкового оружия и полностью отсутствовала полевая артиллерия и минометное вооружение.

К вечеру 8 ноября 1941 г. немецкие войска силами 72-й пехотной дивизии при поддержке танков вышли на исходный рубеж в районе населенных пунктов Варнутка, Кучук-Мускомия, Батилиман, Ласпи. Согласно замыслу немцы планировали нанести удар через Балаклавские высоты в направлении на Балаклаву и деревню Кадыковка.

В соответствии с боевым приказом Севастопольского оборонительного района № 002 от 9 ноября 1941 г. для обороны 1-го сектора во 2-й кавалерийской дивизии полковника П.Г. Новикова формировался 383-й стрелковый полк трехбатальонного состава²⁷¹. 1-й батальон из личного состава школы НКВД (командир батальона, начальник школы майор И.Г. Писарихин). Во исполнение приказа командование дивизии должно было сформировать указанный полк к 18 часам 9 ноября 1941 г., но по каким-то причинам этого сделано не было.

В ночь 9 ноября школа в полном составе форсированным маршем выступила на указанный рубеж обороны восточнее и юго-восточнее дома лесника фронтом на Варнутку, Кучук-Мускомию, Ялтинское шоссе.

Ввиду недостатка оружия в указанный район по приказу начальника школы выдвинулись 1-я, 2-я и 4-я роты. Для занятия обороны на рубеже в первый эшелон на правом фланге выделялась 1-я рота (командир – младший лейтенант А.К. Клинковский, политрук – В.А. Овчинников), на левом фланге 4-я рота (командир – младший лейтенант Д.Я. Середницкий, политрук – И.И. Воронов). 2-я рота (командир – старший лейтенант И.Г. Морозов, политрук М.И. Журавлев) заняла оборону во втором эшелоне на восточных склонах Балаклавских высот. 3-я рота (командир – младший лейтенант А.А. Мирошниченко, политрук – М. Августиневич) по причине недостатка оружия получила задачу подготовить для обороны район склада взрывчатки рудоуправления – здания метеослужбы Экспедиции подводных работ особого назначения – восточнее высоты 212,1. И.Г. Писарихин в воспоминаниях указывает, что оружия у роты было очень мало. Местность для занятия обороны, как первым, так и вторым эшелоном подготовлена не была.

1-я рота не успела выйти в указанный ей район и юго-восточнее дома лесника была встречена автоматнo-ружейным огнем. С

рассветом рота подверглась мощному минометному обстрелу. Занимать оборону и развертываться на позиции рота была вынуждена под огнем противника.

4-я рота успела выйти на указанный рубеж обороны, но окопаться не смогла по причине нехватки шанцевого инструмента и тяжелого скалистого грунта.

2-я рота заняла оборону на восточном склоне Балаклавских высот.

Батальон имел на вооружении только стрелковое оружие и роты могли оказывать огневое воздействие на противника на относительно небольших расстояниях 150–200 метров. Эффективными были контратаки, зачастую переходящие в рукопашные схватки. Как отмечает И.Г. Писарихин, на командный пункт батальона прибыл офицер-корректировщик от 19-й батареи береговой обороны. Однако артиллерийская поддержка батальону оказана не была, так как радиосвязь с батареей установить не удалось²⁷².

И.Г. Писарихин указывает, что большая часть батальона была из личного состава, мобилизованного в период войны, не имевшего боевого опыта. В таких условиях большая ответственность ложилась на командный состав, который вел разъяснительную работу, показывал примеры личной храбрости и героизма в бою. 1-я и 4-я роты в течение 9 ноября вели ожесточенные бои на заданных рубежах обороны, но к исходу дня, понеся большие потери, под сильным огнем врага вынуждены были отойти на Балаклавские высоты. Немцам удалось вплотную подойти к боевым порядкам 2-й роты, где они были остановлены. На протяжении всей ночи при поддержке плотного огня артиллерии и минометов противником предпринимались попытки прорвать оборону. 2-я рота, невзирая на потери, несколько раз переходила в контратаки и рукопашные схватки.

В исследованиях и мемуарах даются разные оценки потерям, которые понес батальон в первый день боевых действий. Г.И. Ванеев указывает, что «курсанты отбили атаки врага и сумели удержать свои позиции, но понесли потери»²⁷³. Далее указываются имена героически погибших командиров и политработников: В.С. Ивашенко, Д.Я. Сохацкого, А.А. Мирошниченко, упоминается о ранении командира батальона. На самом деле потери 1-й и 4-й рот

были значительны. По понятным причинам (воспоминания датированы 5 августа 1966 г.) И.Г. Писарихин не приводит цифры потерь, характеризует потери как «большие» и «очень большие». По его свидетельствам, после участия в боях 9 ноября 1-я рота понесла большие потери, лишилась командного состава и была расформирована. Оставшийся в живых личный состав включен во 2-ю роту. 4-я рота произвела переформирование. Из четырех взводов было создано три, по численности меньшие, чем были в начале боя²⁷⁴.

10 ноября немцы силами 72-й пехотной дивизии при поддержке артиллерии, минометов и танков продолжили наступление по всему фронту обороны батальона. Батальон школы находился на направлении главного удара противника²⁷⁵. Вместо раненого И.Г. Писарихина в командование батальоном вступил капитан В.В. Бондарь, но руководить боем по причине болезни не смог. Командование батальоном принял командир 2-й роты старший лейтенант И.Г. Морозов. К исходу дня противнику удалось потеснить 2-ю и 3-ю роты на рубеж высот восточнее Генуэзской башни и сопки юго-восточнее высоты 212,1.

11 и 12 ноября, несмотря на ожесточенные бои, противнику не удалось достигнуть решающего успеха. К исходу 12 ноября людские резервы для пополнения рот батальона были исчерпаны. В трех ротах осталось около половины личного состава²⁷⁶. Особенно большие потери были среди офицерского состава и младших командиров. Как отмечает И.Г. Писарихин, командный состав, одетый в морскую форму, был хорошей мишенью для немецких снайперов. Сплошную линию обороны сформировать не удалось, личный состав занимал позиции на высотах, поэтому для борьбы с группами противника, пытавшимися проникнуть через линию обороны в районе д. Китровка, из хозяйственных подразделений школы создавались специальные группы.

Приказом командующего Севастопольского оборонительного района от 9 ноября Балаклавский участок обороны не был выделен в самостоятельный, как было ранее, со своими силами и резервами, что сказалось через несколько дней. 14 ноября противник бросил на его захват значительные силы. Сильно ослабленный в предыдущих боях батальон школы понес большие потери и вынужден был отойти. Немцам удалось захватить старый форт, но

Балаклава оставалась в руках советских войск в течение всей обороны²⁷⁷.

16 ноября согласно приказанию коменданта 1-го сектора обороны Севастополя остатки батальона в составе трех боевых рот и роты связи под командованием старшего лейтенанта И.Г. Морозова, политрука М.И. Журавлева и командира роты М.Н. Титочко были включены в состав 383-го стрелкового полка 2-й стрелковой дивизии²⁷⁸. Поздно вечером батальон был сменен на позициях в районе высоты 212,1 подразделениями 184-й дивизии НКВД.

17 ноября 1941 г. на базе 184-й дивизии НКВД и батальона школы НКВД был сформирован полк НКВД под командованием майора Г.А. Рубцова, который сражался в Севастополе до последних дней обороны²⁷⁹.

В связи с обострением обстановки в районе дислокации для сохранения учебной базы 18 ноября 1941 г. 40 человек постоянного состава 1-й МПШ во главе со старшим лейтенантом Н.Е. Ефимовым вместе с документацией, учебной литературой и имуществом были эвакуированы в Батуми²⁸⁰. В течение января 1942 г. 1-я МПШ была развернута на новом месте и под руководством майора И.Г. Писарихина приступила к подготовке 1000 курсантов (из них 300 девушек) для частей ПВО: комендоров, дальномерщиков, радистов, телефонистов и других специалистов. В августе 1942 г., в связи с ухудшившейся обстановкой на фронтах, из числа личного состава школы формируются роты морской пехоты. К концу августа был произведен досрочный выпуск курсантов, школа расформирована, личный состав был распределен по кораблям и маршевым ротам, часть постоянного состава вместе с командованием вошла в формирующийся 17-й отдельный батальон морской пехоты.

Школа числилась в составе действующей армии с 22 июня 1941 г. по 8 августа 1942 г.²⁸¹ и единственная из МПШ принимала непосредственное участие в боевых действиях. На Боевом Знамени 1-й МПШ, хранящемся в Комнате боевой славы Института береговой охраны ФСБ России, эти события отмечены надписью «Смерть немецким оккупантам!». Упомянутый выше А.К. Клинковский за героизм и мужество, проявленные в ходе Керченско-Эльтигенской операции, удостоен звания Героя Советского Союза.

А.Ю. Попов
г. Москва

Роль резидента НКГБ «Канской» в ликвидации гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе

В годы Великой Отечественной войны уничтожение нацистских сановников и предателей Родины, являлось одним из направлений зафронтовой деятельности органов государственной безопасности СССР. Приказ народного комиссара обороны Союза ССР от 5 сентября 1942 г. № 00189 «О задачах партизанского движения» прямо указывал беспощадно уничтожать фашистских политических деятелей, генералов, крупных чиновников и изменников, находящихся на службе у врага²⁸². Велся строгий учет зверствам оккупантов. На основании приговоров, вынесенных партизанами, только при непосредственном участии ОМСБОН НКВД СССР было осуществлено 87 актов возмездия²⁸³.

Задание на ликвидацию гауляйтера Белоруссии В. Кубе получили все действующие в районе Минска партизанские командиры. На протяжении всего лета и сентября 1943 г. делались попытки убить гауляйтера. Однако все покушения остались безрезультатными.

С захватом гитлеровцами Минска, Н.В. Троян, как и многих других молодых людей, охватила идея сопротивления захватчикам. Она стала активной участницей антигитлеровской молодежной подпольной ячейки. Типографий никаких не было, даже пишущие машинки оказались страшным дефицитом. Листовки писались от руки, расклеивали по городу. Это был большой риск, гитлеровцы таких ловили и безжалостно вешали и расстреливали.

В один из дней Надежда расклеивала листовки. Она не заметила, как подошел незнакомый мужчина и сказал, что таким образом Красной армии помочь нельзя, а если за этим занятием ее поймут немцы, то казни ей не избежать. Незнакомец представился сотрудником органов государственной безопасности, сказал, что знает многих патриотически настроенных молодых людей и назначил встречу в условленном месте. Так, Надежда Викторовна по-

пала в поле зрения резидента Особой группы НКВД СССР, выполняющего специальное задание на оккупированной территории Белоруссии. И вся ее дальнейшая деятельность на оккупированной территории Белоруссии была под контролем органов государственной безопасности²⁸⁴.

В июле 1943 г. руководитель оперативной группы «Артур» И.Ф. Золотарь привлек Н.В. Троян для участия в операции по уничтожению Кубе, которая в его группе выполняла роль резидента. Псевдоним «Канская» она выбрала сама, так как какое-то время до войны проживала в г. Канске.

Надежде было поручено выйти на бывшего врача 1-й клиники Минска Т. Калиту, которая по оперативной информации работала гувернанткой детей Кубе. До войны Н.В. Троян знала ее лично. Татьяна встретила Надежду неприветливо, опасаясь провокации со стороны гестапо. Но когда Троян повела общий разговор о зверствах фашистов, о страданиях советских людей, об успехах Красной армии на фронте, о смелых действиях партизан в тылу врага, Калита встревожилась. Она спросила у Надежды, зачем она ей все это говорит. Дело было в том, что Татьяна давно думала уйти к партизанам, но не знала, как это сделать. Надежда сказала, что ищет исполнителя на ликвидацию гауляйтера Кубе. В ходе разговора выяснилось, что Калита уже не работает у Кубе и Троян, потеряв к ней интерес, собралась уходить. Однако Калита проявила инициативу и сказала, что может познакомить с девушкой, работающей в доме гауляйтера, которой можно доверять. Этой девушкой оказалась Е.Г. Мазаник.

Татьяна в тот же день встретила с Еленой и рассказала ей о своем разговоре с партизанской разведчицей. Они договорились, что встреча произойдет у ворот дома Мазаник. В назначенный час Надежда была у дома Елены и после обмена условленными фразами была приглашена в квартиру. В доме девушка спросила зачем она понадобилась. Надежда предложила ей сотрудничать с партизанами и оказать помощь в ликвидации Кубе. Мазаник не сказала нет, но попросила подумать над этим предложением.

На следующих встречах с Мазаник Троян по поручению Золотаря была настойчива, уговаривая ее убить Кубе. Золотарь через Троян упорно требовал от Мазаник действий в этом направлении.

Но эта напористость сильно насторожила горничную Кубе и вызвала сомнение – не подставное ли лицо Троян.

Мазаник стала добиваться встречи с Золотарем для подтверждения, что Троян не является агентом немецких спецслужб. По Минску в то время ходили слухи о появлении в городе молодых женщинах – выпускницах школ Абвера. Уменьшить недоверие Мазаник к Троян могли только люди, которым Елена полностью доверяла. Но Золотарь в силу сложной оперативной обстановки не мог подходить близко к Минску, а Мазаник не могла оставить рабочее место на длительное время. Тем не менее договоренность, что Мазаник получит мину для ликвидации Кубы от Троян, была достигнута.

За две недели до взрыва, покончившего с гаулейтером, на Мазаник вышла агент военной разведки «Черная», а по учетам НКГБ она проходила как агент «Цапля» – М.Б. Осипова, но беседа у нее с Мазаник поначалу тоже не получалась. Осипова, видя, что разговор может закончиться безрезультатно, сказала, что близится час, когда каждый из нас, оставшийся в тылу противника должен будет отчитаться перед Родиной, что он сделал для ее освобождения от проклятого фашизма. Мазаник ответила, что Осипову она вообще не знает и что к ней приходила какая-то Надя, предлагала деньги за убийство Кубе, от которых она отказалась. На это Осипова ответила, что у нее денег нет, за них она ее покупать не собирается, а надеется на ее сознательность²⁸⁵.

Ликвидация Кубе явилась приказом Центра для всех партизанских формирований. Возникает вопрос, который не дает покоя историкам отечественных спецслужб – кто приложил руку к убийству гауляйтера, военная разведка или органы государственной безопасности?

Последней инстанцией, где Осипова получила мины, явился действовавший в районе Минска спецотряд «Дима» Главного разведывательного управления, которым руководили Д.И. Кеймах, К. Корниенко и Н.П. Федоров. Руководство отряда знало, что Осипова связана с другими оперативными группами НКГБ, охотившимися за Кубе. Однако, исходя из оперативной обстановки, Осиповой было приказано временно прекратить с ними любые контакты²⁸⁶.

Получив в отряде «Димы» две небольшие на вид мины, Осипова 19 сентября 1943 г. передала Мазаник одну из них. В спальне Кубе Мазаник заложила мину между матрацем и пружинами,

ближе к головной части кровати. Кубе вернулся домой в первом часу ночи, сказал, что чувствует себя плохо и сразу лег в постель. В 0 час. 40 мин 22 сентября 1943 г. в спальне генерального комиссара и гауляйтера взорвалась мина, в результате чего у него разорвало левую сторону груди и оторвало левую руку. Ранения были смертельные.

Троян своими поступками и поведением пробудила у Мазаник стремление к действию, и это сыграло очень важную роль. И когда на нее вышла Осипова, она стала действовать более решительно, и гаулейтер Белоруссии В. Кубе был ликвидирован. Когда в Москве стало известно об его убийстве, началось прояснение роли в организации этой акции Наркомата государственной безопасности и Разведывательного управления Генерального штаба (ГШ) Красной армии. У каждой из этих организаций были основания зачислить ее на свой боевой счет. Троян была резидентом отряда НКГБ, Осипова – агентом НКГБ и агентом партизанской бригады Разведуправления ГШ Красной армии.

После прибытия в Москву с партизанских баз Н.В. Троян, М.Б. Осиповой и Е.Г. Мазаник, все прояснилось. Выходило, что непосредственно мина, убившая гауляйтера, была вручена Мазаник Осиповой, но организация операции по ликвидации Кубе лежала на органах НКГБ.

Подвиг Н.В. Троян, М.Б. Осиповой и Е.Г. Мазаник Родина оценила высоко. Все трое были удостоены звания Героя Советского Союза. И произошло это потому, что без участия каждой из них общий успех был бы невозможен.

До сих пор в средствах массовой информации появляются публикации, ставящие под сомнение, что Троян в этой операции играла важнейшую роль. Но именно она первой вышла на Мазаник и от нее прошла информация, что с ней можно работать и в последующем склонить к осуществлению акции возмездия. Если Мазаник и Осипова смогли уйти из города до взрыва, то Троян туда пришла уже после ликвидации гауляйтера. Она не знала об удавшемся покушении, попадала в облавы, выбиралась из них рискуя жизнью.

Судьба Надежды Викторовны Троян многогранна и интересна. Молодой девушкой она совершила подвиг. После Великой Отечественной войны стала жить в Москве. Посвятила свою жизнь благому делу – лечить людей. Своим упорством и трудом достигла положения в обществе. До своего 90-летия не дожила меньше двух месяцев.

Б.М. Семёнов
г. Москва

О деятельности советской внешней разведки в 1941–1943 гг.

После нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. советская внешняя разведка сконцентрировала все свои усилия на выполнении следующих приоритетных задач, поставленных ей руководством страны в первые дни Великой Отечественной войны: выявлять военно-политические и иные планы нацистской Германии и ее союзников против Советского Союза; вскрывать любые тайные попытки немцев сепаратно сговориться с Англией и США об условиях выхода Германии из войны; обнаруживать истинные планы и намерения союзников СССР, особенно Англии и США, по вопросам ведения войны, отношения к Советскому Союзу и послевоенного устройства миропорядка; вести разведку в нейтральных странах (Иран, Турция, Швеция и др.) с целью не допустить их перехода на сторону «оси Берлин – Рим – Токио», парализовать в них подрывную деятельность гитлеровской агентуры и организовать разведку с их территории против Германии и ее союзников; создать и направить в тыл противника специальные оперативные отряды для ведения разведывательно-диверсионной деятельности; помогать партийным органам в развертывании партизанского движения в тылу врага; вести научно-техническую разведку в развитых капиталистических странах в целях укрепления военной и экономической мощи СССР²⁸⁷.

Внешняя разведка в своей деятельности во второй половине 1941 г. стала пользоваться большей самостоятельностью. Обстановка войны вынуждала высшее руководство страны делегировать часть своих полномочий среднему звену ответственных работников, отходить от практики мелочной опеки, контроля. В частности, начальник 1-го управления НКВД П.М. Фитин был уполномочен впредь подписывать информационные спецсообщения в адрес руководителей страны, в том числе наркома НКВД Л.П. Берии и его первого заместителя В.Н. Меркулова.

На начальном катастрофическом для нашей страны этапе

войны 1-й (немецкий) отдел 1-го управления НКВД в июле доложил И.В. Сталину обобщенную информацию о том, что командование германской армии уповает на успех молниеносной войны против СССР. В ней повторно отмечалось, что Верховное командование вооруженных сил (ОКВ) Германии считало возможным выиграть войну при условии разгрома Красной армии в течение двух-трех месяцев и взятия в этот срок Ленинграда, Москвы, Киева, Донбасса, Северного Кавказа и Баку с его нефтяными месторождениями²⁸⁸.

С июля 1941 г. из-за прекращения внешней разведкой работы с агентурой в Германии (после вынужденного выезда заграничных учреждений СССР из Берлина в Москву) ведущую функцию в добычании секретной информации о военных планах и действиях Германии против СССР стала выполнять резидентура в Лондоне под руководством А.В. Горского, которой незадолго до войны удалось возобновить связь с ценными источниками – членами «Кембриджской пятерки». Их информация по Германии, а также США и Великобритании была архиважной для руководства СССР.

1-е управление НКВД 16 августа 1941 г. доложило И.В. Сталину и В.М. Молотову о том, что, по достоверным данным британской разведки, в германском генштабе усилилась озабоченность в связи с неожиданным для немцев упорным советским сопротивлением и срывом плана быстрого уничтожения Красной армии. Сообщалось, что к 20 июля советские войска полностью истребили 6 бронетанковых и 20 пехотных германских дивизий, немцы стали «испытывать исключительно большие трудности» в снабжении своей армии²⁸⁹. Руководство СССР, проведя сравнительный анализ этих данных, а также немецких трофейных документов и показаний пленных, могло определить, что вермахт за неполный месяц боев на советско-германском фронте потерял одну четверть танковых и одну пятую часть пехотных дивизий.

Данное сообщение внешней разведки побудило руководство Государственного Комитета Обороны (ГКО) СССР мобилизовать все доступные силы и средства для организации упорного сопротивления агрессору с целью выстоять в схватке с ним, выиграть время для достижения конечной победы.

В начале октября 1941 г. немецкая стратегическая наступатель-

ная операция «Тайфун», нацеленная на захват Москвы до наступления зимы, поставила Красную армию в критическое положение. ГКО крайне нуждался в срочной переброске к столице войск с Дальнего Востока, где до 40 дивизий были готовы к отражению возможного нападения японской армии на Советский Союз из Маньчжурии.

3 октября внешняя разведка доложила руководству страны спецсообщение № 238/РУ с изложением добытой лондонской резидентурой достоверной информации – расшифрованного текста направленной в Берлин телеграммы германского посла в Токио о том, что «...в 1941 году Япония не выступит против России...». Такой прогноз был сделан немецким военным атташе в Токио полковником А. Кречмером после ознакомления по заданию германского правительства с военной деятельностью японцев в Маньчжурии²⁹⁰. ГКО, согласно мемуарам Маршала Советского Союза А.М. Василевского, к середине октября перебросил с Дальнего Востока на Западный фронт три стрелковые и две танковые дивизии²⁹¹.

10 декабря 1941 г. внешняя разведка проинформировала руководство ГКО о поручении МИД Японии своему послу в Берлине сообщить Гитлеру следующее: «...основные японские усилия будут сосредоточены на юге, и мы предполагаем воздержаться от преднамеренного предпринятая действий на севере...»²⁹². Это донесение, доложенное после начала войны между Японией и США 7 декабря 1941 г., было важно для советского руководства, так как служило ещё одним достоверным подтверждением того, что Токио воздержится от нападения на СССР в ближайшей перспективе.

В 1942 г. А. Гитлер и командование вермахта продолжали делать ставку на выигрыш в войне против СССР. Немецкая армия из-за понесенных в первые шесть месяцев войны огромных людских и материальных потерь в 1942 г. не могла вести наступление по всему советско-германскому (Восточному) фронту. В Берлине в строжайшей тайне был составлен план летне-осеннего «решающего наступления» на южном фланге Восточного фронта под кодовым названием «Блау».

I управление НКВД еще в конце 1941 г. по договоренности с руководством советской военной разведки организовало встречу её нелегального резидента в Брюсселе А.М. Гуревича с агентом

управления «Старшиной» в Германии. От этого надежного источника была получена информация, согласно которой командование германских войск предусматривало в 1942 г. вести главные наступательные действия в направлении нефтеносных районов Кавказа и в случае удачи развернуть фронт на Москву. Оно рассчитывало задушить Ленинград в кольце блокады²⁹³.

В марте 1942 г. внешняя разведка доложила руководству ГКО еще несколько спецсообщений о подготовке немцев к летнему наступлению на южном участке советско-германского фронта с целью прорыва через Ростов-на-Дону к Сталинграду и на Северный Кавказ с его богатыми месторождениями нефти и создать предпосылки для вторжения в Иран и Ирак. В случае успеха главного удара на сталинградском направлении, указывалось в разведывательных донесениях, фашисты намеревались продолжить наступление также в сторону Москвы и Ленинграда, считая их захват делом престижа²⁹⁴.

Между тем, штаб высшего командования Сухопутных войск (ОКХ) Германии с целью скрыть южное направление главного удара вермахта провёл специальные дезинформационные мероприятия. Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге 29 мая 1942 г. подписал фальшивый «Приказ о наступлении на Москву»²⁹⁵. Кроме того, немцы организовали серию демонстративных акций, призванных подтвердить их фальшивку. В результате в Ставке Верховного главнокомандования (ВГК) информацию внешней разведки недооценили, поверили дезинформации о нацеленности Гитлера на взятие Москвы кратчайшим путем. Как отметил маршал А. М. Василевский в своих мемуарах, в 1942 г. Ставкой Верховного главнокомандования «обоснованные данные нашей разведки о подготовке главного удара врага на юге не были учтены. На Юго-Западное направление было выделено меньше сил, чем на Западное»²⁹⁶.

Недооценка руководством страны информации своих разведслужб, в том числе внешней разведки, дорого обошлась Красной армии и советскому народу, принесла много бед и колоссальные неоправданные потери. Для ликвидации прорывов врага к Волге и на Северный Кавказ потребовались огромные героические и жертвенные усилия.

В конце июня 1942 г. немцы начали наступление на южном

фланге советско-германского фронта, прорвали линию обороны наших войск. 17 июля началась Сталинградская битва – одна из крупнейших и самых значимых сражений Второй мировой войны. В тяжелейший период оборонительных боев на сталинградском направлении руководство ГКО 8 июля 1942 г. адресовало командующему Дальневосточным фронтом генералу армии И.Р. Апанасенко директиву о помощи. И в этот раз в Кремле учитывали информацию внешней разведки о тогдашних военных планах дислоцированной в Маньчжурии японской армии.

Из разведдонесений было известно, что японские правители, хотя и не отказались от плана войны против СССР, намеревались приступить к его реализации лишь в случае успешного выступления немцев на Восточном фронте. Японцы учитывали провал в 1941 г. гитлеровского блицкрига, а также возникшие у них самих с середины 1942 г. трудности на Тихоокеанском театре военных действий, где они воевали против американской армии²⁹⁷. Командование Дальневосточного фронта, выполняя директиву из Москвы, направило в июле и августе в резерв Верховного Главнокомандования 8 дивизий общей численностью более 100 тыс. военнослужащих, которые внесли значительный вклад в победу в Сталинградской битве.

Советские войска в результате стратегической контрнаступательной операции «Уран» (19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г.) окружили и разгромили крупную группировку сил вермахта и войск союзников Германии в районе Сталинграда. Как отметил маршал А.М. Василевский в своих мемуарах, «примечательная черта контрнаступления под Сталинградом – скрытность его подготовки. Это было первое крупное окружение, в котором оказались немецко-фашистские войска с начала войны. Враг был ошеломлен внезапностью крупной операции Красной армии»²⁹⁸.

С наступлением в апреле 1942 г. временного относительного затишья на советско-германском фронте руководство СССР стало активно добиваться открытия англичанами и американцами второго фронта на западном побережье Европы. В результате переговоров В.М. Молотова с У. Черчиллем (22, 26 мая, 9, 10 июня) и Ф. Рузвельтом (28, 29, 30 мая и 1 июня) было завершено международно-правовое оформление антигитлеровской коалиции. 26 мая в Лондоне был подписан советско-английский Договор о союзе в

войне против фашистской Германии и её сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после завершения войны. 11 июля в Вашингтоне было заключено Советско-американское соглашение о принципах взаимной помощи в ведении войны против агрессии. Молотов добился включения в оба двусторонние коммюнике об итогах переговоров положения о достижении «полной договорённости в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году», а также получил обещание союзников об увеличении и ускорении военных поставок и снабжения для СССР²⁹⁹.

Вместе с тем в тяжелейших условиях Сталинградской битвы СССР воевал с нацистским Третьим рейхом в одиночку. Союзники – Англия и США – не спешили реализовать свои обещания открыть второй фронт. Об этом свидетельствовали результаты секретных переговоров Черчилля и Рузвельта на Второй Вашингтонской конференции 19–25 июня 1942 г. (вскоре после их встреч с Молотовым). Внешняя разведка 13 июля 1942 г. в спецсообщении № 1256/Б информировала Сталина и Молотова о достижении Черчиллем и Рузвельтом секретной договоренности задействовать вооруженные силы Англии и США первоначально для проведения основных военных операций против немецко-итальянских войск в Северной Африке.

8 июля 1942 г. внешняя разведка информировала руководство ГКО СССР о закрытом выступлении в американском посольстве в Лондоне главы Управления стратегических служб США У. Donovan, отметившего нецелесообразность открытия второго фронта в Европе летом 1942 г. ввиду «нехватки резервов и недостаточного времени для подготовки войск» западных союзников. Одновременно он допустил возможность до конца лета нападения на Советский Союз Японии, продолжавшей держать на границе Маньчжурии с СССР до 30 дивизий. Американец высказался в пользу наблюдения за развитием обстановки и принятия решения относительно оказания военной помощи Москве с учетом её прояснения³⁰⁰.

Благодаря информационным донесениям внешней разведки руководство ГКО СССР имело чёткое представление о расхождении ложных словесных заверений Черчилля и Рузвельта в пользу

скорого открытия второго фронта от их действительной выжидательной позиции.

В 1943 г. немецкое командование, пользуясь отсутствием второго фронта на западе Европы, предусматривало на советско-германском фронте летом решительно ослабить ударную силу ожидавшегося им наступления Красной армии, затем предпринять мощное наступление на восток, вырвать стратегическую инициативу и добиться перелома в войне в свою пользу.

ГКО, в свою очередь, полностью сконцентрировал усилия армии и всей страны на советско-германском фронте. Это стало возможным в том числе благодаря полученной руководством страны информации внешней разведки об окончательном отказе Японии от планов нападения на Советский Союз. В частности, в сообщении резидентуры из Нью-Йорка от 10 марта 1943 г., со ссылкой на надёжный источник, была изложена конфиденциальная информация госдепартамента США о том, что в ответ на настойчивые требования Германии к Токио совершить нападение на Советский Союз японцы предложили немцам «искать возможности для заключения мира с СССР»³⁰¹.

В 1943 г. в информационной работе внешней разведки происходили серьезные позитивные изменения. Этому способствовало, в частности, выделение из НКВД 14 апреля Народного комиссариата государственной безопасности. НКГБ снова возглавил В.Н. Меркулов, было образовано 1-е (разведывательное) управление НКГБ.

Важное значение имело также постановление ГКО от 5 июня 1943 г. о четком разграничении функций 1-го управления НКГБ, ГРУ Красной армии и разведуправление Наркомата ВМФ, призванное покончить с дублированием усилий разведывательных органов по некоторым вопросам. На 1-е управление возлагалось ведение политической разведки в целях добывания, в частности, информации о внешней и внутренней политике иностранных государств, их политическом и экономическом положении, научно-технических достижениях и новинках, об антисоветской эмиграции³⁰².

Это, по всей видимости, было обусловлено тем, что 7 мая 1943 г. внешняя разведка доложила в ГКО спецсообщение № 136/М с изложением информации лондонского источника Д. Кернкросса,

отлично владевшего немецким языком и являвшегося сотрудником английской дешифровальной службы в Блетчли-парке. В донесении был приведен текст телеграммы, отправленной из Южной группы германских войск за подписью генерал-фельдмаршала М. фон Вейкса в адрес оперативного отдела Верховного командования вермахта с оценками степени готовности советских войск противодействовать реализации плана «Цитадель». Согласно этому документу, гитлеровцы планировали нанести в направлении Курска два концентрических главных удара по линии Малоархангельск – Курск – Белгород. Один – из района южнее Орла силами группы армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Г. фон Клюге, другой – из района севернее сектора Белгород – Томаровка силами группы армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна³⁰³. Внешняя разведка в мае также доложила информацию К. Филби и Э. Бланта о подготовке немцами беспрецедентно крупного танкового сражения в районе южного фаса Курской дуги, об оперативных приказах командования вермахта на советско-германском фронте, а также о радиограммах германской разведки о дислокации и перемещении частей Красной армии. Добавим также, что Д. Кернкросс ещё в 1942 г. сообщил тактико-технические данные нового немецкого танка «Тигр». С учетом этой информации при подготовке к боям на Курской дуге наши танкисты особое внимание уделяли освоению тактики ближнего боя, а артиллеристы учились подбивать при стрельбе из противотанковых орудий прямой наводкой гусеницы «тигров»³⁰⁴.

Высокая ценность поступивших от «Кембриджской пятёрки» в мае 1943 г. материалов о подготовке германского командования к наступлению в районе Курской дуги была подтверждена Генеральным штабом Красной армии в служебных письмах в адрес внешней разведки. Д. Кернкросс был награжден орденом Красного Знамени, Э. Бланту объявлена благодарность наркома госбезопасности³⁰⁵.

Нет никаких сомнений в том, что правительство Англии было осведомлено о планах командования вермахта на летний период 1943 г. Вместе с тем оно не поделилось с советским руководством критически важной для СССР конкретной информацией.

В августе 1943 г. внешняя разведка выявила две попытки

немецких противников Гитлера довести до руководства Англии предложения по заключению сепаратного мира между Германией и западными союзниками Советского Союза. Эти попытки были предприняты эмиссарами, представлявшими сегмент командования вермахта, не верившего в успех военной кампании под руководством Гитлера. Они преследовали цель заключить «достойный мир» с западными членами антигитлеровской коалиции для последующей совместной военной кампании «против большевизма». Британский премьер отверг оба предложения³⁰⁶.

В 1943 г. британцы считали противников Гитлера в Германии неспособными оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны. Кроме того, интересам англичан больше отвечало продолжение между Германией и СССР военной кампании с огромными людскими и материальными потерями для обеих сторон и, соответственно, ослабление на международной арене их позиций как геополитических конкурентов Англии³⁰⁷. Вместе с тем в правящих кругах США и Англии были влиятельные силы, настроенные на заключение сепаратного компромиссного мира с Германией и ее союзниками.

После победы СССР в Курской битве, Черчилль и Рузвельт на конференции в Квебеке 17–24 августа 1943 г. согласовали военные планы англо-американских войск на 1943–1944 г. 26 августа они в совместном послании вкратце информировали Сталина о том, что предстоящее вторжение во Францию «будет основным американо-британским воздушным и наземным усилием против держав «оси».

В сентябре 1943 г. внешняя разведка информировала руководство Советского Союза о том, что Черчилль и Рузвельт на квебекской встрече приняли решение начать «главные операции на Европейском континенте путем вторжения с островов Великобритании с 1 мая 1944 г. при условии, если до этого русские не достигнут самостоятельного успеха и Германия все еще будет воевать. Кодированное название операции – «Оверлорд».

Кроме того, лидеры США и Англии согласовали на случай внезапного прекращения Германией войны специальный план «Рэнкин», предусматривавший чрезвычайную высадку англо-американских войск во Франции, не дожидаясь завершения подготовки

к операции «Оверлорд». План «Рэнкин» предписывал англо-американским войскам стремительно занять оставленные немцами территории стран западнее Германии в случае ухода оттуда немцев, а также немедленно оккупировать всю Германию при условии ее безоговорочной капитуляции. Было решено создать в Лондоне англо-американский персонал для управления освобожденными странами Западной Европы и Германией, после их занятия США и Англией.

Согласно данным внешней разведки, на конференции в Квебеке Рузвельт заявил: «Войска объединенных наций должны быть готовы достичь Берлина не позднее русских»³⁰⁸. План «Рэнкин», очевидно, был принят на случай возможных событий в западной части Европы и, по существу, предусматривал сепаратные действия США и Англии по завершению войны с Германией.

В 1943 г. руководство и дипломатия СССР эффективно сочетали впечатляющие победы Красной армии на полях сражений и успехи внешней разведки в добывании надежной секретной информации о планах западных союзников для отстаивания и продвижения за столом переговоров интересов Советского Союза в Европе и на международной арене в период войны, в борьбе за формирование справедливого послевоенного миропорядка.

19–30 октября 1943 г. в Москве состоялась созванная по предложению Советского правительства первая за время войны конференция министров иностранных дел СССР, США и Англии. Благодаря добытой до данного форума внешней разведкой упреждающей информации руководство страны хорошо знало реальную позицию англо-американских союзников по приоритетным и основным вопросам ведения войны и международных отношений³⁰⁹.

По настоянию СССР на Московской конференции министров иностранных дел трех союзных держав в октябре 1943 г. представитель Французского комитета национального освобождения (ФКНО) был включен в союзнический Консультативный совет по вопросам Италии. ФКНО во главе с Ш. де Голлем впервые вышел на внешнеполитическую арену наравне с тремя ведущими державами антигитлеровской коалиции. Забегая вперед, отметим также, что в декабре 1944 г. в Москве состоялись переговоры Сталина и де Голля, 10 декабря был подписан советско-французский Договор

о союзе и взаимной помощи. Представитель Франции был включен в число участников церемонии подписания в пригороде Берлина Карлсхорсте 8 мая 1945 г. Акта о безоговорочной капитуляции Германии.

Накануне Конференции глав СССР, США и Англии в Тегеране (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) внешняя разведка доложила Сталину и Молотову подготовительные документы правительств США и Великобритании по главным вопросам повестки дня этого форума. Как подтверждала добытая внешней разведкой накануне Тегеранской конференции информация, на завершающем этапе Второй мировой войны США и Англии посредством минимально возможных собственных потерь и затрат добивались ослабления Германии как геополитического соперника на мировой арене и устройства такого послевоенного миропорядка, который позволил бы Вашингтону и Лондону навязывать другим странам, прежде всего СССР, свою волю.

На конференции переговоры по вопросу об открытии второго фронта в Европе были трудными. Черчилль на конференции вел себя неконструктивно в надежде затянуть высадку союзных войск во Франции и сосредоточить военные усилия западных союзников в восточном Средиземноморье, на юге и севере Италии и Балканах с целью отрезать советские войска от Австрии и не допустить их на Балканы.

Советское руководство, своевременно информированное внешней разведкой об этом замысле Черчилля, заняло на конференции жесткую позицию. Когда Черчилль дал понять, что не считает нужным обсуждать вопрос о высадке союзников во Франции, Сталин заявил о бессмысленности в таком случае встречи руководителей трех стран. Он добавил, что советской делегации на ней делать нечего. Это вынудило Рузвельта проявить гибкость и прагматизм, готовность к поиску компромисса. В Тегеране была зафиксирована трехсторонняя договоренность о том, что высадка англо-американских войск во Францию (операция «Оверлорд») состоится в мае 1944 г. Английский план военных операций в восточном Средиземноморье был отклонен³¹⁰.

Сотрудники внешней разведки под руководством И.И. Агаянца и П.М. Журавлёва успешно выявили на территории Ирана агентуру абвера, которая вела подрывную деятельность против

Советского Союза и готовила теракты против лидеров СССР, Англии и США во время их пребывания на Тегеранской конференции. В преддверии и в период этого форума для выполнения спецзадания наркома НКГБ В.Н. Меркулова в Иране находился А.М. Коротков. По наводкам руководства резидентуры Александр Михайлович и его помощники осуществили акции по нейтрализации агентов абвера, обеспечив безопасность лидеров трех государств антигитлеровской коалиции³¹¹.

В целом разведчики внесли бесспорный весомый вклад в Великую Победу советского народа над фашистской Германией в 1945 г., в создание после войны нового Ялтинско-Потсдамского двухполюсного миропорядка, в котором СССР в течение почти полувека принадлежала роль одной из двух сверхдержав.

Не подлежит сомнению очень важная роль внешней разведки в создании Советским Союзом атомной бомбы, что позволило лишить США ядерной монополии и до сих пор обеспечивает России уверенные позиции на международной арене, гарантирует ее государственный суверенитет и национальную безопасность.

Славные дела и имена наших разведчиков, достойно выполнивших до и в период Великой Отечественной войны возложенные на них обязанности, героически преодолевших выпавшие на их долю тяжелейшие испытания, навсегда сохранятся в благодарной памяти нынешнего и будущих поколений их коллег, всего народа.

А.В. Корниленко
г. Москва

Истребительные батальоны НКВД–НКГБ СССР: история создания и применения

Начальный период Великой Отечественной войны охарактеризовался стремительным продвижением немецких войск вглубь нашей территории и связанным с этим большим количеством жертв как среди военнослужащих, так и среди мирного населения. Не последнюю роль в «блицкриге» Германии сыграли парашютные десанты противника, имевшие задачу захвата стратегических объектов в целях обеспечения наступательных операций вермахта вглубь советской территории.

Осознавая опасность дезорганизации управления своими войсками, нанесенного ущерба в тактическом тылу, возникновения панических настроений, советским правительством были созданы уникальные на тот период времени подразделения по ликвидации существующей угрозы при органах НКВД.

Как известно, датой рождения истребительных батальонов является 24 июня 1941 г., когда Постановлением Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР были определены задачи по организации, комплектованию и использованию указанных подразделений для борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе³¹².

В дальнейшем порядок их взаимодействия и применения был уточнен Председателем СНК СССР И. В. Сталиным в Директиве от 29 июня 1941 г.: «...организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие истребительным батальонам»³¹³.

Во исполнение Постановления, народный комиссар внутренних дел СССР Л.П. Берия приказал: «Наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД [перечисленных выше] республик, краев и областей совместно с начальниками оперативных групп и органов НКГБ в 24 часа организовать при городских, районных и уездных

отделах (отделениях) НКВД истребительные батальоны по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника численностью 100–200 человек каждый...»³¹⁴.

Так, в Черниговской области Украинской ССР было создано 40 истребительных батальонов с общей численностью 9964 чел.³¹⁵, в Днепропетровской области уже к 4 июля 1941 г. – также 40 истребительных батальонов с общим количеством 6641 чел. и 2681 группа содействия в количестве 29104 чел.³¹⁶

При этом, несмотря на основную целевую направленность своей деятельности по уничтожению десантов и диверсантов противника, такие подразделения выполняли и сопутствующие задачи. Например, в Москве это были:

а) борьба с возможными контрреволюционными выступлениями;

б) организация патрульной службы и оказание содействия органам милиции в поддержании общественного порядка во время воздушной тревоги»;

в) установление тщательного наблюдения в районах возможной высадки десантов и диверсантов противника³¹⁷.

В УНКВД по Московской области истребительные батальоны участвовали в выявлении и захвате агентов немецко-фашистской разведки³¹⁸.

Однако считаем, что по настоящее боевое крещение истребительные батальоны прошли, осуществляя вооруженную борьбу с украинско-немецкими националистами на территории Западной Украины в 1944–1946 гг.

Зародившееся еще до Октябрьской революции украинское националистическое движение с наступлением немецкой оккупации обрело свою «вторую жизнь». Предательская, коллаборационистская политика Организации украинских националистов и ее Украинской повстанческой армии (ОУН–УПА) стала представлять реальную угрозу советской власти на Украине. Преступная деятельность ОУНовцев («бандеровцев») сводилась к убийствам военнослужащих, сотрудников органов НКВД–НКГБ, разделяющих советскую идеологию простых граждан, а также грабёжам, разбоям, насилию и запугиванию. Как известно, их конечной целью являлось создание «самостийного» украинского государства под протекторатом нацистской Германии.

В связи с возникшей угрозой, советское руководство всех уровней приняло экстренные меры по полной ликвидации украинско-немецкого националистического бандподполья и решающую роль в этом как раз сыграли созданные истребительные батальоны. Руководство боевой работой «истрибков» осуществляли:

с 25 августа 1941 г. – реорганизованные из оперативных групп НКВД–УНКВД республик, областей и краев 4-е отделы НКВД–УНКВД³¹⁹;

с 14 апреля 1943 г. по 7 мая 1945 г. – 4-е Управление НКГБ СССР (по специальной работе в тылу противника), в дальнейшем упраздненное³²⁰.

В соответствии с Решением ЦК КП(б) Украины от 26 февраля 1945 г. «Об усилении борьбы с украинско-немецкими националистами в западных областях» секретарями областного комитета совместно с начальниками НКГБ, НКВД, командующими погранвойсками определялся ряд неотложных мероприятий по улучшению борьбы с украинско-немецкими и польскими националистами.

Например, в Львовской области был разработан План ликвидации банд, который предполагал прикрепление к крупным бандам войсковых соединений и частей, а к мелким – истребительных батальонов и войск, путем выделения подвижных отрядов по преследованию и уничтожению бандеровцев.

Для уничтожения крупной банды предлагалось выделять специальный подвижной боевой отряд, для уничтожения мелких банд – небольшие войсковые группы, а отдельных мелких бандитских групп – создавать группы специального назначения. Срок окончательной ликвидации банд в западных областях УССР был установлен 15 марта 1945 г.³²¹

Одним из аспектов, затрудняющих выполнение своих прямых задач истребительными батальонами, являлся факт того, что банды ОУН–УПА активно использовали форменное обмундирование, знаки отличия, вооружение военнослужащих Действующей армии и сотрудников НКВД–НКГБ. Так, «23 февраля с.г. ночью на хуторе Березина Почаевского района бандитами был повешен заместитель председателя Почаевского сельсовета тов. Турко Василий Иванович, по рассказам местных жителей бандиты были

одеты в красноармейских шинелях, в шапках-ушанках, вооруженные автоматическим оружием, которые после повешения тов. ТУРКО скрылись в неизвестном направлении.

В этом же (Будановском – прим. *А.К.*) районе во время прочески села Кобыловолоки было убито 2 бандита, в том числе одного руководителя банды под кличкой «Солтус-Роман», последний был в форме капитана с орденом «Красного Знамени», медалью «За отвагу» и польским металлическим крестом, и двух бандитов взяли в плен, остальные скрылись»³²².

Вместе с тем, органами государственной безопасности в ходе оперативно-боевых мероприятий также использовались элементы хитрости, инсценировки для задержания/ликвидации националистов. В качестве примера можно привести операцию специальных боевых групп УНКГБ Станиславской области:

Боевка (боевая группа – прим. *А.К.*) 2-го отдела была направлена в с. Криховцы, Станиславского района с задачей снять пропагандиста группы станичных ОУН – Влашина Романа, под кличкой «Мирон».

Явившись к Влашину, боевка застала его дома. Приняв нашу боевку за боевку повитового ((укр.) – уездного – прим. *А.К.*) провода (провод – от «проводник националистических идей» – прим. *А.К.*). Влашин рассказал, что он является пропагандистом.

Войниловским РО (районный отдел – прим. *А.К.*) НКГБ были получены агентурные данные о прибытии в с. Дрогучев, Галичского района к своим родным референта по пропаганде Калушского окружного провода ОУН – Воронка Емельяна Петровича, под кличкой «Варяг».

Для съемки последнего была направлена боевка в составе 8 человек. По прибытии в дом Воронки, руководитель нашей боевки представился как связной повитового провода и заявил, что он имеет поручение срочно его доставить к руководителю областного провода ОУН. Воронка немедленно исполнил распоряжение, в результате был доставлен в РО НКГБ»³²³.

Эффективность деятельности истребительных батальонов можно оценить по тому, какую яростную, непримиримую позицию по отношению к ним занимали и вели ожесточенную борьбу члены ОУН–УПА:

«Истребителей уничтожать беспощадно...

Ко дню 21 мая 1945 г. представить всех, которые были в истребителях: по номеру, по порядку, с какого села, имя, фамилия, где родина, когда вступил в истребители, ... где был истребителем.

Предупредить наказанием смерти население... кто вступает в истребительный батальон»³²⁴.

По докладу начальника ГУГБ НКВД СССР «за первое полугодие 1945 года на территории западных областей Украинской ССР было проведено 9238 чекистско-войсковых операций, в ходе которых было убито 34210 бандита (из них руководящего состава ОУН–УПА 1008 чел.), захвачено в плен – 46059»³²⁵.

Примечательно, что в своей докладной записке на имя И.В. Сталина 16 июня 1945 г. секретарь ЦК КП(б) Украины Н.С. Хрущев приводил другие данные: «За время со дня освобождения западных областей УССР от немецких захватчиков до 1 июня 1945 года убито бандитов – 9275, взято в плен – 93610»³²⁶.

При этом потери сотрудников НКВД–НКГБ, офицеров войск НКВД, Красной армии, рядового и сержантского состава, бойцов истребительных батальонов, совпартактива составили убитыми – 692 чел., пропавшими без вести – 62³²⁷.

Подводя итог, можно констатировать, что деятельность истребительных батальонов оказала важнейшее влияние на уничтожение украинских националистов в западных областях Украины и внесла свой вклад в поражение нацистской Германии в Великой Отечественной войне. Добровольное вступление граждан в истребительные батальоны, основанное на глубоком чувстве патриотизма и любви к своей Родине, на начальном этапе войны позволило существенно ослабить и затруднить диверсионную деятельность немецких парашютных десантов. В дальнейшем под руководством НКВД–НКГБ «истрибки» стали грозной силой, которая смогла нанести поражение воинским формированиям ОУН–УПА на территории нашей Родины.

А.В. Лиманский
г. Москва

Участие кадрового состава пограничных войск по руководству воинскими формированиями действующей Красной армии в годы Великой Отечественной войны

Война явилась суровым испытанием для Советского государства, его Вооруженных сил, пограничных войск. В жестоких боях с ненавистным врагом в первые месяцы войны многие командиры и политработники Красной армии погибли. Так, в 1941 г. боевые потери среди начальствующего состава составили 233 316 чел. (40,3 % от численности по состоянию на 1 января 1941 г.), из них погибло 50 884 чел., пропало без вести 182 432 чел. Только в июне 1941 г. боевые потери составили 18 311 чел.³²⁸ Поэтому с начала войны кадровый состав пограничных войск стал важнейшим источником пополнения командными кадрами вновь формирующихся частей, соединений и объединений Действующей Красной армии (ДКА).

В конце июня – первой половине июля 1941 г. командование войск НКВД по решению правительства приступило к формированию из состава пограничных и внутренних войск 15 стрелковых дивизий. Нарком внутренних дел Л. П. Берия приказом от 29 июня 1941 г. непосредственное руководство этой деятельностью возложил на генерал-лейтенанта И. И. Масленникова – заместителя наркома внутренних дел по войскам, а также созданную при нем оперативную группу руководящего состава НКВД. Этим же приказом из кадров войск НКВД выделялось по 1 тыс. чел. рядового и младшего начальствующего состава и по 500 человек командно-начальствующего состава на каждую формируемую дивизию – в общей сложности 22 500 военнослужащих, из них 2 100 лучших офицеров³²⁹.

Оперативной группе, а также 2-му (организационно-строевому) управлению Главного управления пограничных войск (ГУПВ) предстояло выполнить огромный объем работы. На комплектование дивизий из пограничных войск Грузинского, Армян-

ского, Азербайджанского, Туркменского, Среднеазиатского и Казахского пограничных округов выделялось 3 тыс. лиц командно-начальствующего состава и 10 тыс. военнослужащих рядового и младшего начсостава. По 500 чел. направили части Ленинградского, Прибалтийского и Молдавского пограничных округов, пограничных войск управлений НКВД Белорусской ССР и Украинской ССР, которые после первых боев на государственной границе и череды оборонительных сражений отошли вглубь страны³³⁰.

На комплектование первых шести соединений, предназначенных для фронта, из состава пограничных войск было направлено 3 000 офицеров и генералов из Грузинского, Армянского, Азербайджанского, Казахского, Среднеазиатского и Туркменского пограничных округов³³¹. Большую часть офицеров командировали Туркменский, Забайкальский, Азербайджанский округа. Одну треть (975 из 3056 чел.) направили учебные заведения. В частности, на должности командиров батальонов назначались слушатели Высшей пограничной школы (ВПШ). Досрочный выпуск курсантов Ново-Петергофского военно-политического училища позволил укомплектовать политработниками ротное и батальонное звено³³². Только за период с 1941 по 1943 г. из училища в части пограничных войск для дальнейшего прохождения службы убыли 452 подготовленных политработника и 74 командира³³³.

Дивизии формировались по единому штату численностью 12 271 чел. Некадровый состав на их комплектование поступил на основании решения ГКО из запаса по мобилизации. О количестве пограничников в новых соединениях можно судить, например, по 249-й стрелковой дивизии (сд). Комначсостав: 70 % составили воины-пограничники из Забайкальского, Казахстанского и Западно-Сибирского пограничных округов, остальные должности укомплектовали за счет частей войск НКВД Московского гарнизона и дислоцировавшихся в Саратовской области. На 11 июля 1941 г. на укомплектование 250-й сд прибыло 8 242 чел., из них: командного состава (кадровых) – 232 чел., начальствующего состава (кадровых) – 146 чел., командного состава (запаса) – 107 чел., начальствующего состава (запаса) – 179 чел., остальные – рядовой и младший начальствующий состав кадрового состава и запаса³³⁴.

При формировании соединений тринадцати только что назначенным комдивам 15 июля 1941 г. было присвоено воинское звание генерал-майор. Командирами дивизий стали восемь представителей командно-начальствующего состава пограничных войск. В. К. Урбанович – заместитель начальника отдела боевой подготовки 2-го управления ГУПВ; М. А. Еншин – преподаватель ВПШ НКВД; И. И. Мельников – помощник начальника отдела боевой подготовки ГУПВ; Ф. Н. Пархоменко – начальник штаба войск Грузинского пограничного округа; В. С. Поленов – начальник 71-го пограничного отряда; Г. Ф. Тарасов – начальник штаба войск Забайкальского пограничного округа; Н.Т. Щербаков – начальник 42-го пограничного отряда; И.С. Горбачев – начальник 54-го Нерчинско-Заводского пограничного отряда. Среди командиров полков в этих дивизиях восемнадцать тоже были пограничниками³³⁵.

9 июля 1941 г. для формирования штаба войск НКВД (68 чел.) из состава ГУПВ было выделено 53 чел. руководящего состава. Начальником штаба войск НКВД был назначен генерал-майор Н.И. Яценко, который одновременно исполнял должности заместителя начальника ГУПВ, а до 1 января 1942 г. и оперативной группы войск НКВД³³⁶. Фактически штаб был организован на базе оперативной группы, созданной ранее для руководства формированием 15-ти дивизий из состава войск³³⁷.

В связи с возрастанием угрозы прорыва противника к Москве 14 июля 1941 г. был образован Резервный фронт из шести армий, четырем из которых командовали генералы-пограничники: 24-й – начальник войск Прибалтийского пограничного округа генерал-майор К.И. Ракутин, 29-й – заместитель наркома внутренних дел СССР по пограничным и внутренним войскам генерал-лейтенант И. И. Масленников, 30-й – начальник войск Украинского пограничного округа генерал-майор В. А. Хоменко, 31-й – начальник войск Карело-Финского округа генерал-майор В. Н. Далматов. Командующим Резервным фронтом был назначен начальник войск Белорусского пограничного округа генерал-лейтенант И. А. Богданов³³⁸. 29-я и 31-я армии состояли почти полностью из военнослужащих пограничных и внутренних войск³³⁹.

Дивизии возглавили: генерал-майоры М.Н. Клешнин (начальник Ленинградского военного училища войск НКВД), Ф.Я. Соловьев (командир дивизии внутренних войск), Ф.Н. Шилов (начальник Орджоникидзевского военного училища войск НКВД), В.К. Урбанович (заместитель начальника отдела боевой подготовки 2-го отдела ГУПВ), М.А. Еншин (преподаватель Высшей пограничной школы войск НКВД); полковники А.И. Кирзимов (командир 16-го мотострелкового полка войск НКВД), В.Н. Власов (начальник 2-го отдела Главного управления войск НКВД по охране железнодорожных сооружений, особо важных предприятий промышленности), А.А. Забалуев (начальник оперативного отдела Главного управления войск НКВД), И. И. Мельников (помощник начальника отдела боевой подготовки ГУПВ), Ф.Н. Пархоменко (начальник штаба погранвойск Грузинского округа), В.С. Поленов (начальник 71-го погранотряда), Г.Ф. Тарасов (начальник штаба Забайкальского погранокруга), Н. Т. Щербаков (начальник 42-го погранотряда); подполковник И. С. Горбачев (начальник 54-го погранотряда), майор П.П. Косолапов (командир 173-го полка внутренних войск). 18 командиров-пограничников возглавили полки. Лучшим из лучших доверяли командование частями и соединениями, и все же эта мера во многом была вынужденной: командных кадров высшего звена не хватало, и вчерашних начальников отрядов назначали командирами дивизий, начальников войск погранокругов – командующими армиями³⁴⁰.

30 июля 1941 г. это фронтовое объединение преобразуется в Резервный фронт, а его командующим назначается генерал армии Г.К. Жуков. В лице И.А. Богданова новый командующий нашел единомышленника и предложил ему остаться своим первым заместителем. Однако военная судьба не пощадила генерала: он погиб 19 июля 1942 г. Умело воевал на Западном фронте и командующий 29-й армией генерал-лейтенант И.И. Масленников. Вскоре после назначения его имя упоминалось в сводке Совинформбюро, где сообщалось, что в результате четырехдневных боев части И.И. Масленникова на западном направлении фронта нанесли немцам поражение, отбросив их остатки за р. Западная Двина. И в дальнейшем генерал проявил себя умелым военачальником³⁴¹.

Следует отметить, что в силу специфики пограничной службы многие офицеры и генералы-пограничники не имели необходимых знаний и опыта в организации и ведении современного общевойскового боя, что нередко приводило к негативным последствиям. Сложную науку побеждать им приходилось осваивать на полях сражений. От боя к бою росло их профессиональное мастерство, приобретался опыт управления вверенными им соединениями в условиях общевойскового боя³⁴².

Одной из самых ярких и в то же время наиболее трагических страниц Великой Отечественной войны стала битва за Ленинград летом – осенью 1941 г. Плечом к плечу с воинами армии и флота, бойцами народного ополчения Северную столицу защищали 1-я (полковник С.И. Донсков), 20-я (полковник А.П. Иванов), 21-я (полковник М. Д. Панченко) стрелковые дивизии НКВД, сформированные в августе – сентябре 1941 г. решением Военного совета Ленинградского фронта и приказами НКВД из войск по охране тыла ДКА. В их состав вошли 9 пограничных полков, 6, 7, 8 и 102-й погранотряды, окружные специальные и резервные пограничные части, 13, 14 и 15-й полки оперативных войск НКВД и другие части и подразделения. Их общая численность составила 34 340 чел. В составе Балтийского флота действовали 6 дивизионов пограничных судов и Ленинградское военно-морское пограничное училище. Кроме того, активное участие в обороне Ленинграда принимали 268-я (генерал-майор М. А. Еншин) и 265-я (полковник А. И. Кирзимов) стрелковые дивизии, сформированные в июле 1941 г. из личного состава пограничных и внутренних войск НКВД на территории Московского военного округа и передислоцированные к Северной столице³⁴³.

В условиях больших потерь в оборонявшихся войсках и все более усиливавшегося натиска врага на базе ряда пограничных отрядов, действовавших на Ленинградском направлении, началось формирование пограничных полков с одноименными номерами пограничных отрядов. Одним из них стал 106-й пограничный полк НКВД. Его формирование началось 1 ноября 1941 г. на основании приказа начальника войск НКВД охраны тыла Ленинградского фронта генерал-лейтенанта Г.А. Степанова. Начальник 106-го пограничного отряда майор Л.А. Головкин и военком отряда баталь-

онный комиссар А. Н. Иванов к 15 февраля 1942 г. завершили формирование и укомплектование пограничного полка. Активное участие в обороне на подступах к Ленинграду с 10 августа по 11 декабря 1941 г. принимали 87 военнослужащих начальствующего и преподавательского состава и 1074 курсанта Ново-Петергофского военно-политического училища³⁴⁴.

В дни обороны столицы войсками Московского военного округа и одновременно Московской зоны обороны командовал генерал-лейтенант П.А. Артемьев, долгое время служивший в пограничных войсках. В ноябре 1941 г. заместителем командующего Московским военным округом назначили генерал-майора В.А. Хоменко, который вскоре убыл на фронт и принял командование вначале 58-й, а затем 44-й армиями. Заместителем командующего войсками округа стал генерал-майор Н.П. Никольский, накануне войны командовавший Молдавским пограничным округом. Должность военного коменданта Москвы с октября занимал генерал-майор К.Р. Синилов – бывший начальник войск Мурманского пограничного округа. Под его контролем находились вокзалы, станции метро и другие важные объекты столицы. Комендантами семи районов Москвы с июня по октябрь 1941 г. были представители командно-начальствующего состава ВПШ, подчинившиеся К.Р. Синилову³⁴⁵.

О боевых отличиях личного состава 13-го полка в боях под Москвой в своих воспоминаниях написал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков: «С исключительным мужеством сражался 13-й пограничный полк. На него обрушился удар прорвавшаяся внезапно группа фашистских танков и мотопехоты, поддерживаемая артиллерией. Пограничники заняли оборону и под ураганным огнем стойко удерживали рубеж. Они нанесли врагу значительные потери, а главное – задержали его продвижение. Командир полка майор Д.И. Кузнецов получил во время боя тяжелое ранение, но продолжал командовать полком, своей отвагой вдохновляя пограничников. Он погиб в том бою. Д.И. Кузнецову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза»³⁴⁶.

Осенью 1942 г. военная обстановка осложнилась. Шли бои на улицах Сталинграда, враг вступил в предгорье Кавказа. ЦК партии и Государственный Комитет Оборона (ГКО) готовили резервы для организации разгрома захватчиков. В октябре 1942 – феврале

1943 гг. была сформирована Отдельная армия войск НКВД. С 1 февраля 1942 г. она была передана в состав ДКА и получила общевойсковой номер «70-я». Входившие в её состав 102-я Дальневосточная (генерал-майор А.М. Андреев), 106-я Забайкальская (генерал-майор С.И. Донсков) и 162-я Среднеазиатская (генерал-майор С.Я. Сенчилло) стрелковые дивизии были укомплектованы личным составом пограничных округов Дальнего Востока, Забайкалья и Среднеазиатских республик, частей внутренних войск НКВД³⁴⁷.

Вместе с тем, (за исключением 181-й стрелковой дивизии, участвовавшей в боях в районе Сталинграда и прибывшей из этого района для укомплектования армии) многие офицеры и солдаты не имели боевого опыта, командный состав штабов не обладал по большей части достаточными навыками «в области штабной службы... Наконец, армия при формировании была в значительной степени не укомплектована артиллерией и средствами транспорта...»³⁴⁸.

Три другие стрелковые дивизии 70-й армии – 140-я (генерал-майор М.А. Еншин), 175-я (полковник А.С. Головкин) и 181-я (полковник А.А. Сараев) сформированы в основном из призывного контингента, но значительная часть комсостава поступила из пограничных войск. Командирами дивизий являлись опытные военачальники пограничных и внутренних войск, прошедшие боевую школу в ДКА в первый период войны. Командирами полков являлись начальники пограничных отрядов, батальонов – коменданты пограничных участков, рот – начальники застав и их заместители. Должности политических работников укомплектовывались также за счёт личного состава политаппаратов пограничных округов и отрядов. Всего из состава пограничных войск на формирование 70-й армии было направлено 28 444 чел., в том числе офицеров и генералов – 1 783, сержантов – 4 722³⁴⁹.

Командующим 70-й армией назначался генерал-майор Г.Ф. Тарасов, бывший начальник штаба Забайкальского пограничного округа, его заместителем – генерал-майор А. Я. Киселёв, бывший начальник штаба Управления пограничных войск Карело-Финского округа, начальником политотдела – полковник Я. Е. Масловский, заместитель начальника Политического управления войск НКВД³⁵⁰.

Штаб армии формировался из числа руководящего и начальствующего состава ГУПВ и штабов пограничных округов, штабы дивизий – из командно-начальствующего состава штабов округов и отрядов, а штабы полков – из командно-начальствующего состава пограничных отрядов. Начальники связи, инженерной, химической, санитарной служб назначались из специалистов ГУПВ, специалисты пограничных округов и отрядов, в свою очередь, переводились на аналогичные должности в стрелковые дивизии и полки КА. Политработники направлялись на укомплектование политических отделов армии и дивизий, политаппаратов частей и подразделений³⁵¹.

По далеко не полным данным, в течение 1941–1942 гг. из пограничных войск было использовано на создание частей, соединений и оперативных объединений ДКА свыше 82 000 пограничников, то есть более 52 % общей списочной численности войск накануне войны³⁵².

Командирские кадры пограничных войск прошли суровую боевую школу и всегда служили образцом героизма и выполнения воинского долга. Отважными сынами Родины и опытными военачальниками показали себя генералы В.Н. Долматов, И.И. Масленников, В.С. Поленов, К.И. Ракутин, В.Л. Хоменко на постах командующих армиями. Корпусами и дивизиями успешно командовали А.М. Андреев, К.Е. Гребенник, А.М. Еншин, Д.В. Казакевич, И.А. Кузовков, В.Н. Комаров, И.В. Соловьев, Н.И. Олешев, П.А. Фирсов. Все они были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, а генерал И.И. Фесин стал Героем дважды.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны офицерские пограничные кадры стали важнейшим источником пополнения командного, начальствующего и политического состава частей, соединений и оперативных объединений ДКА.

И.Н. Верешков
г. Симферополь

**Деятельность разведывательно-диверсионных
резидентур 4-го Управления НКВД-НКГБ СССР
на Крымском полуострове в период немецко-
фашистской оккупации**

В отечественной историографии деятельность разведывательно-диверсионных резидентур (РДР) на Крымском полуострове в годы Великой Отечественной войны изучалась в качестве одного из направлений работы органов безопасности в тылу противника в рамках исследований по истории партизанского движения Крыма и органов государственной безопасности. В работах, посвященных истории органов госбезопасности в военный период, упоминания о деятельности разведгрупп НКВД-НКГБ СССР в Крыму зачастую отражаются общие задачи и результаты их работы³⁵³. Некоторые исследования раскрывают работу наиболее известных крымских групп «Соколы» и «Витязи»³⁵⁴. Кроме того, отдельные архивные документы о работе РДР в оккупированном Крыму опубликованы в сборниках³⁵⁵.

Вместе с тем в фундаментальных исследованиях истории Крыма после воссоединения с Россией³⁵⁶ нет даже упоминания о работе разведгрупп НКВД-НКГБ СССР в Крыму.

Отчасти эту ситуацию можно объяснить тем, что многие архивные документы о деятельности РДР 4-го Управления НКВД-НКГБ СССР на оккупированном нацистами полуострове до настоящего времени не рассекречены.

Необходимо отметить, что ограниченность и закрытость архивных документальных источников дает повод для некоторых российских «исследователей» для умышленного замалчивания, преуменьшения и нивелирования роли органов госбезопасности в период Великой Отечественной войны в Крыму³⁵⁷.

Эта ситуация требует активизации работы по поиску, отбору и рассекречиванию вышеуказанных и иных архивных документов, находящихся в государственных и ведомственных архивах для

пресечения попыток искажения исторических фактов, реабилитации нацизма и коллаборационистских националистических движений, фальсификации истории России и отечественных органов безопасности.

В целях противодействия спецслужбам Германии и организации диверсионной борьбы против немецко-фашистских захватчиков в тылу врага 5 июля 1941 г. была создана Особая группа при наркомвнудел СССР, которую возглавил П.А. Судоплатов.

25 августа 1941 г. приказом НКВД СССР №001151 в органах госбезопасности на местах оперативные группы по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника были преобразованы в 4-е отделы управлений НКВД прифронтовых республик, краев и областей, оперативно подчиненные Особой группе при НКВД СССР.

3 сентября 1941 г. в связи с расширением объема работ, Особая группа была реорганизована в самостоятельный 2-й отдел НКВД СССР. В октябре 1941 г. войска при Особой группе НКВД были переформированы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР. Основными задачами ОМСБОН являлись: оказание помощи Красной армии средствами разведывательных, диверсионных, военно-инженерных и боевых действий; содействие развитию массового партизанского движения; дезорганизация фашистского тыла, выведение из строя коммуникаций врага, линий связи и других объектов; осуществление стратегической, тактической и агентурной разведки; проведение контрразведывательных операций.

18 января 1942 г. для осуществления ширококомасштабной разведывательно-диверсионной зафронтовой работы против Германии и ее союзников, как на советской территории, так и в оккупированных странах Европы, на Дальнем и Ближнем Востоке, а также для оказания содействия советским и партийным органам в организации и боевой деятельности партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу врага, 2-й отдел НКВД СССР был преобразован в 4-е Управление НКВД СССР³⁵⁸.

В период нацистской оккупации на территории Крымского полуострова действовали несколько разведывательно-диверсионных резидентур 4-го Управления НКВД-НКГБ СССР³⁵⁹.

С целью получения достоверной информации о состоянии партизанского движения, оккупационном режиме, расположении немецко-румынских войск, проявлениях коллаборационизма, на фоне наступления войск Крымского фронта, руководством 4-го Управления НКВД СССР было принято решение подготовить и направить в Крым спецгруппу «Витязи».

РДР «Витязи» 9 марта 1942 г. в составе 7 чел. под руководством В.А. Арапова (позывной «Михаил») были заброшены в окрестности Керчи, а затем прибыли в расположение партизанского отряда Северского.

После установления связи с Центром «Витязи» доложили о бедственном положении партизан: об отсутствии питания, боезапаса, наличии раненных и больных.

Самолеты У-2, базирующиеся в Севастополе, немедленно начали ночные полеты, сбрасывая грузы, необходимые партизанам, а через несколько дней начали приземляться на расчищенную площадку в горах. Это позволило доставить продукты питания, боезапас, почту, увезти на «Большую землю» раненных или больных, срочно нуждающихся в медицинской помощи.

Совместно с оперативной группой Крымского НКВД и партизанами «Витязи» начали разведывательно-диверсионную работу. Подорвана автомашина с немецкими офицерами, руководившими военными подразделениями, переброшенными в село Коуш для прочеса леса и борьбы с партизанами. Карательная операция оккупантов была сорвана, а по вражеской группе советской авиацией был нанесен бомбовой удар после направления разведгруппой в Севастополь радиogramмы.

Кроме того, на основании данных, переданных «Витязями», авиацией Черноморского флота было уничтожено значительное количество вражеских самолетов, находившихся на Сарабузском аэродроме, понтонные средства в Симферополе, ликвидированы другие военные объекты и личный состав противника.

Совместно с партизанами «Витязи» участвовали в многочисленных схватках с нацистскими оккупантами и их пособниками, в одной из которых подорвался на mine разведчик группы.

25 сентября 1942 г. «Витязи» были эвакуированы на «большую землю». Поставленные задачи были выполнены частично – «Витязи» действовали в лесу вместе с партизанами, оказали помощь в

организации радиосвязи с Севастополем и Центром, обучили минно-взрывной делу партизан, способствовали организации снабжения партизан и эвакуации раненных, провели ряд успешных разведывательно-диверсионных операций. Вместе с тем, не в полной мере удалось реализовать агентурные мероприятия по созданию резидентуры в населенных пунктах полуострова, что было связано с частичной утратой работоспособности из-за голода и болезней, а также жесткой репрессивной политикой оккупантов и многочисленными карательными операциями против партизан³⁶⁰.

На смену «Витязям» 24 октября 1942 г. из Адлера самолетом на парашютах в крымские леса была заброшена группа «Крымчаки» в составе 5 чел., которые прибыли в распоряжение штаба партизанского движения Крыма. Командир группы – М.Р. Шуцкий «Семен».

Группе было поручено изучение деятельности татарских националистов: выявление состава татарских комитетов и националистических формирований, получение данных об их деятельности и использовании в борьбе с партизанами, ведение военной разведки на полуострове.

«Крымчаками» завербована агентура в окружении и в составе татарских националистических комитетов и добровольческих батальонов, проведен ряд диверсионных операций. Разведчиками группы была организована ликвидация председателя татарского комитета Чешмечи; направлен по назначению ряд сообщений разведывательного характера, которые были использованы командованием Крымского фронта.

К сожалению, допущенные ошибки в организации командования группой и проявление неуставных отношений привели к трагедии. 17 декабря 1942 г. командир группы «Семен» после нанесения побоев радисту «Миرونу» был застрелен последним. Новым руководителем группы был назначен К. Адашев («Николай»). В июле 1943 г. «Мирона» и «Николая» арестовали немцы, а два оставшихся члена РД «Черноморцы» «Старик» и «Каро» впоследствии влились в группу «Соколы». «Старик» в ноябре был арестован и расстрелян немцами. Единственный выживший «Каро» вернулся в Москву и был назначен командиром отделения ОСНАЗ НКГБ СССР.

РДР «Соколы» сформирована в 1943 г. 4-м Управлением НКГБ СССР в составе 12 чел., в том числе командир – майор Г.А. Арабаджиев (позывной – «Серго»). В составе группы было 9 мужчин и 3 женщины (радистки «Лазарева» и «Фирза», разведчица «Оксана») в возрасте от 33 до 15 лет (самым младшим в группе был 15-летний разведчик «Кока»). После прохождения в Москве физической и специальной подготовки перед «Соколами» были поставлены различные задачи, в том числе установление тесной связи и взаимодействия с крымскими партизанскими отрядами, подпольными группами для ведения разведки на оккупированной территории, установления мест дислокации и личного состава спецслужб противника, осуществления диверсионных акций, в том числе в отношении руководителей и сотрудников специальных и карательных органов, военных подразделений и оккупационных властей.

10 июня 1943 г. «Серго» и 11 членов РДР «Соколы» были переправлены авиацией на полуостров и на парашютах приземлились в крымских лесах. При приземлении один из членов группы «Павлов» сломал ногу, о чем было доложено в Центр, и 13 июня его вывезли самолетом на «Большую землю». Группа была обнаружена партизанским отрядом и базировалась всё время работы на месте его дислокации.

Заместитель командира группы «Соколы» старший лейтенант В.К. Буря («Смирнов») в своем отчете от 12 марта 1944 г. указывал о результатах работы группы. Так были получены данные о деятельности армянского комитета в Крыму и переброске в тыл Красной армии дашнакской агентуры. Установлено, что в Симферополь с группой армянских эмигрантов-дашнаков прибыл генерал Д. Канаян (ДРО), который при поддержке немецких властей разворачивал активную работу среди армянского населения по созданию армянских комитетов с целью мобилизации их на борьбу с Советской властью. Получены сведения о переброске на Кавказ в 1942 г. Б. Эшкияна и Полодяна, жителей деревни Ай-Кашен Армянской АССР. Группой также добыта разведывательная информация о деятельности украинских националистов, насаждении СД большого количества агентуры среди местного населения. Одновременно была проведена работа по разложению личного состава

чехословацкой «Быстрой дивизии», из числа которой 26 чел. с полным боевым снаряжением прибыли в лес и влились в партизанский отряд.

Некоторые члены группы «Соколы» перешли на легальное положение в Симферополе. С помощью подпольщиков-армян они обзавелись паспортами и другими документами. «Серго» действовал в Симферополе под видом ветеринарного врача.

Для подробного выявления враждебной деятельности армянских эмигрантов и установления их сообщников, группой «Соколы» совместно с оперативной группой НКГБ Крыма, из числа партизан армянской национальности, были завербованы в качестве агентов: «Арон», «Феликс», «Лиза» и «Ястреб». После подготовки и тщательного инструктажа «Арон» 28 октября 1942 г. из леса был направлен в Симферополь, где встретился с агентом «Учителем» и дал ему задание внедриться в армянский националистический комитет. Агент «Учитель», по национальности армянин, с высшим образованием, устроился на работу в канцелярию армянского комитета и начал предоставлять ценные материалы о деятельности националистов и намерениях, а также в отношении лиц, заброшенных ими в тыл Красной армии для диверсионной работы.

Агент «Лиза» была направлена в Карасуазар, где завербовала председателя местного армянского комитета и через него получала разведывательную информацию о деятельности националистической организации. Агентами «Феликс» и «Ястреб» были завербованы местные жители «Иван» и «Даржо», располагавшие связями с членами Симферопольского армянского комитета.

Всего по учетам резидентуры были завербованы 125 агентов. Добытые через оперативные возможности разведанные передавались радистами группы «Соколы» в Крымское управление НКГБ.

Одним из важных направлений деятельности было обучение партизан минно-взрывному делу и проведению диверсионных операций. С участием членов группы «Соколы» были уничтожены несколько автомашин и подорван эшелон – 12 вагонов с живой силой и техникой гитлеровцев.

К осени 1943 г. территория действий группы «Серго» значительно расширилась, диверсионные операции против фашистов

проводились в Перекопе, Джанкое, Керчи, Феодосии, Бахчисарае, других городах и поселках Крыма³⁶¹.

Вместе с тем, ошибки в организации работы РДР «Соколы» и нарушения мер конспирации привели к её провалу. В конце ноября 1943 г. «Серго» и большинство членов группы «Соколы» были арестованы немецкими органами СД.

Причиной провала группы заместитель командира «Смирнов» считал необоснованную поспешность при вербовке новой агентуры, нарушение элементарных требований конспирации, в том числе при установлении связи с партийным подпольем, которое имело неоднократные провалы.

В результате расследования провала группы «Соколы» установлено, что «Серго» необдуманно была предпринята попытка легализации группы через жителя города Симферополя Ящинуна (Яшина), который не только изготовил фотокарточки на участников группы, но и получил от них адреса жительства. Он оказался агентом немецкой спецслужбы ГФП и передал врагу данные в отношении группы, 26 ноября 1943 г. «Соколы» были арестованы.

Впоследствии установлено, что Ящинин перед освобождением Крыма явился в партизанский отряд с заданием немецких спецслужб, но был разоблачен и по приговору военного трибунала расстрелян.

По одной из версий руководитель группы «Соколы» Арабаджиев после ареста сообщил вражеским спецслужбам сведения о составе и расположении членов разведгруппы. Затем он, якобы, был вывезен немцами на территорию Германии, где находился в особом офицерском лагере в местечке Летцен близ Кенигсберга (Калининграда). По другой информации, Арабаджиев был расстрелян в Крыму вместе с другими членами группы «Соколы». Однако, меры по его розыску не принесли результатов³⁶².

РДР «Черноморцы» в количестве 12 чел. 4-го Управления НКГБ СССР была перебросена в Крым 28 февраля 1944 г. Руководитель группы – А.О. Ежов («Огнев»). В составе группы были 2 испанских гражданина – коммунисты «Хозе» и «Педро». После высадки член группы «Соколы» В.К. Буря оказал помощь «Черноморцам» в организации оперативной работы на полуострове, затем по состоянию здоровья убыл в Краснодар.

Группой «Черноморцы» накануне и в период активных боевых действия Красной армии по освобождению Крыма проведен ряд разведывательно-диверсионных операций. Активное участие «Черноморцы» принимали в освобождении Симферополя. Членами группы уничтожен немецкий генерал (установочные данные в отчете отсутствуют), захвачен городской голова Симферополя Данилов. После выполнения задач 29 апреля 1944 г. «Черноморцы» выехали в Москву и 4 мая прибыли в столицу³⁶³.

Однако командир группы «Огнев» в день освобождения Симферополя 13 апреля 1944 г. из-за трагической ошибки был убит советскими бойцами трофейного батальона (воинского подразделения, занимавшегося учетом и вывозом трофейного имущества).

Необходимо отметить, что разведывательно-диверсионные резидентуры, кроме своих прямых задач по созданию агентурной сети с целью добывания необходимой информации, подготовки и проведения диверсий в отношении объектов вражеской инфраструктуры и конкретных личностей, решали важные задачи партизанского движения. Сотрудники этих групп зачастую выполняли функции особых отделов в партизанских отрядах, обучали партизан минно-взрывному делу и проведению диверсионных операций, непосредственно участвовали в боях-столкновениях с воинскими формированиями оккупантов и их пособников.

Вместе с тем, помимо объективных обстоятельств, препятствующих выполнению поставленных перед специальными группами задач (условия дислокации партизанских отрядов, нехватка продовольствия, оружия и боеприпасов, транспорта и др.), возникали проблемы взаимодействия и разграничения задач и полномочий с руководителями и бойцами партизанских отрядов, противоречия, грубые нарушения субординации и порядка внутри специальных групп, несоблюдение основных норм конспирации и собственной безопасности. Все эти факторы привели к невысокой результативности работы разведывательно-диверсионных группы 4-го Управления НКВД-НКГБ СССР на территории полуострова. Однако, это не умоляет их вклада в работу партизанского и подпольного движения Крыма и общее дело достижения Победы, но позволяет делать из этого необходимые выводы и учиться на ошибках предшественников.

В.Н. Баранов
г. Москва

Разведывательные органы советского Дальнего Востока и Забайкалья в годы Второй мировой войны

Направления деятельности разведорганов советского Дальнего Востока и Забайкалья в годы Великой Отечественной войны, решаемые ими разведывательные задачи определялись необычайно сложной оперативной обстановкой в пограничных с Советским Союзом районах и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Оперативную обстановку, в свою очередь, формировали следующие основные факторы:

- оккупация Японией Северо-восточного Китая, создание под ее протекторатом на восточных границах Советского Союза и Монгольской Народной Республики марионеточного государства Маньчжоу-Го, неприкрытая подготовка Японии к войне с СССР;
- дислокация на оккупированных Японией территориях в Северо-восточном Китае мощных белоэмигрантских и фашистских формирований, вынашивавших агрессивные антисоветские планы и замыслы;
- наличие в Северо-восточном Китае активных повстанческих антияпонских и антиправительственных движений;
- резкое возрастание с началом Второй мировой войны активности на Дальнем Востоке разведок Японии, Германии, Великобритании и США³⁶⁴.

Территория Маньчжурии была оккупирована Японией в течение 1931–1932 гг. В 1937 г. Япония начала военные действия по захвату всего Китая и сумела закрепиться не только в Маньчжурии, но и в ряде других провинций Китая. Правящие круги Японии рассматривали территорию Маньчжурии как плацдарм для нападения на Советский Союз, а войну с Китаем – как составной элемент подготовки агрессии.

Готовясь к нападению на СССР, японское правительство и военное командование после оккупации Маньчжурии стали укреплять маньчжуро-корейский плацдарм. С 1939 г. осуществлялся

трехлетний план развития северных районов Маньчжурии: строились железные и шоссейные дороги, линии связи, пограничные с СССР районы заселялись японскими переселенцами, создавались новые пограничные гарнизоны против Приморского и Читинского пограничных округов, значительно увеличивалось количество регулярных войск, дислоцированных вблизи советской границы³⁶⁵.

Японское правительство создало на территории Маньчжурии мощные разведывательные органы. Разведывательной деятельностью против СССР занимались: японские военные миссии (ЯВМ), 3-й отдел управления политической службы жандармерии и особые отделы погранполицейских отрядов. ЯВМ являлись руководящим разведывательными центрами. Это были органы специальной (особой) службы («Токуму–Кикан»), работавшей по основным районам Дальнего Востока СССР. Всего японских миссий в Маньчжоу-Го с их отделениями на местах насчитывалось к 1941 г. около тридцати. Руководящим органом для всех военных миссий и их отделений была Харбинская ЯВМ, которая занимала самостоятельное положение в системе разведывательных органов Японии. Она, подчиняясь Второму (разведывательному) управлению Генерального штаба японской армии, тесно координировала оперативную работу со 2-м отделом штаба Квантунской армии³⁶⁶.

Японская и немецкая разведки установили контакт для обмена информацией об СССР, тем более что Германия имела в Китае свой центр военной разведки – «Кригсорганизацион Дальний Восток», дислоцировавшийся в Шанхае. Возглавлял его до 1942 г. офицер запаса немецкой армии Шмидт, а позднее – подполковник в отставке Эрхард. Сотрудники «КО Дальний Восток» работали под прикрытием немецких дипломатических, торговых, научных и других представительств и занимались сбором военно-политической информации о советском Дальнем Востоке и странах Тихоокеанского бассейна. Разведывательные данные о Советском Союзе собирались через резидентуры в Маньчжурии и других регионах Китая. Собранные «КО Дальний Восток» разведывательные сведения направлялись в Берлин дипломатической почтой или передавались по радио³⁶⁷.

В годы Великой Отечественной войны активизировали деятельность антисоветские белоэмигрантские организации. Так, еще в 1926 г. в Маньчжурии был создан «Российской фашистский

союз». С 1933 г. его деятельность проводилась под руководством и на средства японской, а с 1935 г. – и немецкой разведок. С 1936 г. РФС забрасывал в СССР не только агентов-одиночек, но и вооруженные группы террористов и диверсантов. В 1941 г. отдел РФС в Маньчжурии влился в «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии» (БРЭМ). В Шанхае и Европе РФС продолжал действовать как самостоятельная организация вплоть до разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии³⁶⁸.

На оккупированной японскими войсками территории, начиная с 1938 г., активные действия развернули китайские партизанские отряды. Для уничтожения партизанских отрядов и их баз, расположенных в Северо-восточном Китае, японское командование организовало несколько «истребительных походов», однако покончить с партизанским движением ему не удалось³⁶⁹.

Отсюда понятно, почему руководство страны и советской внешней разведки ставило перед разведподразделениями Дальнего Востока и Забайкалья в годы Великой Отечественной войны следующие основные задачи:

1. Контроль за военными приготовлениями Японии и Маньчжоу-Го на восточных границах Советского Союза и Монгольской Народной Республики;
2. Подготовка боевых оперативно-разведывательных групп для заброски в тыл противника;
3. Оперативное обеспечение операций по поддержке повстанческих антияпонских и антиправительственных движений в Северо-восточном Китае;
4. Сбор сведений об антисоветских планах и замыслах белоэмигрантских и фашистских формирований в Северо-восточном Китае;
5. Сбор информации о военно-промышленном потенциале Маньчжоу-Го и Японии, факторах их внутренней нестабильности;
6. Создание разведпозиций на канале эмиграции и репатриации;
7. Контроль за антисоветскими националистическими проявлениями со стороны контрреволюционной бурятской эмиграции;
8. Контроль за деятельностью разведок Японии, фашистской Германии, Англии и США на Дальнем Востоке;

9. Добывание политической информации об обстановке в Азиатско-Тихоокеанском регионе³⁷⁰.

О том, как выполнялись задания руководителей страны и разведки, свидетельствуют беспристрастные документы. Вот, например, выдержка из указания разведотдела Управления Краснознаменных пограничных войск НКВД Приморского округа № 1530 начальникам погранотрядов об активизации борьбы с японской разведкой от 21 апреля 1941 г.: «Японцы, завербовав часть нашей агентуры и подставив нам свою, систематически направляют ее на разведку интересующих их пунктов, перебрасывая ее зачастую в разных направлениях, давая ей, помимо этого, задания распространять провокационные слухи, производить диверсионные акты и пр. Перед нами стоит задача парализовать деятельность японских разведорганов путем следующих мероприятий:

1. Угнетать связь с закордонной агентурой для выявления возможных перебросок японцами разведчиков и дивгрупп на нашу территорию.

2. При приеме агентуры тщательно анализировать материалы, имея в виду, что японская разведка через подставных лиц может вводить отряды в заблуждение, дезинформировав нас.

3. Особо тщательно относиться к материалам агентуры, проходящим вне срока.

4. Взять под активное наблюдение выявленные переправочные пункты японской разведки, заострив на этом внимание закордонных агентов.

5. Усилить войсковое наблюдение, выставляя на основных направлениях на наблюдательные пункты квалифицированных командиров-наблюдателей, разработав на этот период тематические планы разведки.

О добытых данных сообщать в разведотдел, систематизировав их, делая выводы по полученным материалам.

6. Особо тщательно фильтровать нарушителей границы, учтя, что японцы в эти дни в особенности под видом таких лиц будут выбрасывать свою агентуру.

К вопросу об использовании нарушителей границы для закордонной работы подходить особо внимательно, под личную ответственность начальников отрядов»³⁷¹.

А вот выдержка из указания НКГБ СССР № 2/2/4297 от 20 июня 1941 г. Управлению НКГБ по Читинской области об активизации разведывательной работы против японской и немецкой спецслужб: «Из анализа присланных вами материалов и просмотра личных дел закордонной агентуры, состоящей у вас на связи в настоящее время, видно, что до сего времени разведывательная работа в области по-настоящему не развернута.

Имеющаяся закордонная агентура в своем большинстве ни в какой мере не способна обеспечить выполнение стоящих перед нами задач, особенно на фоне активизации шпионско-подрывной деятельности японской и немецкой разведок.

Это обстоятельство настоятельно требует от нас решительной перестройки всей системы разведывательной работы...

Все внимание разведывательного отдела УНКГБ должно быть сосредоточено на создании работоспособного закордонного агентурного аппарата в таких важнейших районах Маньчжоу-Го, как Трехречье, Хайлар, Маньчжурия, Цицикар и Таонань.

Вербовку агентуры следует вести с таким расчетом, чтобы в первую очередь обеспечить освещение и разработку таких объектов, как ЯВМ, жандармерия, полиция, укрепрайоны, армейские штабы, казахи и белоэмигрантские формирования и правительственные учреждения. Каждая вербовка должна быть целеустремленной, от случайных вербовок нужно окончательно отказаться.

При подборе агентуры основной упор следует делать на вербовку японцев, китайцев и корейцев, занимающих в обществе более или менее солидное положение.

Таких людей следует искать в первую очередь среди китайских патриотов, государственных чиновников, оппозиционно настроенных к правительству Маньчжоу-Го и японцам или чем-либо обиженных последними.

Указанные выше задачи и должны определять всю практическую деятельность РО УНКГБ на 2-й квартал 1941 г. По вашему плану у нас возражений нет. Его нужно более интенсивно проводить в жизнь»³⁷².

В деятельности разведорганов советского Дальнего Востока и Забайкалья в годы Великой Отечественной войны были свои трудности и ошибки, о чем свидетельствует указание Первого управления НКВД СССР № 2/6/16381 от 21 ноября 1941 г. Управлению

НКВД по Читинской области о недопустимости массовой перевербовки японской агентуры, забрасываемой на нашу территорию: «По данным ГУПВ НКВД СССР, за последнее время отмечается интенсивная переброска японской агентуры на нашу территорию.

Массовая выброска агентуры и легкость, с которой эта агентура сознается в работе на японскую разведку, заставляет нас предполагать наличие определенного замысла в этих операциях.

Из следственных материалов по перебежчикам видно, что японская разведка дает сугубо практические задания агентуре, перебрасываемой на нашу сторону. Например, выяснить, на каком расстоянии от границы расположены огневые точки, определить состояние дорог, идущих в тыл от границы, установить расположение наблюдательных вышек, где в районе переброски расположен аэродром и т.д.

Выполнение подобных заданий требует только личного наблюдения агента, и благодаря их несложности массовая переброска агентуры может быть осуществлена без предварительной специальной ее подготовки.

Получение разведанных такого порядка от трех-пяти агентов ценности не представляет, так как они охватывают небольшие участки нашей границы. Но при массовых перебросках, охватывающих более или менее значительные участки границы, в руки разведорганов попадают довольно ценные данные.

Осуществляя массовую заброску агентуры, японцы, очевидно, инструктируют ее быстро сознаваться в принадлежности к разведорганам и идти на перевербовку с целью быть выброшенной обратно.

Таким образом получается, что агент тотчас же после перехода нашей границы имеет возможность выполнить задание, а затем при нашей помощи возвращается обратно с разведанными.

Для пресечения подобных явлений мы считаем необходимым поставить вопрос о более внимательном изучении кандидатур, намеченных для перевербовки, отнюдь не допуская массовых перевербовок забрасываемой к нам японской агентуры. Уместно будет отметить, что из большого количества перевербованных японских агентов на связь выходят считанные единицы. В дальнейшем планы обратных перевербовок снабжайте материалами, полученными во время следствия».

С какими бы трудностями и перипетиями тяжелой, зачастую драматической работы не сталкивались дальневосточные разведчики в годы Второй мировой и Великой Отечественной войны, они в меру сил способствовали тому, чтобы политика фашизма, его экономика, военная стратегия как на Западе, так и на Востоке, потерпели сокрушительный крах. Проявляя самоотверженность и мужество, они внесли осязаемый вклад в ликвидацию той смертельной опасности нашей Родине и всему человечеству, которую порождает фашизм. Тем самым они, несомненно, заслужили внимание нынешнего поколения историков к своему уникальному оперативному опыту.

А.Г. Марутин
г. Санкт-Петербург

**Практика применения войск НКВД по ликвидации
бандитского подполья на освобожденных территориях
республик Северного Кавказа и Кубани в 1943 г.**

Одним из широко растиражированных мифов второй половины XX в. стал книга «Наказанные народы» А. Некрича, опубликованная в США в 1978 г. в журнале «Хроника». Автор поставил перед собой задачу оправдать коллаборационизм. При отсутствии документальных источников А. Некрич опирался исключительно на воспоминания отдельных лиц, которые автор приводит в собственном пересказе. В частности, в своей книге он приводит историю, рассказанную Героем Советского Союза Х-У. Мамсуровым, о том, как в тридцатых годах, он, будучи командиром кавалерийского полка, принимал участие в подавлении антиколхозных выступлений в горных районах Чечни. К его полку был прикомандирован сотрудник ОГПУ (должность, фамилия не приводится), который придумывал несуществующего противника, а затем писал отчеты о мнимых арестах и задержаниях членов бандподполья.

Кроме вольных пересказов чужих воспоминаний, А. Некрич в качестве основного источника ссылается на диссертации Х.И. Хутиева «Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период», С.Н. Джугурьянца «Деятельность Чечено-Ингушской партийной организации по осуществлению Ленинской национальной политики на основе решений двадцатого съезда КПСС», В.И. Филькина «Партийная организация Чечено-Ингушетии в годы борьбы за упрочение и развитие советского общества в 1937–1941 гг.».

Отсутствие ссылок на документы не смутило автора, и он последовательно постарался показать деятельность руководства Советского Союза по выселению чеченцев и ингушей в Казахстан как преступную, а органы ОГПУ – НКВД как организацию, исполняющую преступные распоряжения. Следовательно, автор делает вывод, что по своей сути, органы госбезопасности – это преступная организация.

Но так ли обстояли дела на Северном Кавказе на самом деле?

Политическая обстановка на Северном Кавказе всегда осложнялась многообразием этносов, религий, обычаев и экономических интересов общин, основанных на традиционном укладе хозяйствования.

После Октябрьской революции 1917 г. на территории Северного Кавказа возникло множество квазигосударственных образований. На территории Чечни и Ингушетии в 1919 г. было образовано исламское государство – Северо-Кавказский эмират во главе с шейхом Накшбандийского тариката Узун-Шаджы³⁷³.

С приходом Красной армии в 1920 г. на территории Чечни произошло восстание против Советской власти под руководством Н. Гоцинского и внука имама Шамиля С.-Б. Шамиля, которое было разгромлено подразделениями 11-й армии РККА³⁷⁴.

В 1923 г. с целью наведения порядка и борьбы с преступностью, была проведена операция по разоружению бандформирований на территории Чечни и Ингушетии. Операция проводилась в аулах Ачхой – Катыр-Юрт, Шалажи – Гехи – Валерик – Шали-Юрт – Центорой – Гемхой. Результаты этой операции были не удовлетворительны, так как она не была тщательно подготовлена. Часть оружия изъята, но на руках у населения его сохранялось больше, чем удалось изъять³⁷⁵.

Было принято решение провести новую, более подготовленную операцию. Планирование мероприятий осуществлялось руководителем Чеченского управления ГПУ В. Абрамовым и начальником Восточного отдела полпредства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю С.Н. Мироновым.

Была составлена подробная карта местности, проведена оперативная работа с агентами–информаторами, политической агентурой, маршрутными агентами. Установлены враждебные элементы среди местного руководства автономии, предводители вирдов и тейпов³⁷⁶.

Тщательное планирование и подготовка позволили в 1925 г. провести чекистско-войсковую операцию по разоружению местного населения. Руководили операцией И.П. Уборевич и С.Н. Миронов. По итогам проведенных мероприятий у местного населения было изъято 24 тыс. винтовок, 4 тыс. револьверов, 70 тыс. патронов, 2 пулемета и арестовано 400 бандитов. Схвачен и по приговору суда расстрелян один из руководителей бандподполья Н. Гоцинский.

С учетом особенностей региона сразу изъять все оружие не представлялось возможным, поэтому последовали операции в декабре 1929 – январе 1930 гг. В апреле – июле 1932 г. было арестовано 120 активных участников бандформирований. В 1932 г. было разгромлено восстание в Горной Чечне, поднятое против организации колхозов.

Не смотря на все проводимые мероприятия, по сводкам НКВД на конец 1937 г. в горной Чечне действовало 80 бандформирований, состоящих из 400 активных членов и порядка полутора тысяч, находящихся на нелегальном положении³⁷⁷.

На Северном Кавказе в 1920–1940-х гг. высокую активность стали проявлять агенты иностранных спецслужб (польской, английской, турецкой, германской).

Серьезные агентурные позиции были у английской и польской разведки. В 1926 г. под руководством польской Дефензивы была создана организация «Прометей», которая объединяла выходцев из России, желающих бороться против Советской власти. Из представителей разных национальностей в рамках проекта «Прометей» стала создаваться сеть, направленная на борьбу против советской власти и организации на территории Советского Союза множества «независимых государств».

После оккупации Польши германская разведка и СД получила в свое распоряжение архив Дефензивы – это порядка 4 тыс. агентов. Большая часть агентов работала против СССР. Германская разведка перевербовала этих агентов и заставила их работать на себя³⁷⁸. С этого момента основным противником для Советского Союза стали Абвер и РСХА.

В 1940 г. в Германии был создан Кавказский национальный комитет (КНК), который должен был стать основой для формирования национальных правительств на территории СССР. В реальности этими территориями должен был управлять германский рейхскомиссар. В следующем году в Германии создается «Кавказское правительство» во главе с М. Кедия, сотрудником СС и членом НСДАП. «Правительство» было разведено по секциям: грузинская, азербайджанская, северокавказская. Также на территории Германии и Польши в течение всего периода Второй мировой войны действовали:

– Берлинский Северо-Кавказский национальный комитет (СКНК).

В руководство комитета входили А.Н. Магомедов, А. Авторханов. Комитет издавал газету «Газават» под лозунгом «Аллах над нами Гитлер с нами»;

– Северо-Кавказская народная партия во главе с А. Кантимиром и журнал «Северный Кавказ»³⁷⁹.

После нападения Германии на СССР в Польше, под Варшавой, был создан лагерь, куда свозились пленные солдаты и офицеры Красной армии, где из них формировали национальные легионы для борьбы на Восточном фронте. Но опыт их применения был отрицательный, боеспособность низкая. В период нахождения в плену эти люди познакомились с особенностями теории расового превосходства, а командование этими частями осуществляли немецкие офицеры, не знавшие языка и откровенно презиравшие своих подчиненных – недочеловеков. В ходе боев на Кубани и за перевалы Главного Кавказского хребта личный состав легионов стал переходить на сторону Красной армии. С учетом этого Гитлер 18 августа 1942 г. приказал издать директиву №46, в которой применение национальных формирований было разрешено только против партизанских отрядов.

Архивные материалы, посвященные становлению Советской власти на Северном Кавказе и периоду боев за Кавказ в 1942–1943 гг. проливает свет на причины принятия советским руководством решения о депортации балкарцев, карачаевцев, чеченцев и ингушей с территории Северного Кавказа³⁸⁰.

К началу Великой Отечественной войны отношения центра и местного населения в Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республике (ЧИАССР) были серьезно осложнены рядом неразрешенных противоречий, прежде всего, идеологического характера. Партийное руководство СССР в полном соответствии с теорией и практикой социалистического строительства проводили у вайнахов (чеченцев и ингушей) коллективизацию на селе, искореняли систему шариатского судопроизводства, создавая взамен ее сеть советских судов; вместо существовавших на средства мусульманского духовенства школ при мечетях, которые могли посещать только мальчики, создавали советские школы с совместным обучением мальчиков и девочек, стремясь ликвидировать всеобщую неграмотность и дискриминацию по половому признаку.

В то же время основная масса вайнахского населения, стоявшего на родоплеменном уровне общественного развития, ориентировалась на традиционные социально-экономические ценности и приоритеты в сочетании с мусульманской религией. Очевидно, что социалистическое строительство шло опережающими темпами по сравнению с темпами идеологической работы, в результате чего был допущен ряд тактических ошибок.

Так, в соответствии с установками ЦК ВКП(б) на активизацию антирелигиозной борьбы, но без учета местной обстановки, было резко сокращено количество мечетей. Местное самоуправление «кубовых» (квартальных) советов старейшин в чеченских аулах было ликвидировано в пользу сельсоветов.

Серьезное значение приобрел саботаж в органах управления со стороны части партийных и советских работников из числа лиц вайнахских национальностей, для которых отношения внутри тейпа и тариката были важнее, чем их статус в партийной или советской номенклатуре. Об этом свидетельствуют доклады местных органов НКВД в Москву.

В частности, в одном из таких докладов от 2 ноября 1941 г. подчеркивается, что фактически к началу Великой Отечественной войны колхозный строй в Чечено-Ингушетии так и не был установлен. Причиной подобного положения явилось то, что шейхи мюридских братств через своих мюридов и других священнослужителей проникли на все участки колхозного строительства и фактически саботировали его. Все члены подобных «колхозов» были связаны между собой круговой порукой и клятвой на Коране, учетная документация в таких хозяйствах являлась бутафорией. Таким образом, местный типичный колхоз вместо опоры советской власти превратился в ее противника. Следует отметить, что таким же образом тейповые и религиозные связи использовались для проникновения и на все другие участки советской и партийной работы.

К началу войны на территории ЧИАССР было зарегистрировано 31 бандповстанческое проявление, а с 22 июня по 3 сентября 1941 г., то есть за два с небольшим месяца, уже 40 аналогичных фактов³⁸¹.

С началом войны действия врагов советской власти заметно активизировались, причем они носили не только вооруженный, но и идеологический характер. С нападением фашистской Германии на Советский Союз многие враждебно настроенные лица стали строить

планы создания самостоятельного государства. Часть национальных руководящих кадров республики в сложившихся условиях встала на путь прямого предательства.

Мощной подпольной организацией, разоблаченной органами госбезопасности в период Великой Отечественной войны, была Национал-социалистическая партия кавказских братьев (НСПКБ). Возглавлял националистические силы, на основе которых и была создана данная структура, Х. Исраилов, известный также под псевдонимом «Терлоев», взятым им по названию своего тейпа. Он родился в 1910 г. в селении Начхой Галанчожского района. В 1929 г. вступил в ВКП(б), в том же году поступил в Коммунистический университет в Ростове-на-Дону. В 1933 г. для продолжения учебы Х. Исраилова отправляют в Москву, в Коммунистический университет трудящихся Востока им. И. В. Сталина. В 1935 г. за экономические преступления он был приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей, однако уже в 1937 г. по амнистии вышел на свободу. Вернувшись в свой аул Шатой, устроился на работу в адвокатуру.

После начала Великой Отечественной войны Х. Исраилов вместе со своим братом Хусейном перешел на нелегальное положение, развив деятельность по подготовке всеобщего восстания³⁸².

Зарождение НСПКБ относится к середине 1941 г., когда Исраилов перешел на нелегальное положение и начал сколачивать повстанческие элементы для вооруженной борьбы с советской властью. Он разработал программу и устав организации, положив в их основу цель – свержение советской власти и установление фашистского режима на Кавказе. Как было установлено, из Германии, через Турцию, и из Поволжья, с территории немецкой автономной республики, в ЧИ АССР Абвером было заброшено в период с марта по июнь 1941 г. 10 агентов-инструкторов, с помощью которых НСПКБ готовило крупное вооруженное выступление в Горной Чечне осенью 1941 г.³⁸³

Однако постоянно наносимые НКВД оперативные удары, отсутствие должной дисциплины, единого плана действий и четкой связи между бандитскими группами не позволили им организовать, и все попытки вылились в разрозненные выступления отдельных групп.

НСПКБ была построена не по принципу вооруженных отрядов, а, по существу, политбанд, действия которых распространялись на определенный район или несколько населенных пунктов. Основным

звеном организации были «аулкомы» или «тройки», проводившие антигосударственную и повстанческую работу на местах.

К ноябрю 1941 г. относится возникновение Чечено-Горской национал-социалистической подпольной организации (ЧГНСПО), что связано с предательством и переходом на нелегальное положение М. Шерипова, члена ВКП(б), работавшего председателем Леспромсовета ЧИ АССР, состоявшего в агентурном аппарате органов госбезопасности НКВД СССР.

Перейдя на нелегальное положение, М. Шерипов объединил вокруг себя бандглаварей, дезертиров, бежавших уголовников, скрывавшихся на территории Шатойского, Чеберловского и части Итум-Калинского районов, а также установил связи с авторитетными религиозными деятелями и тейповыми лидерами, склоняя с их помощью население на вооруженное выступление против советской власти.

Основная база М. Шерипова находилась в Шатойском районе, где у него были большие родственные связи. В наиболее благоприятный период численность ЧГНСПО достигала 1500 чел.

Одной из крупных акций, проведенных М. Шариповым, был захват ряда аулов в Итум-Калинском районе. Все началось в селении Дзумской Итум-Калинского района. Разгромив сельсовет и правление колхоза, М. Шерипов повел сплотившихся вокруг него бандитов на районный центр Шатоевского района – селение Химой. 17 августа 1942 г. аул Химой был взят, бандиты разгромили партийные и советские учреждения, а местное население разграбило и растащило хранившееся там имущество. Захват райцентра удался благодаря предательству начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД ЧИ АССР ингуша И. Алиева, поддерживавшего связь с М. Шериповым. За сутки до нападения он предусмотрительно отозвал из аула Химой оперативную группу и войсковое подразделение, которые специально предназначались для охраны райцентра на случай налёта³⁸⁴.

После этого около 150 бандитов во главе с М. Шериповым направились захватывать Итум-Кале, по пути присоединяя к себе дезертиров и уголовников. Захватить Итум-Кале бандиты не смогли. Находившийся там небольшой гарнизон отбил все атаки, а подошедшие две роты обратили бандитов в бегство.

Разгромленный М. Шерипов попытался объединиться с Х. Исраиловым, однако органы госбезопасности смогли, наконец, организовать спецоперацию, в результате которой 7 ноября 1942 г. главарь шатоевских бандитов был убит³⁸⁵.

Согласно отчетам, составленным сотрудниками органов безопасности, оперативная обстановка в период боев за Северный Кавказ была чрезвычайно напряженная. На территории национальных республик действовали банды, состоящие из дезертиров и диверсантов, заброшенных в тыл Красной армии. На территории ЧИАССР действовало 17 банд, насчитывающих 270–320 постоянных участников. Банды имели на вооружении отечественные и немецкие автоматы, пулеметы и минометы. В основном оружие в банды попадало с мест боев за Моздок и Малгобек. Местное население, в большинстве своем воспитанное на нормах адата (традиционное право), оказывало поддержку бандитам, в частности собирали в местах сражений оружие, а затем передавали бандитам. Важно также, что бандиты имели постоянную возможность получать место для укрытия, продукты и информацию о местах дислокации подразделений Красной армии и Внутренних войск НКВД СССР.

В течение 1941–1942 г. на территории ЧИАССР немецкими агентами были спровоцированы выступления местного населения, в результате участники этих выступлений поджигали здания местных органов власти, убивали партийных и советских работников.

По данным НКВД ЧИАССР по состоянию на 25 мая 1943 г., на территории республики находилось порядка 4000 дезертиров и еще около 1200 уклоняющихся от призыва и перешедших на нелегальное положение. Кроме того, на территории республики действовали две десантные немецкие группы численностью 5–7 диверсантов. Личный состав диверсантов – это этнические чеченцы, сдавшиеся в плен и прошедшие специальную диверсионную подготовку. Тот факт, что они этнические чеченцы, затрудняет поиск и ликвидацию. Руководство банд имело с диверсионными группами связь и осуществляло координацию действий по нарушению инфраструктуры и связи на территории ЧИАССР. Наибольшую активность банды проявляли на территории горной Чечни: в Чемберлоевском, Итум-Калинском, Галашкенском, Веденском районах³⁸⁶.

С наступлением весны активность банд усилилась. В Чемберлоевском районе банда под руководством А. Бадаева организовала

убийство 7 мая 1943 г. капитана госбезопасности Яковлева, а 20 мая – начальника Шороевского районного военкомата Ткаченко. В этом районе также активно действовали банды К. Хамзаева, И. Магомедова под руководством немецкого агента Х. Исраилова. Наибольшей сложностью в деле ликвидации банд являлось отсутствие среди оперативного состава сотрудников, знающих чеченский язык³⁸⁷.

Высокую активность на Северном Кавказе с момента нападения Германии на Советский Союз проявлял Абвер. Его подразделения «Вали», «Цепелин» имели свою агентуру на местах и с 1942 г. активно забрасывали в советский тыл диверсионно-террористические группы. В августе 1942 г. германская разведка забросила группу лейтенанта Ланге и О. Губе (О. Сайднуков, аварец, 1892 г. р. Воевал в армии А.И. Деникина, эмигрировал в Турцию. С 1938 г. начал сотрудничать с германской разведкой). Диверсионно-террористические группы состояли из 20–30 чел. по принципу комплектования 2/1. За период августа 1942–1943 гг. на территорию ЧИАССР было заброшено 8 команд общей численностью 77 чел., в основном чеченцы и ингуши из числа военнопленных³⁸⁸.

Усиление деятельности диверсионно-террористических групп привело к более масштабным действиям органов НКГБ и НКВД, войск Красной армии на территории Чечено-Ингушетии. Были усилены гарнизоны, находившиеся в республике; сотрудники НКВД и НКГБ стали активнее привлекать авторитетных религиозных деятелей (шейхов), лояльных к советской власти, к процессу легализации сепаратистов и уничтожению непримиримых главарей банд. В результате чекистско-войсковых операций группы Ланге и Губе были ликвидированы. Ланге ушел за линию фронта, Губе был захвачен в плен.

Очень эффективной была деятельность ЧГНСПО и НСПКБ, направленная на срыв мобилизации.

Во время первой мобилизации чеченцев и ингушей в РККА в 1941 г. планировалось сформировать из их состава кавалерийскую дивизию, однако при ее комплектовании удалось призвать лишь 50% (4247 чел.) от имевшегося призывного контингента. Остальные уклонились от призыва.

С 17 по 25 марта 1942 г. проводилась вторая мобилизация. В ходе ее проведения призыву подлежало 14 577 чел. Призвать же удалось

только 4395 чел. Общая численность дезертиров и уклонившихся от призыва составила к этому времени уже 13500 чел.

В связи с этим в апреле 1942 г. приказом народного комиссара обороны СССР призыв чеченцев и ингушей в армию был отменен (призыв на военную службу представителей этих национальностей в довоенное время был начат только в 1939 г.).

В 1943 г. по ходатайству партийных и общественных организаций ЧИ АССР наркомат обороны разрешил призвать в действующую армию 3000 добровольцев из числа партийно-советского и комсомольского актива. Однако и из числа добровольцев значительная часть дезертировала. Число дезертиров из этого призыва вскоре достигло 1870 чел.

Например, депутат Верховного Совета ЧИ АССР по Надтеречному району Д. Дадаев сбежал с пути следования и склонил к дезертирству ещё 22 чел. Большинство дезертиров и уклонившихся от призыва пополнили действовавшие банды³⁸⁹.

Коллаборационисты при отступлении немецких войск с Северного Кавказа бежали в тыл немецко-фашистских войск. Во время отступления с Кавказа зимой 1942–1943 гг. немцы увели с собой несколько тысяч жителей, которые составили костяк легиона «Берг-Кауказиен», укомплектованный командным составом из числа эмигрантов и пополненного военнопленными. Этот легион участвовал в боях с партизанами Франции и Италии³⁹⁰.

Арестованный О. Губе во время допроса признал, что: «Среди чеченцев и ингушей я без труда находил нужных людей, готовых предать, перейти на сторону немцев и служить им. Меня удивляло: чем недовольны эти люди? В имущественном плане они не нуждались, в отличие от своих соплеменников, которые были в эмиграции в Турции. Я не находил иного объяснения, что этими людьми двигали шкурнические интересы, желание при немцах сохранить тот же достаток, который у них был и при советской власти»³⁹¹.

Помимо Чечено-Ингушетии органами государственной безопасности за период 1941–1945 гг. на территории еще одной Северо-Кавказской автономии – Кабардино-Балкарии – было ликвидировано 252 бандформирования, включавших 1288 участников и 3649 отдельных пособников.

Органам военной контрразведки удалось раскрыть сеть агентов подразделения Абвера «Цеппелин». В 1943–1944 гг. на территории

Кабардино-Балкарии сотрудниками органов НКВД-НКГБ было выявлено 94 немецких диверсанта у которых было изъято 11 миллионов рублей, а также разнообразное оружие и информация о разведшколах противника³⁹².

Накопив опыт в борьбе с бандподпольем, располагая информацией по многим аспектам деятельности разведывательных органов противника, действовавших на Северном Кавказе, изучив их почерк, наиболее типичные ухищрения, дислокацию, методы вербовки, – все это позволило советским органам госбезопасности организовать достойный отпор и в итоге разгромить действующее бандподполье.

Учитывая масштабы бандподполья в Северо-Кавказских республиках, Советским правительством было принято решение о высылке чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев в районы Казахстана и Киргизии. Общее количество спецпереселенцев составило 131 480 семей – 498 870 чел. Из общего числа спецпереселенцев 205000 чел. были трудоустроены.

Переселенцам было предоставлено жилье: 55260 семей получили в собственность отдельные дома за счет строительства, 47930 семей устроены на жительство по месту работы. Каждой семье, проживающей в сельской местности, бесплатно выдан домашний скот, все семьи спецпереселенцев освобождены от уплаты продналога и обязательной сдачи сельхозхозяйственной продукции. В течение 1946–1948 гг. спецпереселенцам было выделено 33965 тонн продовольственного зерна, 78 тонн сахара, 582 тонны стали. Эти данные приведены из справки Наркома внутренних дел СССР С. Круглова, которая опровергает ложь А. Некрича о репрессированных народах³⁹³.

С.Г. Бандурин
г. Москва

О двойных стандартах в деятельности польской дипломатической службы на территории СССР в годы Великой Отечественной войны

После молниеносной Германско-польской войны в сентябре 1939 г., ставшей прологом Второй мировой, польское правительство и часть польских военнослужащих через Румынию и Венгрию ушли во Францию, Великобританию и другие страны. Большая часть поляков оказалась на оккупированной немцами территории. А достаточно значительная часть польских граждан различной национальности оказались на территории Советского Союза.

Судьба польских граждан, оказавшихся в советской зоне влияния, сложилась по-разному: часть из них была интернирована, другие попали в лагеря или были принудительно выселены в отдаленные от Польши районы.

Одной из причин, вынудивших советские власти пойти на столь непопулярные меры, стала организация и консолидация на антисоветской платформе ряда польских национально-освободительных и откровенно националистических групп, организаций и формирований. Польские националисты с первых дней соприкосновения оказались в поле зрения советских органов безопасности. Основным посылом их враждебного отношения была идея послевоенного устройства Польши в пределах границ до 1939 г.

Поэтому, организуя вербовочную работу в такие организации и стремясь оправдать свое пребывание в Англии, представители лондонского польского правительства в изгнании развернули откровенно подрывную работу на территории СССР, используя дипломатические, военные и гуманитарные каналы.

Сегодня есть возможность дополнить заданную тему рядом новых фактов с опорой на архивные материалы.

Стоит отметить, что еще в отчете об оперативной обстановке на государственной границе в 1939–1940 гг.³⁹⁴, наряду с массовыми нарушениями на границе с Германией (было задержано 64

978 нарушителей государственной границы), засоренностью пограничной полосы враждебными элементами, активными действиями украинских, польских и белорусских националистов, военными приготовлениями Германии к войне, было отмечено усиление разведывательной деятельности через границу в 1940 г. Это выразилось в задержании 377 немецких агентов, 785 шпионов и эмиссаров из числа членов ОУН и польских националистов. Очевидно, что польские и украинские националисты действовали как самостоятельно, так и в тандеме с немецкими спецслужбами.

В другом случае имелась информация, что члены контрреволюционной организации «Союз вооруженной борьбы» (СВБ), в основном состоящая из бывших военнослужащих польской армии, еще с 1940 г. по заданию гестапо засылались на территорию СССР на Белостокском направлении³⁹⁵.

Следовательно, польская линия контрразведывательной работы в те годы рассматривалась в тесной увязке с германской и английской линиями.

Уместно напомнить, что соглашение о восстановлении дипломатических отношений между Советским Союзом и правительством Польской Республики в изгнании было достигнуто 30 июля 1941 г. Главным итогом, безусловно, стало освобождение более 400 тыс. польских граждан, находящихся в СССР, из мест ссылки, депортации и заключения.

Однако 25 апреля 1943 г. СССР вновь разорвал дипломатические отношения с польским правительством в Лондоне, обвинив его в сотрудничестве с немцами, после того, как польское правительство согласилось на расследование Международного Красного Креста на оккупированной немцами территории в отношении захоронений в Катинском лесу.

В целом во всей дипломатической деятельности польской стороны в 1941–1943 гг. проявилась политика двойных стандартов при явной поддержке Великобритании.

В историческом контексте понятие «двойные стандарты» в основном использовалось в философских размышлениях о сущности добра и зла. Весьма примечательно, что родиной появления современного термина стала именно Великобритания, которая часто выступала законодателем мод в плане выдумки и внедрения чего-либо нового.

Термин «double standard» появился в Великобритании в середине XIX в. и использовался для обозначения одновременно двух существующих стандартов неравного поведения для мужчин и женщин в одном и том же обществе. В последние десятилетия словосочетание «двойные стандарты» всё чаще стало встречаться в СМИ, в выступлениях политиков, журналистов, общественных деятелей как за рубежом, так и в России³⁹⁶.

Наиболее подходящее определение было предложено политологом А. Ф. Тузовой, у которой термин «двойной стандарт» представлен как «принципиальная вариативность подходов к оценке одних и тех же, либо аналогичных событий и явлений, обусловленная неосознанными субъективными причинами или осознаваемыми мотивами, чаще корыстного характера»³⁹⁷.

Несомненно, что «двойные стандарты» традиционно присутствовали в военно-политической сфере Великобритании, что позволяло трактовать те или иные события и подходы в выгодном для страны ракурсе. Это наглядно проявилось и в проводимой политике в годы Второй мировой войны по отношению к Польше, доминантным вектором которой стала поддержка враждебных СССР польских национально-освободительных и откровенно националистических групп, организаций и формирований. Спецслужбы Великобритании также использовали польские структуры для ведения разведывательной и иной подрывной деятельности против СССР.

Проиллюстрируем это рядом примеров.

В этом отношении примечательно выступление 2 ноября 1941 г. польского посла в СССР С. Кота перед уполномоченными посольства, выезжающими на периферию для работы с поляками (независимо от гражданства) и находящимися в эмиграции, ссылке, заключении или постоянно проживающими в регионах Советского Союза³⁹⁸. В частности, посол остановился на ряде сюжетов.

Безапелляционно им было заявлено, что Советское правительство – это единственное правительство, которое будет драться с Гитлером. Далее посол заявил, что полякам хорошо понятны недостатки этого правительства, но это не дело польской стороны.

«Мы освободили много заключенных, – продолжал он, – которые много перетерпели. Но нехорошо, чтобы поляки, которых

освободили, кололи глаза. Вы должны понять наше общее стремление и соблюдать лояльность. Надо быть скромными. Поляки любят быть громкими и хвастунами. В наших интересах существование этого правительства».

Иными словами, польский посол призывал поляков вести себя в чужой стране сдержанно и осторожно.

Тем не менее, часть доверенных лиц польского посольства откровенно занимались подрывной деятельностью. В ряде районов СССР были изъяты шпионские группы польской разведки, созданные сотрудниками польских представительств в СССР. Кроме шпионажа, эти группы готовили поляков и для борьбы с советской властью.

Так, в Акмолинской области (Казахская ССР) была арестована группа польских шпионов: Э.С. Довгалевиц, поляк, жена капитана бывшей польской армии, высланная в 1940 г. в Казахстан; Л.Р. Стемпневский, поляк, в 1940 г. был административно выслан в Казахстан, затем освобожден по амнистии; Г.Я. Казалюк, поляк, гражданин СССР, в прошлом крупный торговец, в 1940 г. выслан в Казахстан, амнистирован в 1941 г.; П. И. Блиневский, поляк, гражданин СССР, в 1939 г. арестовывался за антисоветскую деятельность и был выслан в Казахстан, освобожден по амнистии и др.

Указанные лица являлись доверенными лицами польского посольства в разное время, а в 1942 г. были привлечены к шпионской работе бывшим представителем польского посольства в Акмолинске Роля-Еницким (выдворен из СССР) и его заместителем Томашевским (арестован в 1942 г.), и по заданию последних занимались сбором шпионских сведений. По делу было арестовано 6 чел.³⁹⁹

В Чкаловской (ныне Оренбургской) области была вскрыта шпионская группа из числа бывших польских граждан. Арестованные по делу поляк Ф.Б. Заремба и белорус П.С. Клатковский показали, что в период формирования польской армии на территории СССР 2-й отдел штаба польской армии (Андерса) создал разведывательную школу и подготовил разведчиков со специальными заданиями по организации подрывной работы в СССР. Окончившие школу под различными предлогами были оставлены на территории Чкаловской области, разбиты на пятерки и под предлогом ока-

зания практической помощи колхозникам в выполнении сельскохозяйственных работ, направлялись в колхозы для антисоветской работы. Также им было дано задание проводить диверсии на железнодорожном транспорте и в электропромышленности. Из восьми установленных шпионов двое были арестованы⁴⁰⁰.

И это было только начало. Масштабы антисоветских польских проявлений по состоянию на июнь 1945 г. отчасти иллюстрирует доклад таблица.

*Из доклада Л. П. Берии о плененных и арестованных поляках по состоянию на 16.06.1945 г.*⁴⁰¹

Место содержания и категория контингента		Количество (чел.)
1) В тюрьмах и лагерях польских граждан		24 707
в том числе	рядовой и командный состав Армии Крайовой, агенты гестапо, задержанные в 1944 г.	2 338
	рядовые Армии Крайовой, задержанные в 1945 г.	5 973
	арестованные за время операций в 1945 г. по очистке тыла Действующей армии как агентура германских разведывательных органов, участники различных вражеских организаций и бандитско-повстанческих групп	14 822
	арестованные за активную вражескую деятельность поляки, принявшие германское подданство («фольксдойч»)	1 574
2) Из общего числа		24 707
содержится в	лагерях для интернированных	12 280
	проверочно-фильтрационных лагерях	9 185
	ГУЛАГ и тюрьмах НКВД	2 285
	фронтных лагерях и тюрьмах	957

Кроме этого, взятые в плен в составе немецких частей и содержащиеся в лагерях военнопленных	32 731
---	--------

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны польская дипломатическая служба, помимо своих основных функций, выполняла разведывательно-подрывные задачи, не совместимые со своим официальным статусом. Это требовало оперативного реагирования советских органов безопасности.

**Борьба УКР «Смерш» с агентурой противника на
участке 1-го Прибалтийского фронта
(январь–август 1944 г.)**

В результате успешно проведённой Городокской операции (13–31 декабря 1943 г.) 1-й Прибалтийский фронт освободил г. Городок и разгромил группировку немецких войск в районе Витебска и с января 1944 г. находился на занятых рубежах.

Относительная стабилизация линии фронта позволила органам контрразведки «Смерш» сконцентрировать работу на углублённом изучении методов заброски агентуры противника. Так, в январе 1944 г. в расположении наших войск было выявлено и арестовано 20 агентов немецкой разведки, из них 12 были оставлены немцами на территории, которую освободили войска Красной армии⁴⁰². В ходе расследования целей и обстоятельств их заброски было установлено, что противник организовал и проводит активную разведдеятельность в ключевых районах фронта – в Витебске, Полоцке, Минске.

На линии боевого соприкосновения 1-го Прибалтийского фронта управлению контрразведки фронта, главным образом, противостояла Борисовская разведшкола, филиал которой в декабре 1943 г. был организован в деревне Нойендорф (земля Бавария, Германия), а в Минске, на тот момент основном месте дислокации школы, остался пересыльный лагерь, в котором проводился дополнительный инструктаж агентов противника перед отправкой в тыл Красной армии⁴⁰³.

Для заброски в наш тыл использовались гражданские лица, проживавшие на оккупированной территории, а также перебежчики из числа военнослужащих Красной армии и партизан. Явка с повинной агентов встречалась крайне редко из-за страха перед неминуемым расстрелом за предательство Родины и добровольной сдаче в плен органам «Смерш».

Основной легендой прикрытия агентов, объяснявшей их появление на освобождённой территории СССР без каких-либо документов, являлся побег из плена. Еще одним общим для большинства задержанных агентов обстоятельством являлось место перехода линии фронта – в её разрыве в районе густой лесистой местности на участке боевого соприкосновения с 4-й Ударной армией, что обеспечивало скрытность⁴⁰⁴.

Способы сбора разведывательных данных были классическими для непрофессиональной агентуры – личное наблюдение, выведывание требуемой информации у военнослужащих и гражданских лиц.

Для выявления вражеской агентуры на участке 1-го Прибалтийского фронта была организована массовая проверка документов у лиц, проживавших в прифронтовой полосе и зоне дислокации учреждений штаба фронта. Проверке подверглись также военнослужащие Красной армии, оказавшиеся в момент проверки вне своих частей. При изучении командировочных предписаний, предъявленных рядом военнослужащих, сотрудники «Смерш» выявили явный признак их подделки – они были выданы несуществующим Балтийским фронтом. Однако, это не помешало заброшенным агентам передвигаться по дорогам, оставаться на ночлег в обогревательных пунктах и получать питание по поддельным аттестатам, не вызывая подозрений. В результате проведённой операции было задержано 24 агента противника⁴⁰⁵.

Практически беспрепятственное проникновение вражеской агентуры в тыл 1-го Прибалтийского фронта требовало незамедлительного реагирования военной контрразведки. В этих целях во все подразделения «Смерш» фронта были направлены указания о концентрации внимания всего оперативного состава на выявление немецких агентов, а с начальниками отделов контрразведки «Смерш» армий, корпусов и дивизий проведены совещания с выработкой мер реагирования.

Реализованные органами военной контрразведки мероприятия по контрразведывательному поиску (розыскные группы, заградительная служба), систематические выезды руководителей «Смерш» в подчинённые органы для оказания практической по-

мощи, постановка задач перед Военным советом фронта по повышению бдительности и наведению порядка в расположении войск и тылов дали свои положительные результаты⁴⁰⁶.

Уже к марту 1944 г. руководству немецких разведорганов, координировавшему заброску агентуры, пришлось корректировать маршруты, что увеличивало время нахождения агентов в тылу наших войск и повышало вероятность их задержания. Всего за март был задержан 21 агент, из них 13 – переброшены (8 на парашютах), остальные оставлены с заданиями при отступлении немецких войск. Из показаний арестованных было установлено, что действовали они уже по новым инструкциям⁴⁰⁷. Например, им предписывалось обходить контрольно-пропускные пункты и пункты выдачи питания, так как наблюдение за прибывающими в них лицами, проверка документов были усилены и осуществлялись сотрудниками «Смерш». Всего к концу марта на участке 1-го Прибалтийского фронта действовало 320 розыскных групп с общим числом 1152 чел.⁴⁰⁸

В ходе работы розыскных групп и изучения организации заброски агентов был выявлен ряд обстоятельств, существенно усложнявших организацию поисковой работы «Смерш» и позволявших отдельным агентам беспрепятственно передвигаться по дорогам и прибывать к линии фронта всего за 3–4 дня. В их числе – отсутствие сплошной линии обороны, при этом разрывы между опорными пунктами в некоторых местах достигали 500–900 метров и охранялись отдельными патрулями, а также топографические особенности – густой лес, болота, труднопроходимая и не просматриваемая местность.

Выявленные недостатки в охране переднего края обороны потребовали от УКР «Смерш» усиления работы по организации непроницаемости линии фронта. В связи с этим был предпринят ряд мер: сотрудники ОКР «Смерш» армий, корпусов, дивизий стали чаще выезжать в подчинённые органы для оказания практической помощи в оперативной работе, выявлении и устранении имеющихся недостатков. Перед Военным советом фронта через командование был поставлен вопрос о необходимости безусловного обеспечения непроницаемости линии фронта. Принятые меры сразу же показали свою эффективность. Непрерывный поток

заброски немецкой агентуры прекратился, что дало возможность усилить работу по выявлению ранее заброшенных агентов.

Перекрытие наземного канала заброски агентов заставило немецкую разведку искать другие способы доставки агентуры на советскую территорию. В апреле фактов перехода линии фронта не зафиксировано.

Абвер не только менял способы заброски агентуры, но и методы отбора агентов. Например, в мае при допросе одного из переброшенных шпионов были выявлены факты подготовки агентов из числа тех, кто служил во власовской армии, для обучения в Нойендорфской (Борисовской) школе⁴⁰⁹. Подбор агентуры из числа власовцев давал немецкой разведке гарантии на выполнение заданий и возвращение с полученной информацией обратно в Абвер.

В дополнение к проделанной работе Военный совет 1-го Прибалтийского фронта, согласно требованию директивы Ставки ВГК от 4 мая 1944 г., провёл отселение местных граждан за 25-километровую прифронтовую зону. Контроль был возложен на фронтовую контрразведку⁴¹⁰. По состоянию на 21 мая 1944 г. на участке фронта отселено 96,6% (44622 чел.)⁴¹¹.

Информация об агентуре противника, поступающая в Главное управление контрразведки Народного комиссариата обороны (ГУКР НКО) «Смерш», обобщалась и направлялась на места для руководства в оперативной работе. Директивы от 29 марта 1944 г. № 10591 об активизации розыскной работы и от 10 мая 1944 г. № 15001 об активизации розыска агентуры врага в войсках и прифронтовой полосе. Для проверки хода их исполнения выезжали кураторы управлений контрразведки фронта. Акцент в указанных директивах делался на обеспечение «непроницаемости» линии фронта, усиление мер по выявлению агентов врага, выполняющих разведзадание несколько раз⁴¹².

После инспекционных поездок в начале июня 1944 г. было проведено совещание начальников 2-х (контрразведывательных) отделов фронтов, по результатам которого наряду с улучшением работы по выявлению вражеской агентуры, были зафиксированы и серьёзные недочёты⁴¹³. На участке 1-го Прибалтийского фронта, несмотря на все принятые меры по оперативному прикрытию фронтовой линии, на некоторых участках фронта (на участке 4-й Удар-

ной армии) ещё сохранялись ранее выявленные условия, позволявшие немецкой агентуре проникать на советскую территорию, что объяснялась объективными причинами, такими, как широкая линия обороны с трудно проходимой местностью (на некоторых участках обороны дивизий приходилось по 20–25 км лесов и болот) и отсутствие инженерных сооружений на участках некоторых дивизий давали возможность заброски агентов по суше.

В июне – июле количество агентов, забрасываемых через линию фронта, было примерно равным 11 и 13 чел. соответственно. Из следственных материалов на агентов видно, что германская разведка использует наиболее проверенную агентуру, с задачей установить подготавливаются ли войска к наступлению⁴¹⁴.

С августа количественный показатель забрасываемых агентов немецкой разведки значительно вырос. Так, в справке об итогах оперативно-следственной работы Управления и подчинённых органов контрразведки «Смерш» 1-го Прибалтийского фронта за август 1944 г. значится 47 шпионов (агентов) и 27 парашютистов, задержанных органами «Смерш» фронта. Значительное увеличение числа забрасываемой агентуры было связано в первую очередь с активизацией боевых действий (Витебско-Оршанская, Полоцкая, Шауляйская операции).

Всего УКР «Смерш» 1-го Прибалтийского фронта за период с января по август 1944 г. задержало 147 агентов немецкой разведки, что не позволило противнику собрать информацию, достаточную для принятия решения о перегруппировки войск, и затруднить наступление Красной армии. Слаженная и чёткая работа органов «Смерш» фронта на всех уровнях позволила советским войскам к сентябрю 1944 г. выйти к границе Латвии и начать подготовку к Рижской операции.

В.А. Гашенко
г. Новосибирск

Борьба органов госбезопасности с молодежными террористическими организациями в годы Великой Отечественной войны

Терроризм как общественно-опасное явление и связанные с ним преступления всегда вызывали профессиональный интерес у психологов, юристов, сотрудников правоохранительных органов. Определенный интерес вызывает тема борьбы с терроризмом и у историков, поскольку ретроспективный анализ создания и деятельности террористических организаций, а также методов борьбы с ними отечественных спецслужб, позволяет более эффективно бороться с терроризмом сегодня. Исходя из актуальности проблемы борьбы с терроризмом во всех его проявлениях, автор предпринял попытку выделить из общей массы террористических проявлений периода Великой Отечественной войны так называемый молодежный терроризм, и на примере истории создания, деятельности и ликвидации молодежных организаций оценить реальную угрозу, которую он представлял.

Что собой представляли молодежные террористические организации в годы войны и в чем заключалась их опасность? Кто и как боролся с проявлениями терроризма в молодежной среде в военный период? Какое место занимал терроризм в общей массе преступлений в 1941–1945 гг.? Постараемся ответить на эти и другие, связанные с ними, вопросы.

Исследование документальных материалов, так или иначе связанных с темой террористических проявлений (теракты, террористические намерения и т.д.) в годы Великой Отечественной войны, дает основание утверждать, что терроризм (террор, ст. 58 п.8 УК РСФСР) как явление, которое должно было представлять угрозу для советского государства и общества, не носил массовый характер, а количество его проявлений значительно уступало таким преступлениям, как, например, антисоветская агитация (ст. 58 п.10 УК РСФСР).

Вот, например, как выглядят статистические данные о преступлениях террористического характера за 1941–1945 гг.: в 1941 г. за терроризм было арестовано 3732 чел., в 1942 г. – 2468, в 1943 г. – 643, 1944 г. – 787, 1945 г. – 905 г., итого – 8535⁴¹⁵.

Если из вышеуказанной статистики убрать данные за невоенные месяцы, то число арестованных органами госбезопасности за период войны будет равно 5089 чел., причем из них 1468 чел. являлись участниками 426 ликвидированных террористических групп⁴¹⁶.

Значит ли это, что терроризм был менее опасен в военное время, чем, скажем, такие преступления, как антисоветская агитация, шпионаж, вредительство, переход на сторону врага и т.д.? Безусловно, терроризм в активных его проявлениях (убийства, истязания, нанесение тяжких телесных повреждений) был опасен, особенно если террористические акты применялись в отношении представителей власти, лиц командного состава и партийно-комсомольского актива⁴¹⁷. Условно они относились к так называемому контрреволюционному террору. Именно к осуществлению таких форм террористической деятельности готовили немецкие спецслужбы забрасываемых в советский тыл агентов⁴¹⁸. Ярким примером в этом отношении является операция «Длинный прыжок», которая была запланирована германскими спецслужбами в 1943 г. с целью убийства И.В. Сталина, Ф.Д. Рузвельта и У. Черчилля на тегеранской конференции⁴¹⁹. Между тем, существовали и другие формы терроризма, которые условно можно назвать «пассивными». Например, к ним относились террористические намерения, имущественный террор, антисоветская агитация с террористическими тенденциями и др.⁴²⁰

С терроризмом разного рода в военный период боролись как территориальные органы государственной безопасности, так и их армейские коллеги⁴²¹. Например, согласно Директиве НКГБ СССР от 18 августа 1943 г., органы госбезопасности ориентировали внимание своей агентуры на выявление лиц, которые хранили оружие, высказывали террористические намерения в отношении колхозного актива, местных партийных и советских руководителей, а также сотрудников органов внутренних дел и государственной безопасности. Уличенных в террористических намерениях лиц следовало немедленно арестовывать.

Принимались необходимые меры по розыску и аресту организаторов и исполнителей всех выявленных терактов, для чего на места преступлений откомандировывались опытные сотрудники органов НКГБ СССР⁴²².

В качестве примера молодежных организаций (групп), которые рассматривались органами госбезопасности в военный период в качестве террористических, и чья деятельность была пресечена в разных регионах СССР в годы Великой Отечественной войны, можно назвать следующие:

- «Русская национальная партия» (ликвидирована органами НКГБ СССР в 1943 г.);
- «Общество юных революционеров» (ликвидировано органами УНКГБ СССР по Саратовской области в 1944 г.);
- «Группа Белинкова-Эльштейна» (ликвидирована органами НКГБ СССР в 1944 г.);
- «Группа Сулимова» (ликвидирована органами НКГБ СССР в 1944 г.);
- «Группа журнала «Налим» (ликвидирована органами УНКВД СССР в 1944 г.);
- «Группа «Новые идеи коммунизма» (ликвидирована органами НКГБ СССР в 1944 г.);
- «Группа «Союз четырех» (ликвидирована органами НКГБ СССР в 1944 г.);
- «Группа журнала «Атлантида» (ликвидирована органами НКГБ СССР в 1945 г.);
- «Общество «Двадцать лет спустя» (ликвидировано органами НКГБ СССР в 1945 г.)⁴²³.

В чем заключались общие и отличительные черты вышеуказанных организаций (групп) с участием советской молодежи? Как правило, ни одна из рассмотренных организаций или групп не являлась террористической в «чистом» виде. В следственных документах органов НКВД–НКГБ СССР данные молодежные организации именовались, прежде всего, как «антисоветские». То есть террористические методы ее членами рассматривались как возможное средство достижения стоявших перед ними задач, а не как самоцель. Практически никто из участников данных организаций не успел реально совершить ни одного акта терроризма, все дело ограничивалось разговорами и намерениями.

Количество членов данных организаций было разным. Например, в группу могло входить всего 2 чел., а в организацию, в среднем, входило от 4 до 10 чел.

Все группы (организации) были социально неоднородны, в их работе могли принимать участие и молодые рабочие, и ученики, и студенты.

Отличались члены групп и по возрасту. Самыми младшими были школьники (11–14 лет), возраст старших членов молодежных групп составлял 18–25 лет. В то же время, по делу многих групп проходили люди вполне зрелого возраста (40–50 лет), которые считались организаторами и «наставниками» молодежи в проведении преступной деятельности.

По времени существования эти группы не были «долгожителями»: с момента их разоблачения и до дня ликвидации органами госбезопасности проходило, в среднем, три месяца.

Строго говоря, члены всех рассмотренных групп, согласно материалам следствия, проводили антисоветскую агитацию, высказывали пораженческие настроения, распространяли контрреволюционные листовки, т.е. их действия относились к ст. 58 п.10 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда»), а не к ст. 58 п. 8 УК РСФСР («терроризм»).

Так, например, в декабре 1943 г. в г. Павлове Горьковской области был арестован ученик 10-го класса средней школы В. Горшков, а следом за ним – студент Московского нефтяного института А. Прядилов и призванный на военную службу в танковые войска после школы Ю. Храмов. Они обвинялись в том, что еще в 1941 г., по инициативе В. Горшкова, выпускали рукописный журнал «Налим». Всего молодые люди успели выпустить четыре номера, в которых они опубликовали свои статьи и стихи, обвинявшие И.В. Сталина и советское руководство в поражениях Красной армии в первых сражениях войны. За эту антисоветскую деятельность военный трибунал Москвы приговорил В. Горшкова к 10 годам лишения свободы с отбыванием в исправительных лагерях, а А. Прядилова и Ю. Храмова – к 7 годам заключения⁴²⁴.

В 1943 г. в г. Саратове было ликвидировано «Общество юных революционеров» (сокращенно ОЮР). Ее члены (семь 11–14-летних подростков), по версии следствия, «писали и разбрасывали по

городу листовки антисоветского содержания... ОЮР представляла собой организационно оформленную контрреволюционную организацию с наличием разработанной программы, устава, шифра и знамени. Конечной целью этой организации являлось свержение существующего в СССР государственного строя путем подготовки и проведения вооруженного восстания и физического уничтожения руководителей ВКП(б) и Советского правительства...»⁴²⁵.

В контрреволюционную группу «Союз четырех», ликвидированную в 1945 г., входили: В. Гусев, студент студии Камерного театра; А. Хоменко, секретарь треста «Мосжилстрой»; А. Монахов, телефонист Наркомвоенморфлота СССР; И. Бизюков, корпусной писарь 52-й армии. Члены группы разработали устав и программу своей организации, которыми предусматривалось ведение активной пропаганды и агитации среди населения за осуществление их идей и проведение широкой вербовочной работы по вовлечению новых членов. Группа пропагандировала идеи «полной свободы личности», близкие по своей сути к анархической идеологии⁴²⁶.

Таким образом, на наш взгляд, преступления молодых людей, входивших в состав молодежных групп, которые следователи называли «террористическими» в военный период, можно было бы квалифицировать как «участие в антисоветских заговорах, организациях и группах» (ст. 58 п.п. 2,3,4,5 УК РСФСР), а не как «террор» (ст. 58 п. 8 УК РСФСР). Однако в условиях войны органы госбезопасности не делали «скидок» на возраст, преследуя лиц, входивших в состав террористических групп и организаций, поскольку объективно любое проявление теракта, либо попытка или намерение его осуществить, создавало реальную угрозу дезорганизации жизни советских людей в тылу и гибели защитников Родины на фронте.

А.А. Пономаренко
г. Хабаровск

**Розыск агентов противника органами советской
военной контрразведки в ходе Крымской
наступательной операции 1944 г.**

С началом Великой Отечественной войны в германском плане агрессии против СССР «Барбаросса» Крымский полуостров никак не фигурировал в качестве цели. Однако активность советских военно-воздушных сил, наносивших с успешной регулярностью удары по нефтяным промыслам в Румынии, очень быстро заставила руководство вермахта обратить на Крым самое пристальное внимание. Об этом свидетельствуют немецкие документы.

Уже через месяц после начала боевых действий 23 июля 1941 г. в дополнении к директиве Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии № 33 от 19 июля 1941 г. Гитлер указывал, что первоочередной задачей является овладение Украиной и Крымом. 12 августа 1941 г. в дополнении к директиве № 34 от 30 июля 1941 г. было предписано овладеть Крымом, где он рассматривался как авиабаза противника и представлял большую угрозу румынским нефтяным районам⁴²⁷. В приказе ставки вермахта от 21 августа 1941 г. уже говорилось о том, что «главнейшей задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма ...»⁴²⁸.

Упорная и героическая оборона Крыма и Севастополя серьезным образом повлияла на весь дальнейший ход Великой Отечественной войны. Огромные силы германской армии (11-я армия и приданные ей 80 тяжелых и сверхтяжелых артиллерийских батарей) всю первую половину 1942 г. оставались в Крыму, хотя, согласно первоначальным планам, они должны были участвовать в решающем штурме Ленинграда. В итоге это могло привести к почти гарантированному захвату города летом 1942 г., а затем гибели Балтийского флота и резкому ухудшению обстановки на всем советско-германском фронте⁴²⁹. Мощный натиск немецкой военной

машины сопровождался ожесточенными и кровопролитными боями, которые вынудили советские войска оставить полуостров Крым летом 1942 г. до его освобождения в мае 1944 г.

На временно оккупированной советской территории германское военное командование и оккупационная администрация сформировали 6 крупных территориальных органов абвера. К их основным задачам относились сбор разведывательной информации о советских войсках, совершение диверсий на прифронтовых и тыловых коммуникациях. Одновременно с подразделениями абвера действовали оперативные группы полиции безопасности и СД. В подчинении каждой из них имелось от 4 до 8 особых и оперативных команд. Группы и команды занимались активной разведывательной, контрразведывательной и карательной деятельностью. Координируя свои действия с полевыми и местными комендатурами, они организовывали массовые облавы и сплошные полицейские проверки населения, вели борьбу против советских партизан⁴³⁰.

Наряду с этим германские спецслужбы принимали меры по усилению агентурной разведки и налаживанию работы для оценки военно-стратегической обстановки, настойчиво стремились изучить структуру, формы и методы оперативной деятельности советской разведки и контрразведки.

По мнению немецкого историка Г. Бухгайта, это стремление было вызвано тем, что советские спецслужбы смогли вплоть до первых военных лет сохранять в тайне свои силы. Им удалось создать впечатление перед тайными службами других стран, что они намного слабее, чем это было на самом деле. По оценке исследователя, за период Восточной кампании в результате противодействия со стороны советских органов госбезопасности немецкая фронтовая разведка имела высокий уровень потерь в личном составе, доходивший до 30 %⁴³¹.

В период оккупации Крымского полуострова на его территории дислоцировалось и действовало большое количество аппаратов германских спецслужб. Это военно-морской разведывательный орган «Черноморская абверкоманда» («Нахрихтен Беобахтунгс офицер» – «НБО»), 101-я и 114-я разведывательные абвергруппы, подчинявшиеся 101-й абверкоманде, 106-я абвергруппа из 102-й абверкоманды, диверсионные абвергруппы 201 и 202, а

также 301-я контрразведывательная абверкоманда и 304-я абвергруппа, подчинявшаяся 302-й абверкоманде. Кроме этого, в Бешуе и Тавеле располагались разведывательно-диверсионные школы, где готовились агенты из числа лиц, представлявших кавказские народы. В г. Симферополе дислоцировались руководство разведывательно-резидентской области А «Зондерштаба Р», 647-я и 727-я группы тайной полевой полиции (ГФП), оперативная группа Д со своими подчиненными особыми командами 10а и 10б, а также управление полиции безопасности и СД «генерального округа Таврия и Крым», главная команда «Русланд Зюд» со своей подчиненной ауссенкомандой-10, и особая команда «Цеппелин»⁴³².

Со стороны советских органов государственной безопасности им противодействовали: УКР «Смерш» 4-го Украинского фронта, УКР «Смерш» Отдельной Приморской армии (ОПА), УКР «Смерш» Черноморского флота, НКГБ Крымской АССР. До начала Крымской наступательной операции указанные органы четко определились по объектам розыска. Так, НКГБ Крымской АССР сосредоточился на агентах немецкой и румынской спецслужб, проникших в партизанские отряды и подпольные организации, УКР «Смерш» Черноморского флота – на агентах военноморской разведки (НБО), военные контрразведчики 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии основное внимание уделяли аппаратам разведки и контрразведки 17-й немецкой армии и румынских войск⁴³³.

С началом боевых действий и последующим освобождением от немецких войск территории Крыма подчиненным аппаратам военной контрразведки ставилась задача по выявлению всех разведывательных, контрразведывательных и карательных органов противника, установлению и розыску их агентов, участников различных контрреволюционных, националистических формирований, изменников и предателей.

При подготовке к работе на освобождаемой территории, органы советской военной контрразведки проводили мероприятия по разработке соответствующих планов. Следует отметить, что их реализация началась еще до общего наступления и проходила в условиях перехода частей и соединений армии от активной обороны и упорных боев по расширению плацдарма на Керченском полуострове к широким наступательным действиям. Основным

направлением работы определялось проведение разыскных мероприятий с целью установления, выявления и разоблачения агентов германских спецслужб, пособников оккупантов, предателей, контрреволюционных и националистических элементов. Предусматривалось усиление деятельности заградительной службы и проведение фильтрационно-проверочных мероприятий в отношении подозрительного контингента.

Для успешного выполнения поставленных задач военными контрразведчиками использовались имевшиеся материалы. К ним, прежде всего, относились разыскные списки и ориентировки, а также информация, полученная от агентурно-осведомительного аппарата и в ходе допросов арестованных. Кроме того, были созданы оперативно-разыскные группы практически для каждого крупного населенного пункта, который предстояло освободить на полуострове по направлению продвижения соединений и частей советских войск.

Так, например, УКР «Смерш» 4-го Украинского фронта к началу наступательной операции располагало целым рядом агентурно-следственных и документальных материалов о дислокации, деятельности и личном составе немецко-румынских разведывательных и контрразведывательных органов, действовавших на территории Крыма. Имевшиеся материалы были изучены всем оперативным составом УКР «Смерш» фронта, а также разосланы во фронтовые оперативно-разыскные группы и подчиненные ОКР «Смерш». Ориентировки содержали данные о дислокации и личном составе известных разведывательных и контрразведывательных органов противника. К ориентировкам были приложены списки, где имелись установочные данные и приметы до 400 вражеских агентов, подлежащих розыску в Крыму. К моменту начала наступления оперативно-разыскные группы, усиленные работниками 2-го отдела, были подтянуты к фронту и в дальнейшем следовали за передовыми частями до Симферополя, где остановились для организации контрразведывательной работы⁴³⁴.

В целях осуществления эффективной разыскной работы уже в ходе наступательной операции второй отдел УКР «Смерш» ОПА направил в тыл противника две оперативно-разыскные группы с задачей подготовки и проведения операций по захвату кадровых сотрудников спецслужб противника и его агентов. Согласно

справке УКР «Смерш» ОПА о результатах розыска и изъятия вражеской агентуры на освобожденной территории Крыма по состоянию на 25 апреля 1944 г. оперативно-разыскными группами было установлено и изъято: агентов гестапо, СД и ГФП – 78 чел., резидентов гестапо – 3 чел.⁴³⁵

Необходимо отметить, что важную роль на этом направлении деятельности органов военной контрразведки играла зафронтная агентура. С ноября 1943 г. по апрель 1944 г. она смогла выявить и установить дислокацию семи германских разведорганов и их подразделений, в том числе полевые посты абвергруппы 106 в Симферополе и Алуште. По информации зафронтных агентов были получены данные о заброске 28 диверсантов и шпионов в тыл готовящихся к наступлению советских войск. Четверых из них военные контрразведчики арестовали, а по тем, кто забрасывался в Баку, Тбилиси и на Таманский полуостров, ориентировали соответствующие органы НКГБ. Также были добыты сведения о намерении оставить в Симферополе на оседание резидентуру абвергруппы-106 во главе с опытным агентом Хатридзе⁴³⁶.

В справке УКР «Смерш» ОПА от 27 апреля 1944 г. № 607/л «О результатах оперативно-чекистской за время наступательных операций на Крымском полуострове» сообщалось о реализации оперативных материалов, добытых зафронтной агентурой по Крымскому полуострову в период его оккупации. В ходе проведенных оперативных мероприятий было разыскано и арестовано: официальных сотрудников германских контрразведывательных и карательных органов – 18 чел., агентов немецких военных разведывательных и контрразведывательных органов – 15 чел., агентов гестапо, СД и ГФП – 59 чел., активных карателей – 14 чел., активных предателей и пособников – 448 чел., изменников, добровольцев германских войск – 1011 чел. и др.

Установлена деятельность ранее неизвестного германского контрразведывательного органа «Геркулес» (условное наименование абвергруппы 302, действовавшей при 17-й немецкой армии), сформированного из старых белоэмигрантов, прибывших из Болгарии. Разыскан документальный материал, свидетельствующий о создании немцами в Крыму русской фашистской организации, именованной «Партия истинно русских людей», а также добыто

много другой не менее ценной и важной информации о деятельности, структуре и сотрудниках германских и румынских разведывательных и контрразведывательных органах. Выявлено и взято на оперативный учет в населенных пунктах Крыма связей сотрудников и агентов германских спецслужб 153 чел.⁴³⁷ В то же время взято на оперативный учет и объявлено в розыск 140 официальных сотрудников и 151 агент противника⁴³⁸.

В октябре 1943 г. по данным зафронтового агента Е.И. Никляевой стало известно, что «Черноморская абверкоманда НБО» намерена перебросить в наш тыл группу агентов, в числе которых имеется агент-радиостанция Оганесян. Находясь в близких отношениях с последним, Никляевой удалось скопировать шифр, а также все данные на радиостанцию Оганесяна и незамедлительно передать добытую информацию во второй отдел УКР «Смерш» ОПА. Радионаблюдением полевого отдела 5-го управления НКГБ СССР радиостанция Оганесяна была взята под контроль. Сотрудники органов госбезопасности смогли перехватить и расшифровать все сеансы связи немецкого агента с радиоцентром противника. Характер радиотелеграмм свидетельствовал о том, что в случае отступления немцев, он будет оставлен в Симферополе.

В ходе освобождения Симферополя благодаря принятым органами военной контрразведки мерам розыска удалось арестовать не только самого Оганесяна, но и всю резидентуру, включая резидента Астадурьяна (псевдоним «Горин»). Последний окончил Полтавскую и Варшавскую разведшколы, выполнял ранее задания в Ростове-на-Дону, Армавире, а далее работал в Симферополе и руководил группой агентов из пяти человек. Помощь в розыске и задержании указанной резидентуры оказала зафронтовой агент Никляева, которая склонила Оганесяна и другого немецкого агента Тарлакяна к явке с повинной и раскрытию других членов резидентуры. Об этом неординарном случае в розыскной работе, наряду с другими удачными операциями военных контрразведчиков, начальником ГУКР НКГБ СССР «Смерш» комиссаром госбезопасности 2-го ранга В.С. Абакумовым было доложено Верховному главнокомандующему. Следует отметить, что в дальнейшем Оганесян и Тарлакян использовались в качестве агентов-опознавателей отделом контрразведки Таврического военного округа⁴³⁹.

Завершая рассмотрение заявленной темы, нельзя не упомянуть о докладной записке В.С. Абакумова от 10 мая 1944 г. № 438/А на имя И.В. Сталина. В указанном документе были представлены итоговые статистические сведения о результатах агентурно-оперативной деятельности органов советской военной контрразведки на освобожденной территории Крыма. За период проведения наступательных операций военными контрразведчиками разыскано и арестовано 606 официальных сотрудников, агентов германских и румынских разведывательных, контрразведывательных и карательных органов. Из числа арестованных разоблачено: официальных сотрудников военно-разведывательных и контрразведывательных органов противника – 46 чел., агентов германской и румынской спецслужб, оставленных немцами в Крыму для подрывной деятельности – 172 чел., активных карателей, предателей и пособников немцев – 388 чел.⁴⁴⁰

После окончания Крымской наступательной операции 12 мая 1944 г. деятельность по осуществлению активного розыска органами военной контрразведки в Крыму была фактически закончена. После этого решение вопросов организации контрразведывательной деятельности на полуострове, в том числе оперативного розыска, легло на плечи наркоматов госбезопасности и внутренних дел Крымской АССР.

Таким образом, в ходе Крымской наступательной операции военными контрразведчиками был проделан огромный объем работы. Знание и оценка противника позволили органам военной контрразведки принять необходимые управленческие и оперативные решения, направленные на организацию эффективной розыскной работы. Она, в свою очередь, сыграла важную роль не только в деле обеспечения безопасности советских войск от угроз, связанных с разведывательно-подрывной деятельностью немецко-румынских спецслужб, но и внесла свой посильный вклад в общее дело победы над коварным и жестоким врагом.

А.А. Фомин
г. Екатеринбург

К вопросу о роли отдельных нормативных правовых актов органов государственной безопасности в системе государственно-правовых мер по предупреждению коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны

В ходе Великой Отечественной войны на оккупированной территории оказалось около 40 % населения Советского Союза. Только в РСФСР были полностью или частично заняты врагом двенадцать краев и областей. Общее количество населения СССР, вынужденного прожить под гитлеровской оккупацией два, а то и три года, составило не менее 80 млн человек, из них около 30 млн – население РСФСР⁴⁴¹. В результате этого среди части населения возникло такое явление, как коллаборационизм.

Чрезвычайные условия войны проявили недостаточность действовавшего уголовного законодательства в эффективном решении задач по противодействию коллаборации советских граждан, предупреждению и пресечению проявлений коллаборационизма и обусловили необходимость существенного расширения правовой регламентации оснований ответственности. Как следствие, новые правовые инструменты борьбы с противоправной деятельностью коллаборационистов нашли отражение в ряде законодательных и иных нормативных правовых актов чрезвычайного характера.

Военный период охарактеризовался существенным усилением уголовной репрессии как в части ограничения возможности освобождения из мест заключения лиц, отбывших наказания, так и в части ужесточения условий освобождения от дальнейшего отбывания наказания лиц, осужденных за измену Родине и иные контрреволюционные преступления, но не за счет изменения уголовного законодательства, а путем издания соответствующих ведомственных актов.

Так, директивой НКВД СССР и Прокурора СССР от 22 июня 1941 г. № 221 был наложен запрет на освобождение из лагерей,

тюрем и колоний контрреволюционеров, бандитов и других опасных преступников⁴⁴².

29 апреля 1942 г. НКВД СССР и Прокурор СССР подготовили директиву № 185, которая разрешила освобождение лиц, отбывших наказание, за исключением «осужденных за измену Родине, террор, шпионаж, диверсию, троцкистов, правых и бандитов» с объявлением последним об оставлении их под стражей до окончания войны.

Лица, оставленные в заключении по директиве № 221, но освобожденные по директиве № 185, переводились на положение «вольнорабочих» для работы в лагерях НКВД без права выезда и с прикреплением до конца войны к районам работ лагеря⁴⁴³. Лишь 7 марта 1946 г. совместным распоряжением НКВД СССР и Прокурора СССР № 34/34с, оставленные ранее в заключении по директиве № 185, кроме иностранцев и лиц без гражданства, подлежали освобождению. При этом все трудоспособные лица закреплялись «на работах по вольному найму», а отдельные заключенные по усмотрению специально созданных комиссий могли быть оставлены в заключении⁴⁴⁴.

Согласно совместному приказу НКВД СССР, НКЮ СССР и Прокурора СССР от 24 июля 1943 г. № 375/18/37/17/11311с, лица, привлеченные к ответственности за измену Родине, заболевшие душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом, не подлежали освобождению – их следовало содержать в лагерях и колониях НКВД до окончания войны⁴⁴⁵.

Приказом НКЮ СССР и Прокурора СССР от 30 мая 1944 г. № 0047/132сс был установлен запрет на условно-досрочное освобождение заключенных, заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом, осужденных за преступления, предусмотренные всеми пунктами ст. 58 УК РСФСР. Кроме этого директива содержала довольно обширный перечень составов, осуждение по которым лишало возможности на освобождение от наказания (бандитизм, убийство и др.), а также закрепила подобный запрет по национальному признаку – в отношении лиц «из числа национальностей, воюющих с СССР стран (немцы, финны, венгры, румыны, итальянцы)» независимо от характера совершенного преступления⁴⁴⁶.

Согласно разъяснению НКЮ СССР от 27 января 1945 г. № 18/6, изданному во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 января 1945 г., освобождению от наказания подлежали беременные женщины и женщины, имеющие детей дошкольного возраста. Женщины же, осужденные за контрреволюционные преступления, освобождению от наказания по данным основаниям не подлежали⁴⁴⁷.

Представляется, что введенные в годы войны ограничения, по замыслу их инициаторов, были направлены на недопущение хоть какой-либо возможности повторного участия указанных лиц в антисоветской, в том числе коллаборационистской, деятельности, даже несмотря на состояние их физического и психического здоровья.

Специальная комиссия Управления Особых отделов НКВД СССР, анализируя причины предательства, установила, что многие изменники Родине, в начальный период военных действий переходившие на сторону врага как в одиночку, так и группами, были земляками, чьи семьи проживали недалеко от линии фронта либо остались на территории, занятой противником⁴⁴⁸.

Данную ситуацию учитывали и специальные службы фашистской Германии, отражая ее в распространяемых листовках-пропусках и призывая советских военнослужащих бросать оружие и переходить на сторону «германских освободителей». Листовки были самого различного содержания — от прямых призывов к измене Родине до завуалированных предложений соединения со своими семьями⁴⁴⁹. Подобные пропагандистские материалы были нацелены на изобличение изъянов внутренней политики советского государства (репрессии, коллективизация и др.). Листовки-пропуска обещали не только сохранение жизни, но и «хороший прием», «льготы», «лучшее питание» и даже «устройство на работу по специальности» для желающих. Добровольный переход, согласно листовкам, «гарантировал» обращение «в соответствии с международным соглашением» и проживание отдельно от иных категорий военнопленных. В листовках отмечалось, что переход на сторону немцев был возможен и без пропуска, достаточно было поднять руки и сказать «Штыки в землю» либо «Сталин капут». В

целях конспиративного хранения и обеспечения сохранности отдельные листовки-пропуска изготавливались на специальной промасленной бумаге минимального размера⁴⁵⁰.

Следует отметить, что предпринимаемые агитационные меры в определенной мере способствовали попыткам перехода советских военнослужащих к противнику. Так, красноармеец Р. в октябре 1942 г., находясь на передовой, решил перейти на сторону врага. С этой целью он не вернулся в расположение части после боя и спрятался в окопе. Через два дня Р. заметил недалеко от себя пробегающих военнослужащих. Приняв их за немцев, Р. пошел к ним с криком «Штыки в землю», но они оказались бойцами Красной армии и задержали его. Также было установлено, что Р. хранил при себе справку о «кулацком» происхождении и блокнот с записями о марше его части на передовую⁴⁵¹.

В соответствии с директивой НКВД СССР от 30 августа 1941 г. № 597 лица, проявляющие изменнические намерения, а также лица, у которых оказывались спрятанными фашистские листовки, служившие пропуском для перехода к врагу, подвергались немедленному аресту⁴⁵². Вместе с тем хранение фашистской листовки в ряде случаев было связано с бытовыми причинами (например, использование бумаги для курения)⁴⁵³, а в некоторых случаях вообще было случайным, при полном отсутствии вины у лица, фактически ее хранящего. Так, например, известен случай, когда фашистская листовка была обнаружена в кузове грузовой автомашины в одной из частей Красной армии, куда она могла свободно попасть, в том числе в результате распространения агитматериалов с воздуха⁴⁵⁴.

При этом изменнические намерения в соответствии с уголовным законодательством не образовывали состава преступления. Однако положения директивы № 597, противоречившие принципам советского уголовного права, провозглашавшим конкретность деяния, впоследствии получили развитие в направлении закрепления «изменнических намерений» в качестве формы измены Родине в нормативных правовых актах, регламентировавших ответственность членов семей изменников. Речь, в частности, идет о постановлении Государственного комитета обороны (ГКО) от 24 июня 1942 года № 1926сс «О членах семей изменников Родине»⁴⁵⁵ и совместном приказе НКВД СССР и Прокурора СССР от 27 июня

1942 года № 252⁴⁵⁶. Вместе с тем следует отметить неоднозначный подход правоприменителя к квалификации изменнических намерений. Так, имеющиеся статистические данные дают основания полагать, что они оценивались и как самостоятельная форма измены Родине⁴⁵⁷, и как покушение на нее⁴⁵⁸.

Практика военных трибуналов и Особого совещания при НКВД СССР показывает, что указанные действия, как правило, квалифицировались по ч. 2 ст. 58-10 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик⁴⁵⁹. В то же время имели место случаи квалификации и по совокупности с изменой Родине – при установлении признаков распространения предмета преступления (листовок) по заданию противника⁴⁶⁰. Практика квалификации во всех случаях именно по части 2 статьи 58-10 УК РСФСР (совершение преступления в военной обстановке) была введена директивой НКЮ СССР от 15 сентября 1941 г. № 18/28с, в которой разъяснялось, что данную норму (либо норму, предусмотренную в соответствующей статье УК других союзных республик) необходимо применять в условиях военного времени независимо от объявления местности на военном положении⁴⁶¹.

Органами военной юстиции принимались меры по недопущению нарушений, связанных с необоснованным привлечением к ответственности по указанной категории дел. Имелись случаи, когда военные трибуналы, выступая в качестве судов первой инстанции, выносили оправдательные приговоры по данной категории дел, а неправосудные решения военных трибуналов опротестовывались военными прокурорами и председателями военных трибуналов фронтов и флотов в порядке надзора⁴⁶². Также следует отметить, что в ряде случаев органами военной контрразведки и территориальными органами госбезопасности подобные дела прекращались в связи с отсутствием состава преступления еще на стадии следствия⁴⁶³. 30 ноября 1942 г. Главным военным прокурором Красной армии и начальником Главного управления военных трибуналов была издана директива «О необоснованном возбуждении дел и осуждении военнослужащих по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР при обнаружении фашистских листовок, когда не установлено злонамеренности лиц, у которых обнаружены листовки»⁴⁶⁴.

Согласно приказу НКО СССР от 28 июля 1942 г. № 227, известному как приказ И.В. Сталина «Ни шагу назад!», «командиры

роты, батальона, полка, дивизии, соответствующих комиссаров и политработников, отступавших с боевой позиции без приказа свыше», считались предателями Родины, паникеры и трусы подлежали истреблению на месте⁴⁶⁵. Во исполнение приказа № 227 31 июля 1942 г. НКЮ СССР и Прокурором СССР была издана совместная директива № 1096, согласно которой, действия командиров, комиссаров и политработников, самовольно отступивших с боевой позиции без приказа вышестоящих командиров, подлежали квалификации по ст. 58-1 «б» УК РСФСР⁴⁶⁶.

Согласно докладной записке Л.П. Берия, направленной 10 октября 1942 г. председателю ГКО И.В. Сталину, в ряде районов СССР дезертиры вступали в банды, занимались вооруженными грабежами, осуществляли контрреволюционную повстанческую деятельность. Нарком внутренних дел предложил И.В. Сталину указанную категорию дезертиров приравнять к изменникам Родины и направил на утверждение ГКО проект соответствующего постановления⁴⁶⁷. 11 октября 1942 г. ГКО постановил, что дезертиров, задержанных за бандитизм, вооруженный грабеж и контрреволюционную повстанческую работу следует предавать суду военного трибунала по статье об измене Родине, совершенной военнослужащим⁴⁶⁸. Во исполнение решения ГКО Прокурором СССР 12 октября 1942 г. была издана директива, предписывающая указанным лиц «заочно предавать суду военных трибуналов по ст. 58-1 «б» как изменников Родине»⁴⁶⁹.

Анализ приведенных директив, направленных на обеспечение строжайшей дисциплины на фронте, показывает, что они нормативно закрепляли новые формы измены Родине, что не противоречило уголовному законодательству, допускавшему возможность отнесения к ней широкого спектра деяний. Вместе с тем, выполняя поставленную задачу, указанные нормативные правовые акты были нацелены на недопущение возможности коллаборации советских военнослужащих с противником, поэтому представляется справедливым рассматривать их в качестве существенного превентивного элемента системы правовых мер противодействия коллаборационизму.

Согласно указанию НКВД СССР от 18 февраля 1942 г. № 64, соответствующим органам НКВД–УНКВД вслед за изгнанием ок-

купантов наряду с выявлением и преследованием коллаборационистов на освобожденной территории следовало выяснять и анализировать причины и условия, способствовавшие реализации проявлений коллаборационизма⁴⁷⁰. В частности, установлению подлежали: особенности оккупационной политики немцев; характер и содержание противодействия различных слоев населения политике и мероприятиям оккупантов; роль антисоветских группировок и характер использования их немцами в попытках установить новый государственный строй; использование немцами культурных учреждений; особенности проведения работы немцев с молодежью и ее поведение в период оккупации; мотивы и причины, толкнувшие на предательство и измену арестованных пособников оккупантов. Директива уделяла значительное внимание определению значения религиозного коллаборационизма. Так, согласно приказу, следовало выявлять состав церковных и сектантских организаций, действовавших при немцах, характер их использования в интересах оккупационной политики.

Издание подобной директивы свидетельствует о том, что поставленные в ней задачи были продиктованы пониманием руководством страны необходимости выработки более эффективных организационно-правовых мер по противодействию коллаборационизму, и их нормативная регламентация демонстрирует, какое пристальное внимание уделялось не только выявлению и пресечению деятельности пособников оккупантов, но и предупреждению процессов коллаборации.

В соответствии с директивой № 64 немедленному аресту подлежали: личный состав разведывательных, контрразведывательных, полицейских и административных немецких органов; немецкая агентура, резиденты, диверсанты, террористы, радисты, связники, держатели явочных квартир, проводники и переправщики; изменники Родине, предатели, провокаторы и немецкие пособники, оказывавшие содействие оккупантам в проведении различного рода мероприятий; участники контрреволюционных белогвардейских, националистических организаций и банд, созданных немцами; держатели радиостанций, складов продовольствия и боеприпасов, оставленных немцами в советском тылу для своей агентуры; держатели притонов и домов терпимости; руководители и активисты церковно-сектантских организаций в том случае,

если они выступали в качестве прямых немецких пособников; члены магистратов, местных самоуправлений, старосты, служащие полиции и других административных немецких органов.

При этом мелкие служащие созданных немцами учреждений и организаций подлежали аресту лишь при наличии материалов об их предательской деятельности в период оккупации. Учету и обеспечению агентурным наблюдением подлежали владельцы и жильцы домов, в которых размещались оккупационные органы и проживали их сотрудники; члены и кандидаты ВКП(б) и ВЛКСМ, прошедшие регистрацию у немцев; женщины, вышедшие замуж за офицеров, солдат и чиновников германской армии; лица, служившие в созданных немцами учреждениях и предприятиях вне зависимости от рода обязанностей (за исключением насильно мобилизованного контингента); все иные лица, добровольно оказывавшие услуги немцам вне зависимости от характера этих услуг.

Таким образом, директива НКВД СССР, предусмотрев указанные основания ареста и постановки на учет, закрепила тем самым и критерии отграничения проявлений преступного коллаборационизма от иных форм сотрудничества и контактирования местного населения с оккупантами. Впоследствии подобная юридическая дифференциация получила дальнейшее нормативное развитие.

Вместе с тем на фоне постепенного изменения юридической оценки коллаборационизма в апреле 1943 г. был издан совместный приказ НКВД СССР, НКЮ СССР и Прокурора СССР, который предписывал «советских граждан, не состоявших на службе у немцев, но уличенных в добровольных интимных или близких бытовых отношениях с личным составом оккупационных войск или чиновниками фашистских карательных и административных органов, в тех случаях, если имеются данные, что по своим связям они могут быть использованы для оказания помощи врагу — арестовывать как социально-опасный элемент по ст. 35 УК РСФСР (ссылка и высылка) и дела о них направлять на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР»⁴⁷¹. Таким образом, в отношении указанных лиц, которых ранее, в соответствии с директивой НКВД СССР от 18 февраля 1942 г. № 64, следовало лишь учитывать и обеспечивать агентурным наблюдением, теперь фактически при-

менялось объективное вменение ответственности за несовершеннолетние, а только потенциально возможные преступления, связанные с оказанием помощи противнику.

Анализ приведенных нормативных правовых актов военного периода, изданных как самостоятельно органами государственной безопасности, так и совместно с иными ведомствами, а также принятых по их инициативе, показывает их значительную роль в системе государственно-правовых мер по предупреждению коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны, поскольку они не только обеспечивали их реализацию, но и сами участвовали в формировании уголовно-правовой политики государства в сфере противодействия коллаборационизму, устанавливая критерии преступности его проявлений и регламентируя меры государственного принуждения, направленные на его предупреждение. При этом следует учитывать, что ведомственное нормотворчество в рассматриваемой сфере осуществлялось в рамках жесткого общегосударственного подхода к решению задач по противодействию коллаборационизму и иным угрозам военного периода, укреплению дисциплины на фронте и в тылу, обеспечению безопасности и обороноспособности страны.

Е.А. Селунская
г. Тверь

«Хранить в архиве УКГБ вечно»: документальные материалы о Героях Советского Союза Фрице Шменкеле и Николае Горячёве

В настоящее время государственные архивы Тверской области, а также ведомственный архив – архив Управления ФСБ России по Тверской области – располагают значительным комплексом документов о партизанском движении на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: о деятельности бригад, отрядов, разведывательно-диверсионных групп, их личном составе, наградах и боевых подвигах бойцов. Эти материалы активно используются в научных исследованиях, патриотических мероприятиях, музейно-выставочной работе.

Особое место среди документов о партизанском движении занимают документы ведомственного архива, отразившие работу партизанских групп, созданных по линии 4-го отдела Управления НКГБ – НКВД СССР по Калининской области.

На данный момент известно, что в партизанском движении по линии органов государственной безопасности Калининской области участвовало около 7 тыс. чел. В течение 1941–1944 гг. Управлением НКГБ – НКВД СССР по Калининской области из числа сотрудников органов безопасности, милиции, партийного и советского актива, гражданского населения создавались партизанские группы и отряды в количестве от 10 до 80 чел. и направлялись в тыл немецких войск для проведения боевых действий, диверсионной, разведывательной и контрразведывательной работы⁴⁷².

В составе одной из таких групп под названием «Земляки» воевал будущий Герой Советского Союза, разведчик Н.И. Горячёв. В 1960-е гг. Управление КГБ при Совете министров (СМ) СССР по Калининской области активно занималось сбором документов о его жизни и подвиге. На основании материалов, представленных тогда Калининским Управлением, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. Н.И. Горячёву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза⁴⁷³. На мемориальной

доске в здании Управления среди имён сотрудников, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., значится имя Героя.

Жизнь и боевой путь Горячёва отражены в различных исторических источниках: партизанских донесениях, переписке, воспоминаниях. О нём писали в книгах и газетных очерках. Прожив всего лишь 19 лет, он стал ярким представителем молодёжи военного времени.

Николай с ранних лет самостоятельно прокладывал свою дорогу в жизни. Учился, был комсомольцем, в 16 лет уже работал на заводе. Среди документов группы «Земляки» сохранилась собственноручно написанная Горячёвым автобиография, датированная 24 июля 1942 г.: «Я, Горячёв Николай Иванович, родился в 1924 г., 22 мая [в других источниках указана дата рождения 24 апреля 1924 г. – *Е.С.*] в семье крестьянина-середняка д. Прямухино Каменского района Калининской области [ныне Кувшиновский район Тверской области – *Е.С.*]. В 1932 году поступил в школу в своей деревне и в 1939 году окончил 7-летний курс образования. В 1940 г. уехал к товарищу в город Житомир и работал на сахарном заводе, а по эвакуации [с началом Великой Отечественной войны – *Е.С.*] был эвакуирован в Харьковскую область..., а в сентябре 1941 года приехал домой и поступил в партизанский отряд и по сие время состою в нём»⁴⁷⁴. В партизанском отряде Николай выполнял задания разведывательного характера, участвовал в операциях по подрыву вражеских эшелонов, добывал ценные сведения о численности и вооружении гарнизонов противника.

Разведывательно-диверсионная группа «Земляки», в которую вошёл Н.И. Горячёв, была сформирована 4-м отделом Управления НКВД СССР по Калининской области в начальный период войны. Её командиром был В. И. Терещатов, 1923 года рождения, уроженец г. Кувшиново Калининской области, впоследствии награждённый за доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе, орденами Красного Знамени и Отечественной войны I степени, а также медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. После войны Виктор Ильич стал одним из организаторов объединения бывших партизан в областной Совет калининских партизан, написал книгу о партизанском движении Калининской области «900 дней в тылу врага»⁴⁷⁵.

Всего в состав группы «Земляки» вошло 18 чел. – молодые люди 17–18 лет. После соответствующей подготовки бойцы, среди которых находился и Н. Горячёв, были переброшены в тыл немецких войск для проведения диверсионной работы на железнодорожных магистралях Невель – Витебск и Невель – Полоцк. Согласно приказу начальника 4-го отдела Управления НКВД СССР по Калининской области группе было дано задание: «По прибытии на место произвести тщательную разведку, после чего заминировать железнодорожное полотно между станциями Невель – Езерище и Невель – Клястицы, подпустить на минированный участок вражеский воинский эшелон, после чего взорвать»⁴⁷⁶.

Так, в ночь с 11 на 12 августа 1942 г. группа заминировала и взорвала полотно железной дороги на участке Невель – Клястицы, совместно с бойцами другой группы уничтожила легковую автомашину, а 14 августа 1942 г. пустила под откос немецкий эшелон с грузом и живой силой на участке Невель – Езерище. 15 августа группа в полном составе вышла в распоряжение советских войск. Как докладывал в своём рапорте командир В.И. Терещатов, «поход был очень трудным. В тылу очень много полицейских и карателей...»⁴⁷⁷.

В сентябре 1942 г. группа В.И. Терещатова в составе 26 чел. была вторично переброшена в тыл немецких войск на территорию Пустошкинского района Калининской (ныне – Псковской) области. В ночь с 3 на 4 октября 1942 г. группа заминировала железнодорожное полотно и пустила под откос немецкий эшелон, повредила линию телефонной связи⁴⁷⁸.

В ночь с 8 на 9 февраля 1943 г. бойцы группы «Земляки» в составе 23 чел. вместе с тремя другими группами снова проникли в немецкий тыл. На этот раз они неоднократно принимали участие в боях с немецкими военнослужащими и представителями карательных подразделений. Уже 11 февраля члены группы вступили в бой с силами противника, в результате которого был захвачен пулемёт. 26 февраля 1943 г. в Пустошкинском районе совместно с бойцами из другой партизанской бригады «Земляки» вступили ещё в один бой, в результате которого противник потерял до 15 чел., а партизаны захватили миномёт⁴⁷⁹.

11 марта 1943 г. группа В.И. Терещатова, подкреплённая несколькими бойцами из других групп, разгромила немецкий гарнизон в населённом пункте Гривино, расположенного в 13 км от г. Новоржева, в котором находились 13 немецких солдат, около 20 полицейских и 38 поляков, выполнявших строительные работы. Успеху партизан во многом способствовали разведанные, предоставленные Горячёвым. Незадолго до вышеупомянутой операции, находясь в разведке, под видом местного жителя он проник в деревню, собрал важные сведения о гарнизоне противника, установил связь с сельчанами, а также с польскими гражданами, призванными на службу в немецкую армию, а затем вместе с другими бойцами участвовал в разгроме этого гарнизона. В результате были убиты 15 немецких солдат и полицейских, 6 чел. ранены, также партизаны подожгли склады с боеприпасами, строительными материалами и продовольствием, автомашины. 25 поляков, находившихся в гарнизоне, добровольно перешли на сторону партизан⁴⁸⁰. В группу В.И. Терещатова были приняты 11 поляков, которые впоследствии принимали участие в боях с немецкими подразделениями⁴⁸¹.

3 апреля 1943 г. противник в количестве около 170 чел. предпринял наступление на один из партизанских отрядов, находившихся в деревне Кожино Бежаницкого района. 8 мая 1943 г. В.И. Терещатов докладывал об этих событиях в рапорте: «Бой длился около 8 часов. Тогда я, взяв своих ребят и одного пулемётчика из отряда Яковлева, поехал на помощь, где и решили исход боя. Победа была наша. В этом бою нами убито 12 солдат и офицеров и до 30 солдат и офицеров ранено. С нашей стороны потерь не было»⁴⁸².

В ночь с 6 на 7 апреля 1943 г. бойцы группы «Земляки» совместно с бойцами из других отрядов разгромили немецкий гарнизон в деревне Прокопино Локнянского района. В.И. Терещатов сообщал командованию следующее: «Я взял 37 человек, вошёл незаметно сбоку в деревню, и закидали дома, в которых находилось по 15 человек немцев, гранатами. Уничтожили штаб роты, где было 6 вражеских офицеров, сожгли госпиталь, где было до 60 солдат и офицеров, и так противник понёс убитыми до 100 человек солдат и офицеров... Здесь мы взяли миномёт... и 5 винтовок...»⁴⁸³.

Тогда же, в апреле 1943 г. героически погиб Николай Горячёв. Находясь в разведке, вместе с группой партизан он попал в окружение. Завязался ожесточённый бой, у партизан заканчивались боеприпасы, появились убитые и раненые. Несмотря на сложность положения, было принято решение: во что бы то ни стало выйти из окружения. Горячёв добровольно остался прикрывать огнём выход отряда из вражеского кольца. Получив ранение, он стрелял до тех пор, пока были боеприпасы. Не желая попадать в руки врага живым, он подорвал гранатой себя и окруживших его противников. Н.И. Горячёв похоронен в братской могиле в деревне Алексеевское Локнянского района Псковской области.

Николай Горячёв не был сотрудником органов государственной безопасности, но его имя помнят и чтут в среде чекистов. Имя Героя было присвоено судну Министерства речного флота, военно-спортивному лагерю в Кувшиновском районе Калининской области, а на его малой родине в деревне Прямухино установили бюст. Именем Николая Горячёва названа улица в г. Кувшиново.

Имя ещё одного Героя Советского Союза, немецкого антифашиста Ф. Шменкеля хорошо известно в нашей стране и за её пределами. Его боевому пути посвящены книги, очерки, статьи и фильмы. В ноябре 1941-го, находясь на восточном фронте, ефрейтор 1-го артиллерийского полка 186-й дивизии 4-й армии Фриц Ганс Вернер Шменкель принял решение, навсегда изменившее его жизнь. В письме супруге Эрне, датированном 25 ноября 1941 г., он написал: «Теперь я знаю, что мне делать». Будучи убеждённым противником национал-социализма и войны с Советским Союзом, Шменкель дезертировал из своей части, дислоцировавшейся в районе г. Вязьма Смоленской области, и начал искать дорогу к партизанам.

История Шменкеля стала известна в результате кропотливой работы следователей Управления КГБ при СМ СССР по Калининской области по розыску и привлечению к уголовной ответственности военных преступников. Так, в 1961 г. было завершено расследование уголовного дела в отношении П., уроженца деревни Скерино Бельского района Калининской области. 3 сентября 1961 г. военным трибуналом Московского военного округа обвиняемому был вынесен смертный приговор. Его вина была безоговорочно доказана.

В ходе следствия было установлено, что, находясь на оккупированной немецкими войсками территории, П. перешёл на сторону врага и в течение 1942–1944 гг. занимал руководящие должности в созданных оккупантами органах управления и полиции на территории Калининской, Смоленской и Витебской областей, лично принимая участие в арестах, истязаниях и расстрелах красноармейцев и мирных граждан. Так, в период захвата Бельского района немецкими частями в начале июня 1942 г. П. начал служить старшиной деревень Скерино, Брулёво, Чичеринка, Жигуны, Кугуны, Гридьково, до Великой Отечественной войны входивших в один колхоз. В непосредственном подчинении П. находились старосты вышеупомянутых деревень и полицейские, под его руководством осуществлявшие борьбу с партизанским движением и с помогавшими партизанам местными жителями.

В то время в тех местах действовал партизанский отряд «Смерть фашизму», находившийся в оперативном подчинении командования Калининского фронта, а впоследствии включённый в состав 3-й Вадинской партизанской бригады имени Чапаева, подчинённой штабу партизанского движения Западного фронта. Командование отряда, получив сведения и жалобы от местных жителей на зверства старост и полицейских, приняло решение об их уничтожении в деревне Скерино. 10 августа 1942 г. появившимися в деревне партизанами активные немецкие пособники были арестованы и после допросов расстреляны. Эта операция была проведена разведгруппой отряда под руководством Ф. Шменкеля.

Вот как вспоминал об этой операции один из бойцов отряда «Смерть фашизму» Ш.: «Я вспоминаю одну операцию по ликвидации группы полицейских в одном из населённых пунктов (название его забыл) Бельского района, которая происходила летом 1942 года. В наш отряд от местных жителей поступили жалобы о зверствах местных полицейских... Для их захвата к населённому пункту вышел весь наш отряд. Село, где находились полицейские, мы окружили с двух сторон. Командиром отряда было приказано троим или четырём нашим партизанам (фамилий их также не помню, один из них был по национальности немец) в немецкой форме явиться к полицейским и захватить их. Наши разведчики отправились в село. Через некоторое время в помощь им была

направлена группа из нескольких партизан... Они захватили полицейских и доставили к месту нашей стоянки... Захваченные нами полицейские после допроса сразу же были расстреляны»⁴⁸⁴.

Об обстановке в деревне Скерино Бельского района и об операции партизан с участием Шменкеля вспоминал и другой боец отряда «Смерть фашизму» С.: «В августе месяце нашим отрядом в деревне Скерино были арестованы полицейские, было их около семи человек... Из рассказов мне известно, что старостой был кто-то из местных жителей села Скерино. Он принимал участие в арестах, избиениях и расстрелах советских граждан. Делал он это совместно с полицейскими, которые у него были в подчинении... Мне было известно о том, что этот староста летом в 1942 году совместно с полицейскими расстреляли около деревни Скерино 12 человек красноармейцев, выходящих из окружения, а всего им было задержано и выдано немцам около 40 человек красноармейцев, которые выходили из окружения... За такую преступную деятельность командование отряда решило арестовать старосту и полицейских деревни Скерино и уничтожить их... Летом 1942 года в дневное время отряд незаметно окружил деревню Скерино. А в это время наш партизан – немец Шменкель Фриц с Амерхановым, переодевшись в немецкую военную форму, выехали в деревню. В деревне Шменкель приказал полицейским взять оружие и следовать с ним. Когда оружие было сложено на повозку, полицейских арестовали. Староста арестован не был, так как его в то время в деревне не было... В тот же день полицейские были уничтожены»⁴⁸⁵.

Участие бывшего военнослужащего вермахта в партизанском движении не могло не обратить на себя пристального внимания. Данный факт, выявившийся в ходе расследования преступлений немецкого пособника П., подвергся тщательному изучению.

Работа по сбору материалов о Шменкеле сосредоточилась в следственном отделении Управления КГБ при СМ СССР по Калининской области. Большую роль в разработке темы о немецко-антифашисте сыграл старший следователь следотделения П. И. Александровский. Так, им были разосланы обращения в архив КГБ при СМ СССР, Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных сил СССР, Центральный государственный особый архив Министерства охраны общественного порядка

РСФСР, Центральный архив Министерства обороны СССР, в архивы Смоленской, Калининской, Витебской областей с просьбой оказать содействие в восстановлении боевого пути Ф. Шменкеля. Также просьба поделиться известными материалами о нём была адресована в ГДР через уполномоченного КГБ при СМ СССР по координации и связи с МГБ и МВД ГДР. В ходе значительной по своим масштабам поисковой работы были установлены сослуживцы Шменкеля по партизанскому отряду, проживавшие в других регионах, совместно с органами милиции организованы встречи и записи бесед с ними, составлены исторические справки. Впоследствии П.И. Александровский совместно с членом Союза журналистов СССР, председателем Калининского областного комитета по телевидению и радиовещанию А.Н. Егоровым стал автором документальной повести «Партизан Фриц»⁴⁸⁶.

Были установлены и родственники Шменкеля, проживавшие в ГДР. В г. Плауэн проживали его вдова Эрна и дети Ганс, Урсула и Криста с семьями.

Таким образом, в результате проведённой работы были получены сведения, позволившие ответить на многие вопросы и в деталях представить личность и боевой путь чел., за голову которого немецкое командование объявило достойное вознаграждение: «Кто поймает Шменкеля вознаграждение: русскому – 8 га земли, дом и корова, германскому солдату – 25 тысяч марок и 2 месяца отпуска»⁴⁸⁷.

Сотрудникам Калининского Управления удалось узнать, что после ухода из своей части Фриц Шменкель какое-то время бродил по лесам и деревням Бельского, Батурина и Ярцевского районов Смоленской области. В деревне Курганово Ярцевского района он был задержан немецкими военнослужащими и сдан под охрану местному старосте. Однако в тот же день 17 февраля 1942 г. в деревню прибыл партизанский отряд «Смерть фашизму» и, узнав о пребывании там немца-дезертира, партизаны забрали его. Боец отряда А.М. Глазунов впоследствии вспоминал: «Первоначально его хотели расстрелять, но он пояснил, что дезертировал из фашистской армии, не хотел воевать против русских и, по его словам, был связан в Германии с комсомолом... По решению командования отряда... Шменкель был зачислен в наш отряд»⁴⁸⁸. В отряде «Смерть фашизму» Шменкель пробыл с февраля 1942 г. по март 1943 г.,

выполнял обязанности пулемётчика, разведчика, переводчика, инструктора по трофейному оружию. За отличие в боях он был награждён знаком «Отличный пулемётчик» и орденом Красного Знамени. Среди бойцов Шменкель пользовался уважением и доброжелательным отношением. Командование отряда в свою очередь отмечало его верность партизанскому делу: «Ему всегда поручались самые ответственные и опасные места, и всегда он доказывал свою преданность нам, партизанам»⁴⁸⁹. В боевой характеристике на Шменкеля, составленной 15 мая 1943 г. начальником Западного штаба партизанского движения, отмечаются следующие его заслуги: «За время пребывания в отряде Шменкель лично уничтожил более 100 немецких солдат, 6 офицеров и 11 полицейских. В боях исключительно хладнокровен, бесстрашен, смел и отважен до безрассудства»⁴⁹⁰.

Участие Шменкеля в партизанском движении нашло отражение в так называемых «Сообщениях из оккупированных восточных областей», составляемых Главным штабом СД и полиции безопасности в Берлине. Так, в сообщении № 22 от 25 сентября 1942 г. отмечалось, что «различные партизанские группы руководятся лицами, которые носят немецкую военную форму... Так, например, один агент сообщил о результатах своих разведывательных наблюдений в районе Владимирское. В деревне Кузинино он обнаружил группу партизан численностью в 10 человек в немецкой военной форме, командиром которой является немецкий солдат. Помимо немецкой формы он носит русский офицерский ремень и вооружён пистолетом (по описанию речь идёт о ефрейторе Фрице, о котором уже неоднократно сообщалось)»⁴⁹¹.

В середине 1943 г. Шменкель был откомандирован в распоряжение штаба Западного фронта и вошёл в состав разведывательно-диверсионной группы № 2 «Поле» разведывательного отдела штаба Западного фронта. В декабре 1943 г. при переходе линии фронта в тыл противника в районе г. Орша Витебской области для выполнения специального задания Шменкель попал в плен, и военно-полевым судом 15 февраля 1944 г. «за дезертирство и военную измену» был приговорён к смертной казни. Приговор был приведён в исполнение 22 февраля 1944 г. в Минске.

В Германию вдове Эрне Шменкель было направлено следующее уведомление:

«За совершённое преступление ефрейтор Шменкель Фриц, 14.2.1916 года рождения, уроженец Варзова около Штеттина, 15 февраля 1944 года военным судом осуждён к смертной казни, и

после утверждения компетентными судебными властями приговор 22 февраля 1944 года в Минске приведён в исполнение.

Погребение состоялось на кладбище в гор. Минск.

Сообщать о смерти или помещать некролог в газетах, журналах и т.п. запрещается»⁴⁹².

В 1964 г. Управление КГБ при СМ СССР по Калининской области возбудило ходатайство перед партийными и государственными инстанциями о посмертном присвоении Фрицу Шменкелю звания Героя Советского Союза. Ходатайство было удовлетворено, и 6 октября 1964 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Ф. Шменкелю посмертно была присвоена эта высшая степень отличия. Грамоту вдове Э. Шменкель вручил глава советской делегации в ГДР Л.И. Брежнев. Также ей направили поздравительные телеграммы Калининский обком КПСС и партизаны, знавшие Фрица.

В годы войны на долю Э. Шменкель выпало немало испытаний. Ещё в марте 1942 г. из части, в которой служил Фриц, она получила извещение о том, что её муж является изменником Родины, перешедшим на сторону советских партизан. Её вместе с тремя малолетними детьми лишили пособия, в доме устраивали обыски, вызывали к бургомистру. С большим трудом Э. Шменкель смогла устроиться чернорабочей в столярную мастерскую, за 15 км от дома. Несмотря на давление властей и близких родственников, она сохранила фамилию Шменкель для себя и своих детей. В 1965 г. она вместе с сыном Гансом приехала в СССР, побывала в местах, где воевал её муж. Имя Шменкеля присвоено улицам в городах Нелидово и Белый Тверской области.

Документы о Героях Советского Союза являются важной частью документального комплекса, отражающего события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Обладая несомненной исторической ценностью, они подлежат постоянному хранению в архиве. Так, 17 августа 1966 г. старший следователь П.И. Александровский, систематизируя материалы о Ф. Шменкеле, вынес заключение о том, что составившие отдельный том документы, «часть из которых является подлинными и при утрате невозполнимыми, имеют историческое значение. Полагал бы материалы о боевой деятельности Героя Советского Союза Ф. Шменкеля хранить в архиве УКГБ вечно»⁴⁹³. Важность документов подтверждается регулярным использованием их при подготовке публикаций, различных исторических сюжетов.

А.А. Григоренко, М.С. Хитин
г. Хабаровск

**Из истории харьковского судебного процесса 1943 г.
(по итогам расследования военных преступлений
немецко-фашистских захватчиков на территории
Украинской ССР)**

Все дальше и дальше от нас отдаляются события Великой Отечественной войны. Однако, ее всполохи до сих пор вторгаются в нашу жизнь. Особенно ярко это видно на примере попыток фальсификации истории и оправдания военных преступлений нацистской Германии и ее союзников, совершенных на территории СССР в 1941–1945 гг.

23 августа 1943 г. г. Харьков был освобожден от немецко-фашистских захватчиков войсками Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Это событие дало начало к преследованию нацистских преступников и их пособников, совершивших военные преступления на территории Харьковской области и иных территориях СССР. Немаловажное значение в этом имела деятельность сотрудников органов государственной безопасности.

Уже в августе – сентябре 1943 г., благодаря усилиям сотрудников Управления контрразведки «Смерш» Степного и Северо-Кавказского фронтов, а также ГУКР НКО «Смерш» путем опроса свидетелей и допроса военнопленных установили главных виновников в массовых уничтожениях советских граждан на территории Харькова и Харьковской области. Впервые следователями была доказана вина не только пособников врага, но и самих немецких военных преступников: Р. Рецлава, Р. Киршфельда и Г. Лойда.

28 сентября 1943 г. начальник ГУКР НКО «Смерш» комиссар государственной безопасности 2-го ранга В. С. Абакумов за № 251/А направил в Государственный комитет обороны СССР (И.В. Сталину и В.М. Молотову) докладную записку о многочисленных фактах истребления мирных советских граждан в гор. Харькове путем удушения в специально оборудованных для этой цели автомашинах («душегубках»). Так, например, были собраны доказательства, свидетельствующие об уничтожении оккупантами

и их пособниками в только в г. Харькове более 26 тыс. чел⁴⁹⁴. В записке В. С. Абакумов предлагал провести по итогам расследования открытый судебный процесс.

По итогам предварительного расследования, 11 декабря 1943 г. Прокурором Союза ССР К. П. Горшениным было утверждено обвинительное заключение. Благодаря собранным в т. ч. сотрудниками органов государственной безопасности доказательствам, подсудимых впервые в советской судебной практике обвиняли в нарушении международных правил и норм ведения войны и жестоким обращении с военнопленными и гражданским населением, массовом уничтожении жителей города⁴⁹⁵.

Первое слушание в рамках процесса началось 15 декабря 1943 г. Процесс вел военный трибунал 4-го Украинского фронта под председательством генерал-майора юстиции А. Н. Мясникова.

В ходе процесса была доказана вина четырех военных преступников: В. Лангхельда, Р. Рецлафа, Г. Рица и М. П. Буланова.

Член национал-социалистической партии (с 1933 г.), капитан, офицер военной контрразведки В. Лангхельд, 1891 г. р., служил в пересыльном лагере для военнопленных № 205. Он обвинялся в активном участии в расстрелах и зверствах над военнопленными и мирным населением. Сотрудниками органов государственной безопасности были собраны доказательства того, что при допросах военнопленных, путем истязаний и провокации, В. Лангхельд добивался от истязаемых вымышленных показаний. Он лично сфальсифицировал ряд дел, по которым было расстреляно около 100 ни в чем не повинных советских военнопленных и мирных граждан⁴⁹⁶.

Уроженец Берлина, чиновник 560-й группы германской тайной полевой полиции Р. Рейнгард, являясь чиновником немецкой тайной полевой полиции в Харькове и проводя следствие по делам арестованных советских граждан, вымогал у них, путем истязаний и пыток (выдергивание у арестованных волос и пытка иголками) вымышленные показания. Следствием была доказана его вина в составлении фиктивного заключения в отношении 28 арестованных советских граждан об их виновности в антигерманской деятельности, в результате чего часть арестованных была расстреляна, а другая часть умерщвлена посредством «душегубки»⁴⁹⁷.

Уроженец г. Мариенверден, член национал-социалистической

партии (с 1937 г.), унтерштурмфюрер СС, заместитель командира роты СС специальной команды СД Р. Ганс лично принимал активное участие в истязаниях и расстрелах мирных советских граждан в районе д. Подворки, расположенной в непосредственной близости от г. Харькова. Следствием была доказана его вина в руководстве расстрелами, производившимися «зондеркомандой СД» в г. Таганроге. Во время допросов Р. Ганс проявлял чрезмерную жестокость, допрашивая арестованных при помощи пыток. Он избивал их шомполами и резиновыми палками, добиваясь от заключенных таким путем вымышленных показаний⁴⁹⁸.

Единственным гражданином СССР, ставшим пособником нацистов из обвиняемых в ходе Харьковского судебного процесса, являлся уроженец станции Джанибек Казахской ССР, водитель «душегубки» специальной команды СД-4 М. П. Буланов.

В ходе следствия сотрудниками органов государственной безопасности было выявлено, что 23 сентября 1941 г., во время ожесточенных боёв за Киев М. П. Буланов бросил личное оружие, сбежал из части и перешёл на сторону врага. Впоследствии он, почти сразу же после пленения, поступил к немцам на службу – в полицию Дарницкого лагеря военнопленных. Прикинувшись украинцем с территории Западной Украины, М. П. Буланов вскоре был освобожден из лагеря с условием обязательной регистрации на городской бирже труда⁴⁹⁹. Там он был завербован немцами в качестве водителя в гестапо, в отряд, который занимается очисткой оккупированных территорий от лиц, сочувствующих советской власти.

Работая водителем машины в гестапо с 22 октября 1941 г. по февраль 1943 г., он лично возил гестаповцев на карательные акции и другие мероприятия. В ходе предварительного расследования было доказано его личное участие в уничтожении жителей Харькова.

Так, в протоколе допроса М. П. Буланова значилось: «В октябре месяце 1941 г. в г. Харькове, по распоряжению гестапо, под страхом расстрела на месте, многим советским гражданам было предложено покинуть занимаемые в городе квартиры и поселиться в специально отведённых бараках в районе рабочего городка Харьковского тракторного завода. В пути следования к месту сбора,

население подвергалось неоднократному ограблению и издевательствам со стороны немецких солдат и сотрудников гестапо. Так, например, шофёр гестапо, немец Циммерман, а также другие немцы, открыто грабили проходившую мимо нас колонну, отбирали часы, деньги, ценности. Некоторые из гестаповцев «развлекались» тем, что заставляли шоферов, ведущих машины, направлять их в толпу проходящих людей, с тем, чтобы давить колесами стариков, женщин и детей. По обращению гестаповцев и других немцев с переселенными людьми, было видно, что они обречены на смерть. Как оказалось, впоследствии немцы под видом отправки в глубокий тыл, из числа переселенных в бараки, стали формировать партии по 200–300 человек, в том числе подростков, детей и стариков, затем уводили их на расстояние 4–5 километров в балку по дороге к Купянску и там расстреливали у заранее приготовленных больших ям. Массовые расстрелы проходили ежедневно в течение продолжительного времени, до тех пор, пока всё население, находившееся в районе рабочего городка бывшего Харьковского тракторного завода не было поголовно истреблено.

В декабре 1941 г. гестаповцами было расстреляно 900 чел. советских граждан, находившихся на излечении в Харьковской больнице. Среди них было много детей и стариков. Расстрел их производился в 4–5 километрах от г. Харькова в сторону г. Чугуева. Трупами были наполнены две большие ямы, которые заранее были подготовлены для этой цели. По доставке обреченных из больницы на место расстрела, работало 10 трехтонных крытых автомашин. На одной из них работал и я...

Мне было предложено на трехтонной машине выехать в больницу, находившуюся на окраине г. Харьков. Там уже находились и другие машины. Как только я поставил свою машину вплотную к парадному одного из больничных корпусов, гестаповцы стали выводить больных в одном белье и погружать их в машины. В каждую машину помещалось до 40 человек. Погрузив свою машину, я отвёз их к месту расстрела. Место расстрела было оцеплено гестаповцами. Там больных из машины вытаскивали и ставили к яме. На месте разгрузки слышался душераздирающий плач, вопили взрослые и дети. Больные умоляли, просили о пощаде, однако гестаповцы не обращали на это внимания, расстреливали всех, сваливая их затем в яму. Насколько я помню, исключительным зверством отличались - переводчик гестапо Берг Ганс и медфельдшер

Алекс. Оба они сопротивляющихся ударами сбивали с ног, сбрасывали в яму, а затем расстреливали. Я видел, как некоторые из сопротивлявшихся, сброшенные в яму, будучи только ранеными, окровавленными, пытались подняться. Их снова сбивали с ног, а затем, по приказанию устроителя этого злодеяния, шефа гестапо и переводчика Гансберг, закапывали еще живыми. Среди закопанных в ямах еще живыми было много подростков и детей...».

В ходе предварительного расследования сотрудниками органов государственной безопасности также была доказана вина М.П. Буланова в расстреле сотрудниками гестапо советских детей.

Так, например, в протоколе допроса М.П. Буланова значилось: «В конце августа 1942 г., отделение гестапо СК-4А из Харькова переехало в станицу Нижне-Чирскую и разместилось там в здании колхозного управления. В день нашего приезда никаких арестов и расстрелов не производилось. Числа 25 или 26 августа две полутонные машины, на одной из которых был шофер Блохин, а на другой я, были подогнаны нами к зданию Нижне-Чирской детской больницы, откуда, под руководством немецких гестаповцев и полицейских стали выводить детей. Дети в основном были в возрасте от 6 до 12 лет. Их вид был ужасен, они распухли от голода и были полураздеты. Всех выводимых детей гестаповцы вталкивали в машину. Когда некоторые из них догадывались о том, что им предстоит что-то страшное и начинали плакать, гестаповцы лицемерно их успокаивали, заявляя, что они поедут к своим дядям и тетям в г. Сталинград. После того, как машины были загружены полностью, я и Блохин затянули брезентом и выехали к заранее вырытым ямам, находившимся недалеко от Нижне-Чирской, по дороге к ст. Чир за мостом. По приезде на место, я поставил машину задом к яме. Затем, под руководством гестаповцев мы стали выводить детей по двое, держа их за руки. У ямы стоял гестаповец – фельдшер Алекс и принимал детей, которых я, Блохин и другие гестаповцы-немцы к нему подводили.

Беря каждого и подведённых нами детей за руку, гестаповец стрелял в голову, в упор из автомата, после чего труп ногой сбрасывал в яму. Всего гестаповцами таким образом было расстреляно около 60 детей.

Расстреливали на глазах у других детей, ожидающих своей очереди.

Обреченные плакали, молили о пощаде. Некоторые дети, стараясь вырваться из рук гестаповцев, говорили: «Не надо, дядя, я боюсь, за что вы меня стреляете, я хочу жить». Стоявшие гестаповцы торопили

нас и мы, не обращая внимания на плач и крики детей, торопливо тащили их от машины к яме...»⁵⁰⁰.

Руководствуясь ст. 296 УПК УССР и Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 г. военный трибунал 4-го Украинского фронта признал В. Лангхельда, Р. Рецлафа, Г. Рица, М.П. Буланова виновными в совершении инкриминируемых им преступных деяний и приговорил обвиняемых к высшей мере наказания – смертной казни через повешение⁵⁰¹. Приговор был приведён в исполнение в этот же день на Базарной площади Харькова в присутствии более чем 40 тыс. человек.

Таким образом, Харьковский судебный процесс стал одним из первых судебных процессов по обвинению военных преступников в преступлениях против советского народа. Немаловажную роль в расследовании данных преступных деяний и сборе доказательственной базы в рамках предварительного расследования сыграли сотрудники органов государственной безопасности. Благодаря их деятельности, впервые к уголовной ответственности были привлечены не только пособники врага из числа советских граждан, но и сами представители оккупационного режима. Кроме того, именно в этом суде впервые было постановлено, что приказ начальника не освобождает от ответственности подчиненное лицо за совершение тяжких военных преступлений⁵⁰². Данный опыт был впоследствии использован советской судебной системой также во время иных судебных процессов над немецко-фашистскими захватчиками.

А.В. Маковский, А.А. Малов
г. Хабаровск

**Военные преступления немецко-фашистских
окупантов по геноциду советского народа на
территории полуострова Крым
в 1941–1944 гг.**

1943 г. вошел в историю Великой Отечественной войны как год «коренного перелома», в ходе которого СССР нанес нацистской Германии и её союзникам ряд серьезных военных поражений. Началось повсеместное освобождение советской территории от оккупантов.

Вслед за наступающими частями и соединениями РККА и РККФ на освобожденных территориях начала восстанавливаться советская власть. В этих условиях на сотрудников органов государственной безопасности была возложена задача по поиску и расследованию преступлений оккупантов и их пособников на советской земле. Сбор информации о преступлениях, актах геноцида советского населения в Крыму начался сразу же после освобождения – были сформированы комиссии, которые опрашивали очевидцев, собирали материалы. Следственные действия по преступлениям, совершённым в Крыму, велись также на территории Румынии.

На сегодняшний день известно, что на территории полуострова Крым действовал «Шталаг 370», имевший отделения – лагеря для военнопленных и концентрационный лагерь, размещенные в Симферопольском районе: Симферополе (два лагеря), Севастополе и Феодосии. Наибольшую известность в послевоенный период получила деятельность концентрационного лагеря «Красный».

Лагерь «Красный» был образован силами СД Симферополя в ноябре 1941 г. на территории бывшего совхоза «Красный» в Симферопольском районе и просуществовал вплоть до 11 апреля 1944 г. Первоначально он действовал для приема и содержания именно военнопленных.

Впервые он был упомянут в «Донесении командования партизанского движения Крыма о деятельности партизан в ноябре 1941 г.» первому секретарю Крымского областного комитета ВКП(б)

В.С. Булатову, осуществленном командиром партизанских отрядов Крыма А.В. Мокроусовым 27 ноября 1941 г.: «В совхозе «Красном» организован концлагерь, где находятся до 15000 военнопленных. Немцы их раздели и разули. Первые дни пленных поддерживали питанием местные жители, а после того как в лагере был убит немецкий офицер, это было прекращено, и теперь пленные голодают полностью»⁵⁰³.

Однако впоследствии лагерь для военнопленных был преобразован в концентрационный лагерь, в котором содержались уже и представители гражданского населения СССР. В то же время, до сих пор остается неизвестным точная численность узников из числа гражданского населения на разных этапах существования лагеря.

Так, например, в «Обвинительном заключении по делу бывшего командующего 17-й армией генерал-полковника Э. Йенекке от 8 ноября 1947 г.» имеются сведения, что в данном концентрационном лагере за период с конца октября 1943 г. по апрель 1944 г., было уничтожено свыше 6500 чел., в т. ч. стариков, женщин и детей, из числа тех, кто содержался в концлагере. В то же время, в «Данных о жертвах немецко-фашистской оккупации по Крымской АССР на 2 октября 1944 г.», изложенных в докладе Крымской комиссии об итогах расследования злодеяний фашистских захватчиков в Крыму, сообщается о 8000 узниках концлагеря, расстрелянных и замученных гитлеровцами. Последняя версия относительно количества погибших узников в концлагере «Красный» приводится в «Справке о работе УКГБ по Крымской области по выявлению и сбору доказательств виновности нацистских военных преступников...», где указывается, что за все время существования концлагеря в нем было истреблено свыше 10000 чел.⁵⁰⁴

Необходимо отметить, что наибольшее число узников совпало с периодом ожесточенных военных действий под Севастополем, Керчью и Феодосией (конец 1941 – начало 1942 гг.). Ими стали советские военнопленные.

С осени 1943 г., когда отступающая немецкая армия и их союзники были вынуждены обеспечить безопасность своих тылов от действий партизанских отрядов и подполья, среди узников концентрационного лагеря появились партизаны и подпольщики, а

также заложники, задержанные полевой полицией или службой СД.

Так, на сегодняшний день известно о содержании в данном лагере захваченных партизан Алуштинского, Ялтинского, Евпаторийского, Джанкойского, Ак-Мечетского, Симферопольского отрядов и т. н. «Северного соединения».

Узники концлагеря содержались в нечеловеческих условиях. Территория лагеря, площадью в 3 гектара, была разделена на две зоны: административную (с административными помещениями) и зону размещения узников. Два из трёх деревянных бараков для узников занимались мужчинами. В специально отведенном месте находились лазарет, кухня и туалет. Бараки должны были быть постоянно закрытыми на замки. Внутри бараков преобладала грязь, антисанитария, большое число различных паразитов, что привело в мае – июне 1943 г. к эпидемии сыпного тифа.

По периметру территории жилой зоны размещались сторожевые вышки, а проволока ограды находилась под высоковольтным электрическим напряжением. Уже в процессе функционирования лагеря, на его территории установили мощные фонари с электролампами, освещающими лагерную зону в любое время суток.

В дневное время часть узников выводили на принудительные работы, в то время как остальные постоянно находились в бараках под надзором охранников.

Заключенные задействовались на ремонтных работах на железнодорожной станции, а также на сельскохозяйственных работах на близлежащих полях и в саду. При этом поднимать фрукты, овощи и иные продукты земледелия и садоводства запрещалось. Данное положение контролировалось охраной. Также узники привлекались для рытья колодцев и строительства домов для администрации на территории самого лагеря.

Охрану концентрационного лагеря осуществлял 152-й батальон вспомогательной охранной полиции, сформированный в октябре 1942 г. в г. Джанкой и приступивший к охране в январе 1943 г. Личный состав батальона включал местных жителей – коллаборационистов и бывших советских военнопленных. Позже, преступления, совершенные ими, станут объектом внимания советских органов государственной безопасности, отделов военной контрразведки «СМЕРШ», местных советских партийных органов

и правоохранительных структур. Основной задачей данного батальона являлась борьба с крымскими партизанами и установление контроля над местным населением.

Именно личный состав этого батальона прославился особой жестокостью по отношению к узникам концентрационного лагеря «Красный». Именно они участвовали в массовых расстрелах узников.

На территории лагеря, помимо административной и «жилой» зоны размещалась и площадь, на которой осуществлялся ежедневный осмотр строя узников комендантом лагеря П. Краузе.

С лета 1943 г. на площади находился вкопанный в землю столб, к которому нацисты привязывали провинившихся в чем-либо узников, оставляя их длительное время без пищи и воды.

Осенью 1943 г., в ходе наступления частей Красной армии на полуостров, более 1500 узников лагеря были уничтожены карателями «Айзантицкоманды – II – а» под руководством П. Цаппа.

Необходимо отметить, что во время пребывания данной команды карателей в Крыму ими были осуществлены многочисленные акции уничтожения советских граждан в Севастополе, Керчи, Ялте, Феодосии, Джанкое и в Бахчисарайском районе.

Именно эта команда, совместно с добровольцами и полицейскими из числа крымских татар весной 1942 г. уничтожила с. Лаки Бахчисарайского района, жители которого помогали советским партизанам. В процессе уничтожения села по личному указанию П. Цаппа 20 чел. были заживо сожжены в помещении местного магазина.

В Симферополе было расположено сразу четыре лагеря для советских военнопленных: 1) в районе железнодорожного вокзала (т. н. «Картофельный городок»); 2) в бывшей городской тюрьме; 3) на территории действовавшей до начала войны Крымской областной психиатрической больницы.

В четвертом лагере производилось умерщвление советских военнопленных путем введения в вены специального препарата из морфия и перекиси водорода. Данная деятельность осуществлялась 7-ю врачами-военнопленными, предавшими Родину и перешедшими на службу врагу. О масштабах деятельности персонала данного лагеря можно судить по материалам показаний бывшего

капитана медицинской службы 2-й немецкой армии М.Э. Мюллера. Согласно им, как-то только в течение шести недель существования лагеря было умерщвлено более 1 тыс. советских военнопленных⁵⁰⁵. Многим предателям и палачам не удалось уйти от возмездия. Их розыском в послевоенный период занимались органы КГБ СССР.

Уже в 1975 г., в ходе неполной документации мест массовых захоронений советских военнопленных только на территории бывшего Армянского кладбища Симферополя было подтверждено наличие захоронения более 6 тыс. советских военнопленных⁵⁰⁶.

Всего же только через лагерь в «Картофельном городке» прошло более 144 тыс. чел. При этом лица еврейской или крымчакской национальностей, комиссары, партийные работники и сотрудники НКВД подлежали немедленному расстрелу, который осуществлялся на территории старого еврейского кладбища Симферополя.⁵⁰⁷

В Севастополе лагерь для советских военнопленных размещались: 1) в пос. Инкерман (уничтожено 450 военнопленных); 2) в пос. Новая Земля (уничтожено более 300 военнопленных); 3) на Северной стороне (в сентябре – октябре 1942 г. расстреляно 200 чел.); 4) на Корабельной стороне у здания бывшего полуэкипажа Черноморского флота (гитлеровцами там уничтожено более 2020 чел.); 5) в помещении городской тюрьмы (умерло более 2500 советских военнопленных)⁵⁰⁸.

Третьим местом содержания советских военнопленных стал сборный лагерь № II, располагавшийся на территории Феодосии.

Самым крупным из судебных процессов над немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками, осуществлявшими геноцид советского народа на территории Крымского полуострова стал т. н. «Севастопольский процесс» (12–23 ноября 1947 г.), осуществляемый Военным трибуналом Черноморского флота в лице генерал-майора юстиции А.Д. Зайцева, полковника юстиции И.В. Евсикова и подполковника юстиции И.А. Федорчукова.

Государственное обвинение в ходе процесса поддерживали военный прокурор ЧФ генерал-майор юстиции Д.Г. Камынин, подполковники юстиции: В.И. Маркелов, Татаринцев, Введенский, Гринев, Ерофанов, Михеев, Великотный.

В ходе самого судебного процесса немецкие военнослужащие были обвинены в преступлениях, которые были совершены ими на территории полуострова Крым и южной части СССР.

Так, согласно документам Чрезвычайной Государственной Комиссии, было установлено, что немецко-фашистские захватчики в Крыму за годы оккупации уничтожили 86943 мирных гражданина, 47234 советских военнопленных, угнали в Германию 85447 чел.

Оккупанты сожгли 109 санаториев и домов отдыха, 40879 строений (в т. ч. – 24263 жилых дома), уничтожили и отобрали 41220 голов крупного рогатого скота, 97641 лошадь, 86860 свиней, 910056 овец и коз⁵⁰⁹. Оккупанты уничтожили сотни тысяч тонн зерна, картофеля, овощей, фруктов, хлопка, табака и иных сельскохозяйственных культур.

Общая сумма причиненного СССР ущерба составила около 14,2 млрд. руб.⁵¹⁰

Главным подсудимым в ходе данного судебного процесса стал командующий 17-й армией Вермахта (с 1 июня 1943 г.) и начальник оккупационных сил в Крыму (с 9 октября 1943 г. по 30 апреля 1944 г.), генерал-полковник Э. Йенеке.

Именно по его приказу во время отступления немецкой армии с территории Кубани и Крыма была применена так называемая «тактика выжженной земли»: угонялось все население, уничтожались все постройки и имущество, которое не могли вывезти. Советские граждане, сопротивлявшиеся переселению – уничтожались.

По его приказу на территории полуострова Крым была образована «мертвая зона» на территории 750 кв. км, в связи с чем уничтожено 50 населенных пунктов с общим числом в 15 тыс. чел.⁵¹¹

Среди уничтоженных по его приказу деревень значатся такие населенные пункты, как Саблы, Бор-Чокрак, Мангуш и другие.

25 октября 1943 г., в связи с наступлением частей РККА в Крыму, Э. Йенеке был отдан приказ о расстреле советских граждан, содержащихся в тюрьмах и концентрационных лагерях на территории полуострова.

Так, например, во исполнение этого приказа 4 декабря 1943 г. в Южной бухте, в районе Подплава, немцами была подожжена баржа с более чем 2500 советскими ранеными, оказавшимися в

плени⁵¹². Пытавшихся спастись красноармейцев сбивали с ног и топили сильной струей воды.

Среди остальных подсудимых, обвиненных в ходе судебного процесса, значатся военнослужащие Вермахта и полевой жандармерии, члены СС майор Г. Альберти, обер-ефрейтор Б. Браун, майор О. Виллерт, капитан А. Ган, обер-ефрейтор Р. Гуземан, гауптштурмфюрер СС П. Кайбель, капитан П. Кинне и др.

Г. Альберти в апреле – августе 1942 г. руководил угоном с территории полуострова Крым на каторгу в Германию более 10 тыс. советских граждан⁵¹³. Именно он отдал приказ об уничтожении еврейского населения Таганрога и Новороссийска (только в г. Таганроге было расстреляно более 1800 чел.).⁵¹⁴ Он организовывал и лично проводил аресты советских граждан, передавая их для допросов и уничтожения в СД.

Также судом была доказана его вина в расстрелах, повешениях и истязаниях, угонах в рабство и пытках советских граждан в Евпатории и Ак-Мечетском районе.

О. Виллерт был ортскомендантом Евпатории. Находясь на этом посту, он отдавал приказы о пытках и расстрелах, угонах советских граждан в Германию. Он причастен к арестам более 200 советских граждан⁵¹⁵. По его приказу разрушались лечебные дома и санатории Евпатории, памятники истории и культуры, материальные ценности, находящиеся в городе.

П. Кайбель был признан неоднократным участником облав, арестов и расстрелов советских граждан в Крыму.

А. Ган и Ф. Радатус непосредственно участвовали в расстрелах советских граждан. Ган стал убийцей 7 чел.⁵¹⁶

П. Кинне руководил сборным пунктом для советским военнопленных. Пользуясь своим положением, он расстреливал их, участвовал в акциях угона советских граждан в Германию, участвовал в разрушении жилых домов в Нальчике и Георгиевске.

Э. Шреве принимал участие в арестах, расстрелах и пытках мирного населения Севастополя. С 6 по 12 июля 1943 г. он принял активное участие в массовом уничтожении лиц еврейской национальности (более 1500 чел.) на стадионе «Динамо», в т. ч. при помощи машин – «душегубок»⁵¹⁷.

Г. Педаль, Р. Гузман, Б. Браун, В. Флеснер, Э. Кениг, Ф. Гакер, Г. Экгоф, В. Оцекер, Г. Газенедер, Э. Дикгаф и Ф. Линеберг и другие были обвинены в массовых расстрелах советских военнопленных и мирных жителей в Багровском противотанковом рву и других прилегающих к Керчи районах, а также в уничтожении советского мирного населения, скрывавшегося от зверств оккупантов в Аджимушкских каменоломнях.

Все эти акции проводились немецкими военнослужащими против мирного населения с чрезвычайной жестокостью и изощренностью.

Так, из показаний жительницы Керчи Е.П. Надеевой следовало: «... Я лично с матерью и ребенком скрылась в одной из шахт, что находится близко к так называемому «сладкому колодцу» ... Примерно 20–23 мая 1942 года находившиеся в нашем заходе люди, в том числе и я, услышали сильные взрывы, которые производили немецкие воинские части, от других я узнала, что немцы, охранявшие выходы из шахт, начали взрывать их...»⁵¹⁸.

П. Кинне обвинялся в расстрелах советских военнопленных – командиров, комиссаров и политруков, которых немедленно расстреливал. В период с августа по сентябрь 1943 г. при его участии было сожжено 10 советских деревень в районе Мариуполя и Мелитополя.

Отдельно в обвинительном заключении был отмечен факт преступлений нацистских преступников и их пособников в отношении советских детей.

Все эти факты, свидетельствующие о вине немецких военнослужащих и членов СС, были добыты советской стороной в ходе досудебного и судебного этапов путем фиксации следов преступлений оккупантов, проведения значительного числа судебно-медицинских и иных экспертиз, опросов и допросов значительного числа свидетелей и участников совершения данных преступлений.

Данная работа осложнялась не только трудностями сбора информации (для проведения опросов и допросов значительного числа свидетелей сотрудникам органов государственной безопасности пришлось вылететь на территорию Румынии, где содержалось большое число интернированных советских граждан), но и особенностями анализа фактов зверств немецких военнослужащих и их пособников.

Можно с полной уверенностью говорить о том, что все те, кто имел отношение к сбору доказательств и доказыванию вины оккупантов в ходе Севастопольского судебного процесса 1947 г. испытывали колоссальное морально-психологическое давление, оказывались в ситуации морального выбора между собственными ценностными ориентирами и реальностью.

Кроме того, профессионализм сотрудников органов государственной безопасности, правоохранительных органов, членов суда и стороны обвинения проявился в грамотной работе со свидетелями, которым, в свою очередь приходилось вспоминать пережитое.

Благодаря всему этому, в ходе судебного процесса вина подсудимых была полностью доказана.

Военным трибуналом Черноморского флота было установлено наличие вины в действиях всех обвиняемых. Ввиду отмены смертной казни 8 из них были приговорены к 25 гг. каторжных работ, 4 – к 20 гг.⁵¹⁹

В то же время, необходимо отметить, что после того, как в 1955 г. между СССР и ФРГ были установлены отношения, к 1956 г. все выжившие осужденные были репатриированы к себе на родину.

Таким образом, очевидным является факт массового геноцида советского народа, осуществляемого на территории полуострова Крым в годы Великой Отечественной войны немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками. В расследовании большинства из данных случаев приняли активное участие сотрудники органов государственной безопасности. Именно благодаря их деятельности многие преступники, виновные в совершении актов геноцида, были впоследствии привлечены к уголовной ответственности и понесли заслуженное наказание.

**Анализ автобиографических материалов сотрудников
«Смерш» (на основе модели качественного
социологического исследования системы
ценностей «советского» человека)**

Потребность в изучении автобиографических материалов участников Великой Отечественной войны на междисциплинарном уровне детерминируется актуализацией вопросов сохранения исторической памяти и укреплением межпоколенческих связей в формировании и развитии традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В рамках данной статьи мы остановимся на анализе автобиографических материалов сотрудников «Смерш»⁵²⁰, где с опорой на модель ценностного выбора «советского» человека возможно выявить аксиологическую структуру взглядов этой категории военнослужащих. Для проведения более точного и корректного анализа материалов требуется обозначение методологических оснований исследования. Для этого определены 1) критерии межпоколенческого и социокультурного подходов к пониманию «советского» человека; 2) теоретическая модель выявления ценностей в текстах личных документов сотрудников «Смерш» (методы качественного социологического исследования).

1. Критерии межпоколенческого и социокультурного подходов к пониманию «советского» человека.

В условиях больших вызовов⁵²¹ сохранение памяти о великом историческом событии советского народа, понимание и принятие молодым российским поколением убеждений, ценностных взглядов «своих бабушек и дедушек», проживших существенную часть жизни в Советском Союзе, определяется необходимостью в научном дискурсе изучать содержательные социокультурные характеристики ценностных ориентаций простого «советского» человека. Действительно, для того, чтобы адекватно и своевременно понять, и действовать в сложившихся современных социальных практиках

необходимо учитывать пережитый опыт предшествующих поколений, в том числе изучать, какими ценностными убеждениями в кризисных (военных) условиях руководствовался в своем поведении «советский» человек. Однако междисциплинарная методология макроуровня в изучении советской истории не отражает полностью ту предметность, которая располагалась на порядок ниже, в области явлений микроистории, то есть необходимы методики перехода от макро- к микроистории, чтобы определить в реальных исторических событиях отдельно пережитый опыт и выявить отношения их участников⁵²².

В социологической науке исследование личных документов, воспоминаний простых «советских людей» является одним из самостоятельных направлений⁵²³, где с помощью качественных методов появляется возможность взглянуть на события истории Советского Союза с позиции простого человека. Автором статьи проводится несколько лет исследовательская работа, направленная на изучение личных документов «советского» человека, анализ интервью и количественных данных (опросов) с гражданами в возрасте 60 лет и старше⁵²⁴, целью которой является выявление ценностей простого «советского» человека.

В период с июля по октябрь 2024 г. в рамках исследования ценностей «советского» человека мы методом традиционного классического анализа документов (внешним и внутренним)⁵²⁵ изучали автобиографические материалы военнослужащих, среди которых были изучены материалы интервью с сотрудниками «Смерш» (43 интервью). Отметим, что при работе с историческими архивными источниками, касающихся конкретного исторического события (в особенности Великой Отечественной войны) будущий специалист в области национальной безопасности должен знать и уметь анализировать не только объективные факты и закономерности исторические события, но при работе с личными документами военнослужащих (воспоминания, интервью, личные дневники, мемуары) уметь выявлять и видеть смысловую, моральную (нравственную) нагрузку, позволяющую отмечать те ценностные ориентиры субъекта, пережившего военный опыт.

Мы исходим из того, что анализ личных документов сотрудников «Смерш» возможно проводить в рамках теоретической модели

выявления ценностного выбора «советского» человека, так как советские военнослужащие, и в особенности сотрудники военной контрразведки воспроизводят в своей профессиональной деятельности социокультурные черты образа «советского» человека.

Для изучения содержательных характеристик понятия «советский» человек мы обратились к трем ключевым социологическим подходам, каждый из которых отражает отличительные черты данного социального феномена.

Данные подходы задают теоретическую рамку для междисциплинарного исследования. Так анализ личных документов в межпоколенческом подходе позволяет отразить преемственность между возрастными социальными группами. Опыт переживания войны различными социальными группами старшего поколения по средствам сохранения исторической памяти (воспроизводство традиций, трансляция ценностных установок, изучение и принятие опыта «отцов») дает возможность более отчетливо молодому российскому поколению определять свою гражданственную идентичность, ощущать единое культурное пространство страны, видеть основания самобытного проявления в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России⁵²⁶. Военный опыт, пережитый определенной профессиональной группой военнослужащих (сотрудниками «Смерш») и выраженный в отдельных «историях жизни» и интерпретируемый по средствам качественных методов позволяет увидеть

2. Теоретическая модель выявления ценностей в текстах личных документов сотрудников «Смерш» (методы качественного социологического исследования).

Тексты интервью воспоминаний сотрудников «Смерш» о несении военной службы в годы Великой Отечественной войны рассматриваем как эмпирический материал исследования, анализ которого основывается на модели ценностного выбора «советского человека» с опорой на теорию действия Т. Парсонса, где ценности являются элементом трех систем: социальной, культурной и личностной и в каждой из этих систем проявляются по-разному. Мы, работая с данными «микроистории», опираемся на модель системы личности, где ценности определяются как правила и предписания, которые необходимы индивиду для принятия решения и

совершения действий из ряда возможных альтернатив. Нами выделены структурные компоненты ценности, а именно эмоциональное восприятие объекта, его смысловая наполняемость и идейно-нравственная составляющая, позволяющие выявить (фиксировать и отличать) ценности в большом массиве текстовых материалов.

В соответствии с моделью ценностного выбора были определены приоритетные правила и предписания («образцы поведения»), которыми руководствовались респонденты в течение жизни. С помощью данной модели рассматривалось как совершался ценностный выбор у респондента как «советского» человека.

Автобиографический материал военнослужащих (сотрудников «Смерш») представляет собой анализ 43 интервью с военнослужащими: из них 38 мужчин и 5 женщин. Материал структурирован по темам: детские годы и отношения с родителями, описание, где и когда застала война, периоды войны (где и кем служил в течение военного времени), истории о военных буднях. 90% респондентов идентифицируют себя с понятием «советский человек». Количественные данные подтверждают, что для респондентов ближе всего такие ценности, как «поступать по справедливости и быть честным» (69%), «ориентированность на общественные интересы (труд, поддержка и помощь коллегам, знакомым)» (66%), «терпеть жизненные трудности и быть готовым защищать Родину» (49%).

Анализ текстов автобиографических материалов позволил увидеть, как совершался ценностный выбор. Для военнослужащих (сотрудников «СМЕРШ») моральный облик «советского» человека воспроизводится в таких категориях как долг, ответственность, преданность. В одном из материалов нам попала фраза военнослужащего описывающего свою службу в контрразведке «было просто оказаться на фронте, где понятно здесь свои, а там за линией фашисты. Другое дело, когда я оказался в группе разведки, и попадая в село, там бандеровцы носят обычную одежду и уже нужно увидеть кто предатель, кто доносит на своих, от кого ждать беды». Мы полагаем, что выполнение подобного рода боевых задач, умение вести борьбу определяется моральным ценностным выбором военнослужащих (сотрудников «Смерш»).

В статье представлен анализ ценностей как правил и предписаний, которыми индивид руководствуется в процессе выбора. Они

могут быть зафиксированы через обозначение позиции индивидом, а также рефлексию сделанного выбора. В статье в рамках теоретической модели ценностного выбора «советского» человека проведен анализ свободных неструктурированных интервью с военнослужащими (сотрудниками «Смерш»), пережившими определенный жизненный опыт. В целом теоретическая модель выявления ценностных ориентаций в рамках качественного исследования создает основу для классификации ценностных ориентаций «советского» человека и позволяет выходить на количественные исследования конструкта «советского» человека. Эмпирический материал способствует приращению нового знания и может быть исследован на пересечении истории и социологии, а также в качестве методических материалов или иллюстрации по соответствующим дисциплинам.

Т.В. Иванова, А.И. Морозов
г. Москва

**К вопросу об установлении границы СССР с Японией
в 1945–1947 гг.: особенности охраны
границы на новых рубежах**

Война с СССР и Японии в 1945 г. стала последней крупной кампанией Второй мировой войны. Советские войска заняли южную часть острова Сахалина, Курильские острова, Маньчжурию и часть Кореи. Боевые действия на островах закончились 5 сентября. Акт о капитуляции Японии был подписан 2 сентября 1945 г. СССР вернул свои территории – южную часть о. Сахалин и Курильские острова, ранее утраченные Россией. Эти территории в течение 40 лет, находясь под контролем Японии, держали на «замке» выходы советских судов из портов Дальнего Востока в Тихий океан. Фактически Курильские острова и о. Сахалин стали форпостом обороны Советского Союза на Дальнем Востоке. В то же время необходимо отметить, что внешнеполитические отношения СССР и Японии активно обсуждались на Ялтинской и Потсдамской конференциях глав правительств СССР, США и Великобритании в 1945 г. и в дальнейшем нашли отражение в акте о безоговорочной капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г. По итогам войны правительство Японии взяло на себя обязательство выполнить условия Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., и согласилось с тем, что: «Японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы ей укажем». Кроме того, Япония отказывалась от всех территорий, захваченных в предыдущие годы за пределами Японских островов.

По завершении Второй мировой войны территория Японии, оккупированная союзными войсками, была определена в соответствии с подписанным меморандумом главнокомандующего союзных держав от 29 января 1946 г. № 677⁵²⁷.

2 февраля 1946 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР на территории Южного Сахалина и Курильских островов была образована Южно-Сахалинская область в составе

Хабаровского края РСФСР, которая 2 января 1947 г. вошла в состав новообразованной Сахалинской области в составе РСФСР⁵²⁸. 8 сентября 1951 г. подписан Сан-Францисский мирный договор, заключенный между Японией и союзниками по антияпонской коалиции. В ст. 2 договора указывалось, что: «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела на Портсмутском договору 5 сентября 1905 года».

В настоящее время договора о прохождении государственной границы между Российской Федерацией и Японией нет. Граница с Японией установлена СССР в одностороннем порядке Распоряжением Совета Министров СССР от 10 августа 1948 г. № 11000 рс и от 19 августа 1977 г. № 1886 рс.

Решение задач охраны нового участка государственной границы на Тихом океане в 1945 г., на практике оказалось достаточно сложным. 21 сентября 1945 г. вышло Постановление СНК СССР № 2421-646сс «О принятии под охрану погранвойсками морской государственной границы по побережью Южного Сахалина и Курильской гряды и об усилении охраны рубежей на Чукотке». 24 сентября 1945 г. начальник Главного управления пограничных войск (ГУПВ) в порядке предварительных распоряжений дал указание начальнику пограничных войск Дальневосточного пограничного округа (г. Хабаровск) передислоцировать на Южный Сахалин две пограничные комендатуры и один дивизион катеров из состава 52-го Сахалинского погранотряда. Кроме того, для руководства охраной границы и ведения оперативной работы предписывалось выделить оперативную группу во главе с начальником 52-го отряда, а также в его распоряжение направлялась маневренная группа из Приморского округа⁵²⁹.

2 октября 1945 г. был издан приказ НКВД СССР о формировании Камчатского и Сахалинского окружных управлений пограничных войск. В соответствии с приказом Управление пограничных войск НКВД Приморского округа (г. Владивосток) переименовывалось в Управление пограничными войсками на Тихом океане, с подчинением ему двух новых пограничных округов⁵³⁰. Указанный приказ предусматривал развертывание новых частей в

Камчатском округе – 109-го пограничного отряда на Северных Курилах и 110-го пограничного отряда на Чукотском полуострове (в дополнение к имеющимся 60 и 61 пограничным отрядам), в Сахалинском округе – 116-го пограничного отряда на Западном побережье Сахалина и 114-го пограничного отряда на Южных Курилах (в дополнение к 52 пограничному отряду). Кроме того, сформировывался 9-й авиационный полк, а также 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27 и 28-й дивизионы пограничных сторожевых кораблей за имеющихся на Тихом океане судов пограничных войск НКВД и судов, полученных от Военно-морского флота.

25 октября 1945 г. Управление пограничными войсками на Тихом океане получило следующее распоряжение ГУПВ № 18/2/3426: «... Не ожидая прибытия на Южный Сахалин и Курильские острова формирующихся погранчастей, за счет 60-го и сухопутных пограничных отрядов перебросить на участок 109-го, 114-го и 116-го погранотрядов, в пункт по Вашему усмотрению, необходимое количество личного состава, а в район Парамушира направить из 60-го отряда нужное число погрансудов. Для руководства охраной границы направить на участок 109-го (Северные Курилы) погранотряда по одной группе, в составе которых иметь опытных офицеров 1-го и 5-го отделений. Начальникам оперативных групп организовать охрану побережья, агентурно-оперативную работу, взятие на строгий учет и под охрану всех плавучих средств, и организовать контроль за их выходом в море»⁵³¹. В это же время с санкции ГУПВ из бухты Нагасво (район Магадана) в порт Отомари (ныне Корсаков) был передислоцирован 23-й отдельный дивизион погранкатеров в составе четырех единиц.

Необходимо отметить, что штаты сформированного управления пограничными войсками на Тихом океане сохранялись в рамках бывшего управления Приморского округа. Аппараты управления Камчатского и Сахалинского округов формировались в сокращенном составе на базе существовавших пограничных отрядов. Их штабы, кроме трех отделов, имели в своем составе отделения. При этом сами отделы были по составу меньше в сравнении с другими пограничными округами. В то же время единой системы снабжения и общего политоргана в составе управления войсками

не вводилось. Отделы контрразведки и военные трибуналы пограничных войск Приморья, Камчатского и Сахалинского округов оставались самостоятельными.

Стоит также выделить, что вводимая организационная структура на наш взгляд, не совсем удачно копировала структуру дальневосточных военных округов. В которых для наиболее оперативного руководства несколькими военными округами на востоке страны, а также Тихоокеанского флота и Амурской флотилией в первые послевоенные годы сохранилось управление Главкомандующего войсками Дальнего Востока.

Выбор места дислокации Управления пограничными войсками НКВД на Тихом океане в г. Владивостоке был продиктован исторически сложившимися условиями. Именно из Владивостока шли основные морские пути на Камчатку и о. Сахалин. Снабжение о. Сахалин, Курильских островов, Камчатки и Чукотки осуществляется также преимущественно через Владивостокский морской порт. Кроме того, в нем были сосредоточены и самые крупные судоремонтные базы.

В последующие годы продолжалось освоение новых государственных рубежей на Дальнем Востоке. Так, в 1946 г. командование пограничных войск пришло к выводу, что с организацией охраны морских границ на Курильских островах отпала необходимость в охране побережья Охотского моря.

На основании приказа МВД СССР от 27 апреля 1946 г. 116-й пограничный отряд, охранявший все побережье Южного Сахалина, был реформатирован и передислоцирован в г. Маоко для несения службы по охране границы западного побережья Южного Сахалина. 65-й пограничный отряд Хабаровского пограничного округа из г. Николаев-на-Амуре (охранял побережье Охотского моря и Татарский пролив) в полном составе был передислоцирован в пос. Хагаси на восточном побережье Южного Сахалина (в настоящее время г. Макаров) и включен в состав Сахалинского округа⁵³².

Таким образом, после проведенного реформирования 116-й пограничный отряд имел в своем составе 6 пограничных комендатур и 37 пограничные застав, 65-й пограничный отряд – 4 пограничные комендатуры и 34 пограничные заставы.

Охрана государственной границы на побережье Курильских островов, по состоянию на 1946 г., осуществлялась: 109-м пограничным отрядом в составе 4 комендатур и 22 пограничных застав, 114-м пограничным отрядом в составе 6 комендатур и 35 пограничных застав⁵³³.

Другим значимым изменением в охране границы на Тихом океане, стало расформирование 61-го погранотряда, ранее охранявшего границу побережья северной части Охотского моря. На его базе приказом МВД СССР от 14 марта 1947 г. в г. Магадан был сформирован отдельный морской контрольный пропускной пункт⁵³⁴.

Кроме войскового прикрытия участка государственной границы Южного Сахалина и Курильских островов, следует отметить проведенные в 1945–1946 гг. режимные мероприятия:

все рыболовные суда, находившиеся на участках ответственности, были зарегистрированы в подразделениях пограничных отрядов;

на участках пограничных застав организованы причалы, которые охранялись пограничными нарядами (95 причалов, на которых находилось 6574 рыболовных судна);

выпуск рыбаков в море производился по пропускам, выдаваемых подразделениями пограничных войск, после тщательной проверки их в местных органах МВД и МГБ.

После ухода японских войск, на территории Южного Сахалина и Курильских островов осталось проживать значительное число японцев и корейцев. Указанные категории жителей имели родственные связи с лицами, проживавшими на территории Японии, и были настроены эмигрировать в Японию. Отдельные из них использовались разведорганами США и Японии в качестве агентуры для получения разведывательной информации.

На основании достигнутых соглашений СССР с Японией, и в соответствии с утвержденным Постановлением Совета Министров СССР от 4 октября 1946 г., был организован процесс репатриации японского населения с территории Южного Сахалина и Курильских островов⁵³⁵.

Во избежание провокационных действий и диверсионных актов приграничные районы, в которых располагались транзитные лагеря для репатрируемого японского населения, были усилены

резервами пограничных войск. Для охраны и обеспечения порядка при посадке репатрируемых на американские транспортные суда, морские контрольно-пропускные пункты были усилены личным составом⁵³⁶.

Сложной задачей при формировании подразделений на Курильских островах стало их материально-техническое и продовольственное снабжение. На начальном этапе пограничники снабжались через части Советской армии, дислоцировавшиеся на этих островах. И только в 1947 г. частично удалось решить эти вопросы путем завоза снабжения на пограничных судах. Однако, снабжение этих подразделений свежими овощами и фруктами еще долго оставалось неразрешенной проблемой.

Таким образом, важным аспектом построения охраны границы в рассматриваемом регионе стало их качественное усиление. Прежде всего силами и средствами морских и авиационных частей. Так, в конце 1947 г. начальник войск Камчатского округа располагал тремя дивизионами пограничных катеров, одной группой плавсредств, одним авиаполком и одной авиаэскадрилей. Начальник войск Сахалинского округа имел в своем распоряжении два дивизиона пограничных катеров, три группы плавсредств, один авиаполк и одну отдельную авиаэскадрилью.

Проведенные штатные изменения, а также передислокация частей и подразделений на новые участки границы позволили к концу 1947 г. обеспечить плотность войсковую охраны на 1 км морской границы: в районе о. Сахалина и Курильских островов в пределах 109-й погранотряды Камчатского округа – 0,52 чел.; на участке Сахалинского округа – в среднем 0,67 чел. (65-м погранотряде – 1,4 чел.).

В связи с возрастающей военной активностью США на Тихом океане и на территории Японии, в 1948 г. штаты двадцати застав (на островах Малой Курильской гряды и Кунашире) были доведены до 42 чел. и на вооружение этих застав поступили станковые пулеметы и 82-мм минометы.

Исторический опыт охраны границы на новых участках границы показал, что система охраны границы может быть эффективна только тогда, когда она адекватно отражает состояние, потребности и возможности государства, имеет действенную систему управления, полноценную законодательную базу, четко определяющую компетенцию и меру ответственности структур, участвующих в охране границы.

Д.Д. Жук, Е.Е. Шерстнёв
г. Москва

ФБР и советская разведка в 1945–1947 гг.

После окончания Второй мировой войны позиции советской разведки в Северной Америке оказались сильно подорванными после разоблачения руководителя сети нелегалов в США Э. Бентли, а повод и основания, полученные американской контрразведкой для активизации своих действий, стали более чем значительными. И без того усиливавшиеся год от года подозрительность и мания директора Федерального бюро расследований (ФБР) Д.Э. Гувера в отношении «красной угрозы» («гуверизм») трансформировались, по сути, в участие Бюро в кампании по искоренению коммунизма («охота на ведьм») в Соединенных Штатах в рамках поддержки акций и мероприятий небезызвестного сенатора Дж. Маккарти («маккартизм»). К основному же роду деятельности в сфере обеспечения «внутренней безопасности» (особенно – по недопущению утечек, связанных с атомным проектом) позже добавились проверка и чистка государственного аппарата от нелояльных или подозреваемых в этом служащих⁵³⁷.

С января 1947 г. приоритетной задачей для ФБР становится защита информации о «Манхэттенском проекте» (по советской терминологии – литерное дело «Энормоз»). В условиях достаточно позднего привлечения Бюро к этой операции (проведение работ в Лос-Аламосе изначально курировалось военным ведомством), а также имевшихся до сих пор у его профильных служб трудностей в проведении контрразведывательной работы, ведомство Д.Э. Гувера столкнулось с одной из самых трудноразрешимых проблем – советская разведка уже обладала информацией об американской ядерной программе, причем на самой ранней стадии ее реализации. Запущенная в 1943 г. американскими службами работа по дешифровке закодированных советских сообщений (операция «Венона») уже стала давать первые результаты, и летом 1946 г., после взлома ряда фрагментов этих передач советской резидентуры в Нью-Йорке в Центр, стало ясно, что в СССР извещены о проекте (этому предшествовала операция ФБР по проникновению в 1944 г.

в контору Амторга в Нью-Йорке, где сотрудники Бюро похитили значительный объем шифровок на русском языке)⁵³⁸.

В мае 1947 г. директору ФБР стало известно о проводимой военным ведомством операции по дешифровке, а с июля к ней присоединилось и Бюро. Д.Э. Гуверу удавалось скрывать получаемую секретную информацию как от президента, так и от руководства Центрального разведывательного управления (ЦРУ)⁵³⁹, с которыми у него были натянутые отношения. В 1948 г. Службе радиоразведки удалось собрать и предоставить ФБР достаточно веские доказательства на тех, от кого могла исходить передаваемая за «железный занавес» информация, но масштаб произошедшей катастрофы в Бюро по-прежнему мало кто мог себе представить или оценить.

Следует отметить, что в первые послевоенные годы Бюро, несмотря на все попытки, так и не выявило ни одного советского агента в США. После событий конца 1945 г. разведка Советского Союза (как внешняя, так и военная) никак себя не проявляла. Но это вовсе не означало того, что она, перейдя на нелегальное положение, снизила свою активность, особенно в вопросе добывания информации по ядерным разработкам потенциального противника.

Раскрытие агентурных сетей, выданных ФБР Э. Бентли, совсем не говорило о том, что на территории Соединенных Штатов не было других, тем более, что разведка, естественно, велась не только по линии НКВД-НКГБ СССР. Исследователи полагают, что численность агентурного аппарата советской внешней разведки в период 1941–1945 гг. составляла более 200 чел., из которой американской контрразведке с течением времени удалось выявить 115⁵⁴⁰.

Проблемой для ФБР стала не только неуловимость советской агентуры, но и ее проникновение в государственные структуры США. Так, через сотрудницу Секции регистрации иностранных агентов центрального аппарата департамента юстиции Д. Коплон, работавшей с разведкой СССР с 1945 по 1949 г., у последней имелся доступ к материалам Бюро. Деятельность Д. Коплон в Вашингтоне позволила своевременно отвести угрозу разоблачения от советских разведчиков, находившихся в оперативной разработке американской контрразведки, а также быть Центру в курсе

деятельности «Хаты» (под этим названием в шифровках фигурировало Бюро)⁵⁴¹.

Источники советской разведки впечатляли как качеством, так и своей численностью. Среди них были административный помощник президента США Л. Карри, ученые, работавшие над проектом атомной бомбы Т. Холл и К. Фукс, старший помощник главы Управления стратегических служб Д. Ли, помощник министра финансов Г. Уайт, помощник госсекретаря по специальным политическим вопросам А. Хисс, глава отдела американских республик Госдепартамента Л. Дагган и многие высокопоставленные чиновники среднего звена в государственной системе Соединенных Штатов⁵⁴².

Вместе с тем, не все американцы, сотрудничавшие с советской разведкой, были информаторами. В свою очередь, на каждого Н. Сильвермастера или М. Гальперина, добывавших секретные документы, приходились кураторы поддержки и связи, такие как А. Сабатини и Э. Бенгли, помогавшие источникам выполнять поставленные задачи. Система сбора разведывательной информации обеспечивалась и сложным функциональным аппаратом: специалисты, определяющие вероятных кандидатов на вербовку, устанавливающие биографию потенциальных источников, курьеры, доставлявшие документы, инструкции и почту, лица, предоставлявшие конспиративные и явочные квартиры, организовывающие прикрытие бизнеса, ответственные за приобретение и изготовление поддельных удостоверений личности, документов прикрытия и т.д. Все они были необходимой частью разведывательного предприятия.

Раскрытие Д. Коплон в 1949 г. (по материалам дешифровок в рамках операции «Венона») лишней раз убедили Д.Э. Гувера в правильности его решений, принятых им в 1945 г. в вопросе противодействия разведывательным устремлениям СССР в Соединенных Штатах. Если до окончания Второй мировой войны активность ФБР и его руководителя сдерживались следованием союзническому долгу и нежеланием политического руководства спровоцировать возможные трения с советским правительством, то после осени 1945 г., с разоблачением Э. Бенгли и побегом шифровальщика советского посольства в Оттаве (Канада) И. Гузенко, проведение активной работы против советской разведки на территории

США уже виделось безальтернативной необходимостью. Но даже после известных событий, контрразведка США потерпела неудачу, попытавшись на фоне использования в своих интересах Э. Бентли организовать оперативную игру с НКГБ СССР. Но двойная игра Э. Бентли вскрылась (в историографии ведутся дискуссии относительно источника, или признаков, благодаря которым это стало возможным), были приняты меры по свертыванию агентурных сетей, а советские разведчики А.В. Горский, И.А. Ахмеров и В.С. Правдин сумели своевременно покинуть Соединенные Штаты в конце 1945 – начале 1946 гг.⁵⁴³

Начавшееся расследование деятельности И. Гузенко в Канаде, к которому подключилось и ФБР, сотрудники которого в количестве 75 (!) человек прибыли в Оттаву, выявило ряд неприятных для руководства американской контрразведки открытий. Выяснилось, что столица Канады являлась координационным центром разведывательной сети советской разведки в Северной Америке (это американцев волновало в меньшей степени), факт приобретения ею источника в Государственном департаменте США⁵⁴⁴, а также то, что степень осведомленности Советского Союза об атомном проекте могла принять уже значительные масштабы⁵⁴⁵.

Более интересную для себя информацию Бюро стало получать от Э. Бентли, несмотря на все сложности работы с ней (американская историография описывает Э. Бентли как женщину неуравновешенную и страдающую алкоголизмом, но в моменты «просветления» демонстрировавшую свою хорошую память)⁵⁴⁶. Ведомство Д.Э. Гувера отрядило на работу в этом направлении 227 сотрудников (!), и от бывшего агента были установлены имена 80 человек, имевших отношение к советской разведывательной сети. В случае с Э. Бентли директор ФБР поверил в ее показания (что делал крайне редко в отношении других подозревавшихся в шпионаже лиц) и посвятил в детали расследования одного из сотрудников британской разведки в Вашингтоне, о которых тот, свою очередь сообщил в Лондон. Далее, благодаря Киму Филби, информация стала достоянием Москвы⁵⁴⁷.

Бюро на основании добытой информации приступило к ликвидации советской разведывательной сети, но тщетно, на основании указаний из Москвы, опередивших активность американцев, она

уже подлежала свертыванию в США, а из указанных Э. Бенгли людей никто не был привлечен к ответственности за шпионаж. Об известных и предполагаемых масштабах деятельности советской разведки в Соединенных Штатах Д.Э. Гувер сообщал и президенту, и министру юстиции, но понимания так и не встретил. Репутация директора и его организации, его сложные отношения с президентом и администрацией работали против него.

В ответ на проваливавшиеся раз за разом попытки убедить руководство страны в том, что все имеющее отношение к коммунизму и СССР подлежит подозрению и искоренению, ФБР приступило к мобилизации имеющихся сил и средств против подрывной и разведывательной деятельности коммунистов в США. Составлялись списки подозрительных лиц, увеличивалось число сотрудников Бюро на предстоящем фронте борьбы, намечались планы расширения сети информаторов, но ситуация приняла совершенно неожиданный оборот, когда вместо увеличения штата, ведомство получило уведомление о его... сокращении. В связи с этим, с середины 1946 г. Бюро сворачивает разведывательные операции в Латинской Америке, отзывая оттуда своих сотрудников⁵⁴⁸.

В годы Второй мировой войны ФБР гордилось и декларировало свою отличную работу и достижения, его директор в феврале 1945 г. докладывал об успешной работе в вопросе обеспечения сохранности секретов государства, конгресс щедро выделял средства на контрразведывательные операции. Уже через полгода американская общественность наблюдала совершенно иную картину – оказалось, что высшие структуры пронизаны шпионской сетью советской разведки, руководство страны вводится в заблуждение относительно реального положения дел по важным политическим и стратегическим вопросам, а секретная информация уже и не является таковой вследствие масштабных утечек⁵⁴⁹. Провал американской контрразведки был впечатляющим.

ФБР часто страдало от недостатка профессионализма и опыта в борьбе с одной из самых успешных разведок мира, несмотря на уже имеющиеся наработки по противодействию спецслужбам Германии и Японии в годы Второй мировой войны. Также, довольно частой причиной неудач становились принципиальность, или ошибки при принятии решений высшим руководством ФБР

(наиболее известные случаи – недооценка поступившей информации о готовящемся нападении Японии на Перл-Харбор в декабре 1941 г. и признаний У. Чемберса). Еще одной значительной, и, по сути, неискоренимой проблемой для Бюро становятся систематические нарушения его оперативниками законности (с безусловного согласия руководства) при проведении операций, выражавшиеся в прослушивании телефонных переговоров, перлюстрации корреспонденции, обысках и похищениях документов, арестах без ордеров, провокациях и т.д. В этой связи следует отметить, что ФБР и его директор не раз становились жертвами своих же нарушений. Так, в период 1943–1944 гг. в поле зрения Бюро попал журнал «Амеразия», члены редакции которого имели связи с американскими коммунистами и, соответственно, подозревались в контактах с советской разведкой. В свете опубликования одной из статей издания, Управление стратегических служб (предшественник ЦРУ) выявило утечку своих секретных материалов, но переданное в ФБР под давлением Госдепартамента дело развалилось в суде вследствие явных и грубых ошибок, допущенных агентами Бюро в процессе сбора доказательной базы⁵⁵⁰.

Существенное ухудшение отношений между СССР и США в первые послевоенные годы, серия разоблачений, предательств и агентурно-оперативная работа американских специальных служб нанесли существенный урон советской разведывательной деятельности в Северной Америке (особенно, в Канаде). Вместе с тем, исследователи отмечают, что успехи ФБР во многом были случайными, и не зависели напрямую от действий самой американской контрразведки⁵⁵¹. «В этом сыграли свою роль детали характера Бентли, неудачное построение агентурных сетей НКВД/НКГБ и ГРУ и неожиданный «подарок» со стороны Гузенко. Сочетание этих факторов было спрогнозировать невозможно...»⁵⁵². Ставка была сделана в большей степени на перехват и криптоанализ советских сообщений из США в Центр. Отныне и более внимательное отношение к рассмотрению дел, имевшихся в юрисдикции и делопроизводстве ФБР стало одной из задач правительства США, что ранее не наблюдалось⁵⁵³.

Начавшееся расследование с использованием материалов операции «Венона» позволили вычислить и одного из основных виновников утечки ядерных секретов США – им оказался немецкий

физик К. Фукс, работавший на советскую разведку с 1941 г., и присоединившийся к «Манхэттенскому проекту» в 1944 г. Осенью 1949 г. его арестовали в Британии. Расследуя всю цепочку связей германского ученого в США, следователи ФБР пытались найти остальных членов группы, похитивших материалы по разработке атомной бомбы, и допросить самого К. Фукса. Однако британские дипломаты не предоставили ФБР такой возможности до вынесения официального приговора. Вместе с тем, следует отметить, что Бюро могло активизироваться в своей работе еще в 1946 г., когда в Канаде был арестован М. Гальперин, ученый, привлеченный к созданию атомной бомбы и работавший на резидентуру ГРУ в этой североамериканской стране. В его записной книжке упоминался К. Фукс, и сведения об этом были доведены до ФБР. С этого момента началось расследование деятельности советской разведки в Соединенных Штатах⁵⁵⁴, хотя, пока и не слишком успешно.

Впоследствии, когда К. Фукса удалось допросить, Бюро получило важные сведения о Г. Голде, советском агенте в Соединенных Штатах и связнике немецкого физика, работавшем на разведку СССР в течение пятнадцати лет. Он также входил в агентурную сеть, курируемую Элизабет Бенгли и его имя фигурировало в досье ФБР с 1947 г., при этом материалы опроса Г. Голда были отправлены в штаб-квартиру Бюро, где были сданы в архив и благополучно забыты.

Учитывая тот факт, что позже в архивах Бюро были обнаружены материалы и о К. Фуксе, на которые не обращалось внимания в течение четырех лет⁵⁵⁵, то можно отметить элементарную халатность и небрежность в работе Бюро. В определенное время этим делом занимался и руководитель контрразведки ФБР Уильям К. Харви, характеризовавшийся в ведомстве как «чудаковатый» и «нестабильный» в силу стабильного употребления им алкогольных напитков, которого директор и уволил в 1947 г. (следующим местом его работы стало ЦРУ). Тем не менее, если бы не признание К. Фукса в содеянном, соответствующее дело в Бюро бы даже и не открыли⁵⁵⁶.

Закономерным итогом, несмотря на качественно продуманную организацию «Манхэттенского проекта», подбор коллектива ученых, стабильность внутривнутриполитической обстановки в США в

начале 1940-е гг. по сравнению с другими странами мира, стало то, что ФБР не удалось избежать утечки материалов по атомным исследованиям (впрочем, как и службе безопасности и военной разведке). В этой связи необходимо учитывать также и то, какое внимание уделялось уровню обеспечения секретности проекта. Так, из 150 тыс. сотрудников, имевших отношение к научно-исследовательским разработкам только 10–15 человек были в курсе задач и всего объема работ⁵⁵⁷, а руководитель программы по линии военного ведомства бригадный генерал Л.Р. Гровс, до конца своих дней пребывал уверенности, что утечку информации следует исключить полностью⁵⁵⁸.

Вместе с тем, в рамках «Манхэттенского проекта» следует упомянуть проведение Бюро расследований слежки за А. Эйнштейном. После Второй мировой войны и с началом «холодной войны» ФБР обратило внимание на то, как А. Эйнштейн горячо выступал против сброса атомной бомбы на Хиросиму и Нагасаки. В мае 1946 г. А. Эйнштейн согласился возглавить недавно созданный Чрезвычайный комитет ученых-атомщиков, который проводил кампанию против разработки ядерного оружия. Более того, А. Эйнштейн все больше отходил от официальной политики американского государства. Известный ученый защищал лидеров коммунистической партии, когда в 1948 г. им были предъявлены обвинения по «Закону Смита». В свое время он пришел на помощь Юлиусу и Этель Розенберг, отправив частное письмо с просьбой об их помиловании И.Р. Кауфману, федеральному судье, приговорившему чету Розенбергов к высшей мере наказания, которое тот, в свою очередь, незамедлительно переадресовал Д.Э. Гуверу, внесшему его в досье на А. Эйнштейна.

Как бы то ни было, по мнению историографии, «резкий перелом в контрразведывательной работе против СССР», наступил «только после окончания Второй мировой войны», и прежде всего из-за неудачи ФБР в вопросе охраны секретов по проекту атомной бомбы⁵⁵⁹. Вместе с тем, Бюро, по-прежнему не обладая широкими возможностями в выборе сил и средств в вопросе противодействия деятельности разведки СССР на территории США, приступило во многом к «классическим» мероприятиям – выявлению контактов и связей советских дипломатов, работавших по линии НКВД (с 1946 г. – МИД) и ООН. Со своей стороны, советская сторона постоянно

наращивала число своих дипломатических представителей в стране⁵⁶⁰.

В 1946 г. ФБР осуществляет аресты и предъявление обвинений лицам из числа военно-технического персонала, имевших отношение к атомным испытаниям, ведет расследование утечки информации по «Манхэттенскому проекту» и отношения к этому советской разведки. Иногда это выливалось и в фальсификацию доказательств («дело Николая Редина»)⁵⁶¹.

Директор ФБР видевший свое ведомство во главе всего американского разведывательного сообщества, требовал все большего предоставления полномочий и ассигнований на проведение операций. Все это совпадало с подъемом в США в первые послевоенные годы забастовочного движения рабочих и Д.Э. Гувер весьма нетривиально обозначал перед политиками различного уровня виновников всего этого – коммунистов, чья численность в Соединенных Штатах уже превзошла число большевиков в России накануне Октябрьского вооруженного переворота 1917 г.⁵⁶²

С 1947 г. Бюро активно начинает реализацию мероприятий в рамках контрразведывательной борьбы, что в первую очередь подразумевало активные действия в отношении коммунистических организаций в США, и параллельно весьма удачно вписывалось в давно устоявшуюся точку зрения Д.Э. Гувера об их антигосударственной деятельности в Соединенных Штатах. ФБР составило списки из подозреваемых лиц, так или иначе имеющих отношение к Коммунистической партии, социалистическому движению, а также имевших принадлежность к этническим группам, переселившихся в США из России и стран Восточной Европы, тем более что Бюро уже имело опыт планирования подобной операции в 1940 г.⁵⁶³ Тогда же была инициирована и проверка государственных служащих на неблагонадежность, в этом случае Бюро проводило проверочные мероприятия для заинтересованного федерального ведомства и сообщало ее результат («За этот период не было раскрыто ни одного случая шпионажа и не было собрано никаких данных, которые бы указывали, что такие случаи действительно имели место»⁵⁶⁴). Такого рода работе отводилось не менее важное значение, чем расследованию дел о шпионаже.

Вместе с тем, без сомнения, на этапе перехода от союзнических отношений к «холодной войне» именно ФБР поучаствовало в укоренении у населения Соединенных Штатов веры во враждебность СССР и коммунистов по отношению к их стране⁵⁶⁵, а приобретя, и сосредоточив достаточно широкий спектр оперативных и следственных функций, Бюро, по сути, стало неподконтрольным со стороны правительственных учреждений и органов власти⁵⁶⁶.

Теоретически, ведомство Д.Э. Гувера примеривало на себя роль политической полиции⁵⁶⁷, готовясь со временем применить присущие ей функции на практике. Вопрос был лишь в том, а как в перспективе это могло помочь американской контрразведке выполнять свои прямые функции, особенно в борьбе с разведывательными устремлениями специальных служб СССР и его союзников? Пока же, в первые послевоенные годы, это противостояние только лишь набирало обороты, где ФБР, путем проб и ошибок шло к совершенствованию методов и средств нейтрализации угроз национальной безопасности Соединенных Штатов.

С.Я. Ковганов
г. Новосибирск

Особенности обучения сотрудников в системе МГБ СССР (на примере Новосибирской межкраевой школы МГБ СССР)

С началом холодной войны пришлось коренным образом реформировать структуру отечественных органов безопасности и перестраивать их работу исходя из изменившейся оперативной обстановки. В 1946 г. в связи с переименованием народных комиссариатов СССР в министерства, Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) СССР стал Министерством государственной безопасности (МГБ) СССР. Приказом № 00107 от 22 марта 1946 г. соответствующим образом были переименованы территориальные управления и управления военной контрразведки⁵⁶⁸. Созданная в мае 1946 г. по поручению Политбюро ЦК ВКП(б) специальная комиссия, проверявшая в процессе приема-передачи дел новому министру состояние дел в МГБ СССР, констатировала наличие в ведомстве ряда серьезных недостатков. 20 августа 1946 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление о состоянии дел в органах государственной безопасности.

Одним из серьезных недостатков, отмеченных в постановлении, была слабая профессиональная подготовка кадров. Она явилась в определенной мере следствием ускоренного обучения и ввода в строй оперативного состава в годы Великой Отечественной войны⁵⁶⁹. Во исполнение решения Политбюро ЦК ВКП(б) министр госбезопасности В.С. Абакумов 26 ноября 1946 г. издал приказ об улучшении работы с кадрами в МГБ СССР. Приказ потребовал от заместителя министра по кадрам «в месячный срок разработать мероприятия по организации надлежащей чекистской учебы в школах МГБ и оперативного состава без отрыва от работы. В мероприятиях предусмотреть профиль школ, изучение иностранных языков, срок обучения, подготовку преподавательского состава и выпуск учебных пособий»⁵⁷⁰.

В 1945–1953 гг. в МГБ была развернута система учебных заведений различных уровней, в целом отвечавшая потребностям времени. В связи с послевоенным сокращением в органах военной контрразведки некоторые сотрудники были уволены, а наиболее способные и энергичные направлялись на учебу. По решению ЦК ВКП(б) были организованы курсы и школы для подготовки руководящего и оперативного состава органов государственной безопасности. Так, например, в свидетельстве об окончании Свердловской школы МГБ СССР от 5 сентября 1950 г. И.А. Фельдшера помимо специальных дисциплин указаны русский язык, литература, экономическая и политическая география СССР и зарубежных стран⁵⁷¹. В 1974 г. генерал-майор И. А. Фельдшеров был назначен начальником Высших курсов военной контрразведки КГБ при Совете министров (СМ) СССР в г. Новосибирске.

В 1946 г. в Новосибирске функционировало два учебных заведения органов государственной безопасности СССР: Новосибирская межкраевая школа (МКШ) НКГБ СССР и Новосибирская школа ГУКР «Смерш» Народного комиссариата обороны (НКО). Школа военной контрразведки после войны продолжала работать в прежнем режиме. В августе 1945 г. был проведен очередной набор курсантов. Количество их несколько сократилось и в последующие 1946 и 1947 г. не превышало 150–180 чел.⁵⁷² По решению центра в марте 1948 г. школа военной контрразведки МГБ СССР была расформирована, а принадлежащее ей имущество, учебный и библиотечный фонд был передан в Новосибирскую школу МГБ СССР. Туда же перешла и некоторые преподаватели⁵⁷³.

С этого времени в Новосибирске продолжала функционировать только межкраевая школа. В 1946–1947 гг. в этой школе серьезной проблемой, как и ранее, был достаточно низкий уровень общеобразовательной подготовки большого числа курсантов. Решение этой проблемы осложнялось отсутствием у многих курсантов опыта самостоятельного овладения учебным материалом, а также недостаточно развитым культурным кругозором. Некоторые органы госбезопасности в силу ограниченности выбора кандидатов на учебу посылали лиц с незаконченным средним образованием. Так, в числе слушателей, принятых на учебу в 1946 г., только 10 % кандидатов имели среднее образование⁵⁷⁴. Преподавателям социально-экономических и общеобразовательных дисциплин, как и

ранее, приходилось искать такие методы преподавания, которые бы позволили в короткие сроки устранить пробелы в общеобразовательной подготовке у слабо подготовленных курсантов. Они требовали к себе особого внимания и постоянной помощи со стороны командования и преподавательского состава. С первых дней учебы появились неуспевающие, которым необходимо было дополнительное время для самостоятельной подготовки и индивидуальная работа с ними. На общем партийном собрании школы 6 сентября 1946 г. в числе обсуждаемых вопросов был доклад начальника учебного отдела И.П. Дюпинского о неудовлетворительных итогах учебы за июль–август, а также сообщение преподавателя русского языка П.И. Пальшиной о дополнительных занятиях по русскому языку⁵⁷⁵.

В 1947 г. в процессе реформирования системы подготовки кадров Новосибирская школа МГБ СССР преобразовалась в Новосибирскую школу переподготовки оперативного состава МГБ СССР⁵⁷⁶, что было продиктовано недостаточным уровнем общего и специального образования у действующих сотрудников. В школе предусматривался только поток переподготовки оперативных сотрудников с годичным сроком обучения. В декабре 1947 г. на учебу были приняты оперативные сотрудники из органов МГБ Сибири и Дальнего Востока. Среди слушателей были начальники районных отделений, старшие оперуполномоченные краевых и областных управлений, а также сотрудники военной контрразведки. У них был различный уровень подготовки и стаж работы в органах госбезопасности. Это учитывалось при формировании учебных групп. Всего на учебу было принято 350 чел., которых распределили в 14 учебных групп по 25 слушателей в каждой. Группы объединялись в два курса⁵⁷⁷. За каждой учебной группой закрепили руководителя из числа преподавателей. При формировании учебных групп учитывалось, чтобы в составе слушателей были лица с высшим образованием, несколько больше – со средним и незаконченным средним образованием. Достаточно большое количество слушателей имело неполное среднее образование. «Перед зачислением в учебную группу слушатели писали диктант по русскому языку и проходили собеседование. Исходя из результатов диктанта и собеседования, руководство школы определяло, в какую

учебную группу зачислить оперативного работника. При формировании учебных групп прошлый оперативный опыт слушателей не учитывался, в каждой учебной группе были сотрудники из территориальных органов и из органов военной контрразведки»⁵⁷⁸.

Руководство школы и преподаватели циклов в короткий срок сумели перестроить учебный процесс и подготовить новую учебно-методическую документацию. Приходилось искать новые формы дополнительных занятий и менять методику организации занятий в зависимости от состава групп.

Учебным планом предусматривалось изучение основ марксизма-ленинизма, специальных дисциплин, уголовного права и уголовного процесса, русского языка и литературы, истории СССР и экономической географии СССР⁵⁷⁹. Как видно из перечисленных дисциплин, серьезное внимание уделялось общеобразовательной подготовке слушателей.

Цикл специальных дисциплин возглавил Н.И. Смирнов, цикл социально-экономических дисциплин – В.К. Иващенко. Они имели специальное образование и опыт оперативной работы. Н.И. Смирнов в 1934 г. окончил Центральную школу ОГПУ. В 1934–1936 гг. работал заместителем начальника политотдела одной из структур НКВД в Красноярском крае, до 1945 г. – сотрудник УНКВД по Красноярскому краю⁵⁸⁰.

В.К. Иващенко в 1939 г. окончил исторический факультет Томского государственного педагогического института, в 1940 г. служил заместителем политрука роты в СибВО. С 1941 г. – сотрудник военной контрразведки в действующей армии, с ноября 1943 г. по март 1944 г. – слушатель Московской школы ГУКР «Смерш» НКО. В 1944 г. преподаватель Новосибирской школы ГУКР «Смерш» НКО⁵⁸¹.

Циклом русского языка и литературы руководил опытный педагог капитан М.Н. Шумляев.

Юридические дисциплины в школе вели преподаватели Новосибирского филиала Всесоюзного государственного юридического заочного института, по истории и географии – преподаватели Новосибирского государственного педагогического института⁵⁸². Такая организация учебного процесса позволила повысить качество и результативность обучения. За время учебы некоторые

слушатели смогли сдать вступительные экзамены в новосибирские вузы для получения заочного юридического или педагогического образования⁵⁸³.

В конце обучения слушатели должны были сдать экзамены по специальной дисциплине, по уголовному праву и уголовному процессу. Интересная деталь: после сдачи экзаменов в феврале 1949 г. выпускников школы поздравил командующий Сибирским военным округом генерал армии А.И. Еременко⁵⁸⁴.

В 1949 г. в Новосибирской школе МГБ вместе с переподготовкой сотрудников территориальных органов госбезопасности были открыты курсы подготовки оперативного состава для органов военной контрразведки с годичным сроком обучения⁵⁸⁵. В августе на этот курс было зачислено 500 чел. Курс состоял из младших офицеров, сержантов и старшин. Различный уровень их военной и общеобразовательной подготовки составлял определенную проблему, которая отчасти решалась за счет продуманного комплектования учебных групп. Они комплектовались таким образом, чтобы туда входили слушатели с разным уровнем подготовки. В первую очередь, более подготовленные слушатели оказывали помощь слабо успевающим товарищам. Такое взаимодействие в группах к тому времени стало традицией еще со времен Новосибирской межкрасовой школы НКВД. Во-вторых, активнее проходил обмен опытом между слушателями в процессе взаимного ежедневного общения между собой и на семинарских занятиях. Как вспоминал слушатель этого набора, в последующем ветеран военной контрразведки генерал-лейтенант Ю.А. Николаев, «большую роль с точки зрения выравнивания подготовленности слушателей сыграли специальные оперативные и юридические дисциплины, являвшиеся одинаково новыми по содержанию для всех слушателей»⁵⁸⁶.

Вместо ушедшего в Могилевскую школу МГБ СССР Д.Ф. Каминского начальником Новосибирской школы назначается подполковник В. М. Осипов, до этого работавший заместителем начальника Саратовской школы МГБ СССР. В марте 1949 г. для выработки наиболее важных решений в области учебно-воспитательной работы учебного заведения был создан ученый совет⁵⁸⁷. Укреплялся и преподавательский состав. Для курса военной контрразведки в 1949 г. на преподавательскую работу в школу

были приняты сотрудники военной контрразведки С.А. Демочкин, Д.В. Денисов и А.И. Корчагин, которые обладали богатым опытом оперативной работы.

Для чтения курса уголовно-процессуального законодательства был приглашен прокурор Новосибирской области, опытный юрист С.А. Ниренштейн. Его лекции неизменно подкреплялись яркими, запоминающимися примерами из богатой личной юридической практики. Некоторые слушатели, впоследствии поступившие на заочные отделения юридических факультетов, опираясь на полученные в школе знания, успешно справлялись с учебой в вузах⁵⁸⁸.

Большое значение для формирования мировоззрения слушателей и расширения их кругозора имели занятия, проводимые на циклах социально-экономических и общеобразовательных дисциплин. Вот что пишет об этом Ю.А. Николаев: «Считаю полезным включение в программу нашего обучения курсов грамматики и орфографии русского языка, современной литературы, а также экономической географии нашей страны. Они были направлены на повышение общей грамотности и широты кругозора будущих оперативных работников и были для нас весьма актуальными»⁵⁸⁹.

Учебный распорядок в школе был достаточно напряженным. Лекции и семинары занимали 8 часов в день, на самостоятельную подготовку отводилось 4 часа.

Женатые слушатели проживали на частных квартирах, а холостяки – в расположении школы, и отлучаться в город могли только с разрешения начальника курса. Начальники курсов подполковник Г.И. Гительман и майор С.Ф. Пажильцев требовательно, но доброжелательно относились к слушателям

Новосибирск 1950-х гг. для большего числа слушателей стал первым в их жизни крупным культурным центром, где была возможность существенно расширить свой кругозор. Новосибирский театр оперы и балета, театр «Красный факел», филармония, концертные залы, музеи, дворцы культуры – вот что посещали слушатели в свободное от учебы время. «Мы стремились посещать их при любой возможности. Посчастливилось, например, послушать И.С. Козловского в “Евгении Онегине”. Всё это не могло не сказаться на общем уровне нашего развития»⁵⁹⁰. Свободное время слушателей было достаточно насыщенным. Вот выписка из плана

празднования Международного дня 8 Марта в 1949 г.: «Доклад. Объявление приказа начальника школы. Концерт. Праздничный ужин. Буфет. Танцы. Начало вечера в 22 часа, окончание в 2 часа ночи»⁵⁹¹.

Многие из выпускников тех лет находили в Новосибирске свое семейное счастье. Ю.А. Николаев пишет: «К зданию школы, расположенному на Красном проспекте, пристало название “Дом женихов”, так как большинство обучающихся были холостяками. После окончания школы многие выпускники обзаводились семьями и сотнями увозили молодых сибирячек с собой»⁵⁹².

В июле 1951 г. Новосибирская школа по переподготовке оперативного состава МГБ СССР была преобразована в Новосибирскую школу по подготовке оперативного состава МГБ СССР⁵⁹³. Основной контингент обучающихся составляли сотрудники военной контрразведки. Можно сказать, что с этого момента учебное заведение в Новосибирске начало работать как школа военной контрразведки. Такое перепрофилирование учебного заведения поставило вопрос о комплектовании штата преподавателей сотрудниками, имеющими опыт работы в органах военной контрразведки. В 1951 г. начальником учебного отдела школы был назначен опытный военный контрразведчик, начальник отделения особого отдела МГБ СССР по Ленинградскому округу, Герой Советского Союза подполковник В.Г. Миловатский⁵⁹⁴. Василий Григорьевич имел педагогическое образование, а также богатый военный и оперативный опыт. Талантливый педагог В.Г. Миловатский вложил много труда и своего опыта в процесс обучения, сделал его ближе к практике оперативной работы. Будучи начальником учебного отдела, Василий Георгиевич, организуя учебный процесс, стремился передать курсантам свой военный и оперативный опыт. В нем успешно сочетался специалист, обладающий навыками оперативно-разыскной работы, и человек, хорошо знающий военное дело. Без преувеличения можно сказать, что при Миловатском стали закладываться основы школы военной контрразведки в Новосибирске.

В августе 1952 г. было принято постановление ЦК КПСС и СМ СССР об улучшении юридического образования в стране. Требования этого документа коснулись и органов государственной безопасности. В целях повышения качества подготовки оперативного

состава для органов военной контрразведки 2 декабря 1952 г. Новосибирская школа реорганизовалась в Среднюю специальную школу № 311 МГБ СССР.

Срок обучения определялся два года. Наряду со специальной подготовкой слушатели должны были освоить программу среднего юридического учебного заведения. Окончившим школу, выдавался диплом о среднем юридическом образовании. К социально-экономическим дисциплинам добавился краткий курс философии, который читал Д.Г. Мызин – опытный контрразведчик, выпускник Центральной школы НКВД СССР и историко-филологического факультета Литературного института им. Н.Г. Чернышевского⁵⁹⁵. В школе создан цикл юридических дисциплин, в учебно-методическом плане которого было 15 предметов. В штат цикла вошли преподаватели, имеющие высшее юридическое образование: А.И. Корчагин, Н.М. Кочнева, В.К. Давыдова⁵⁹⁶.

А.И. Корчагин в 1933 г. окончил Центральную школу ОГПУ. До 1944 г. – на оперативной и партийной работе. С 1944 г. по 1960 г. – преподаватель школы ГУКР НКО «Смерш» и школы № 311 МГБ – КГБ в Новосибирске. В 1954 г. окончил Всесоюзный заочный юридический институт⁵⁹⁷.

Н.М. Кочнева в 1946 г. окончила Свердловский государственный юридический институт по специальности «юрист-преподаватель», до 1953 г. работала заместителем директора по учебной части Новосибирской юридической школы⁵⁹⁸.

Программы таких юридических дисциплин, как «Уголовное право», «Уголовный процесс» и «Криминалистика», включали дидактические единицы, содержание которых позволяло слушателям получить исчерпывающие знания по юридической оценке оперативных материалов, относящихся к подследственности органов МГБ, и качественно с позиции криминалистики проводить процессуальные действия.

В этот период существенно изменилось содержание военной и физической подготовки. Преподавателями и начальниками курсов были назначены офицеры с высшим военным образованием: А.В. Бабушкин, М.И. Кузьмичев, С.Ф. Пажильцев, А.С. Мордовин, А.И. Фомин, А.П. Михайлов, Г.П. Плужников⁵⁹⁹. Военная подго-

товка включала изучение, прежде всего, военной топографии и огневой подготовки. В рамках физической подготовки изучались основы самбо. Ставилась задача научить будущих работников военной контрразведки тому, что им необходимо для работы в войсках. Все слушатели учились ходить на лыжах, хорошо стрелять из личного оружия, владеть основными приемами самбо⁶⁰⁰.

Как свидетельствует опыт Новосибирской межкраевой школы подготовка сотрудников отечественных органов безопасности в конце 1940-х – начале 1950-х гг. отвечала политической и оперативной обстановке того времени. Задачи повышения уровня обучения руководящего и оперативного состава были решены успешно. Прежде всего, была решена задача качественной подготовки преподавателей с акцентом на педагогическую составляющую, был заметно повышен уровень общеобразовательной подготовки слушателей и, наконец, было обращено внимание на их специальную и юридическую подготовку.

О.М. Хлобустов
г. Москва

**Некоторые уроки участия органов КГБ СССР в
оказании интернациональной помощи
Демократической Республике Афганистан
(1978–1982 гг.)**

За годы существования КГБ СССР с 1954 по 1991 г. его сотрудники не раз оказывались вовлеченными в различные по масштабам и интенсивности вооруженные конфликты. Напомним, что отечественная военная наука понимает под вооруженным конфликтом вооруженное противоборство между государствами или социальными общностями внутри отдельных государств, имеющее целью разрешение экономических, политических, национально-этнических и иных противоречий через ограниченное применение военной силы⁶⁰¹.

Самым масштабным и продолжительным подобным вооруженным конфликтом, активное участие в разрешении которого принимали многие сотрудники различных служб и подразделений КГБ СССР, без сомнения, была тайная война международной коалиции против Демократической Республики Афганистан (ДРА). В тоже время, со стороны главного противника – США и их союзников, это был первый опыт проведения гибридной и прокси-войны⁶⁰².

И именно поэтому столь важным является изучение опыта участия подразделений КГБ в этой войне.

В целом вопросам оказания Советским Союзом интернациональной помощи ДРА посвящено немало число как научных, исторических, так и публицистических работ, разумеется, по-разному оценивающих роль сотрудников КГБ СССР в этом противостоянии. Имеются и различные мнения относительно причин решения об оказании интернациональной помощи народу

Афганистана⁶⁰³. Так, А.И. Колпакиди на протяжении длительного времени пропагандирует версию о том, что Ю.В. Андропов был главным инициатором ввода войск в Афганистан, а причиной

ликвидации Х. Амина – то, что, якобы, Амин был «сталинистом»⁶⁰⁴.

«Сразу после образования НДПА, – отмечал автор одного из лучших исследований по Афганской войне А.А. Ляховский, – советское политическое руководство советовало ее лидерам не торопиться с коммунистическими идеями, а в работе с массами больше подчеркивать общедемократический характер партии. Однако советы эти, недостаточно аргументированные и настойчивые, носили сугубо рекомендательный характер и не были в должной мере восприняты Тараки и его соратниками. В последующем это имело самые негативные последствия»⁶⁰⁵.

Выпускник ВКШ КГБ им. Ф.Э. Дзержинского А.Т. Ибрагимов, прибывший в резидентуру в Кабуле в начале августа 1979 г., вспоминал: «Внутриполитическая ситуация в Афганистане долгое время оставалась достаточно стабильной, и работа нашего заграничного аппарата в эти годы не относилась к числу первоочередных приоритетов советской разведки... Одновременно, в соответствии с политической линией ЦК КПСС, направленной на поддержку левых демократических движений в несоциалистических странах, перед советскими загранучреждениями стояла задача поддержки НДПА»⁶⁰⁶.

Этот период истории страны начался 27 апреля 1978 г., когда в Кабуле группа офицеров – членов НДПА, совершила военный переворот, получивший название Саурской (Апрельской) революции. Несмотря на высказывавшиеся различные мнения по этому вопросу, переворот этот не был инспирирован Советским Союзом, а на столь внезапный шаг заговорщиков толкнули слухи о предстоящем неминуемом их аресте. 30 апреля Афганистан был провозглашен Демократической Республикой (ДРА). Председателем Революционного совета (высшего органа власти) и премьер-министром страны был избран генеральный секретарь НДПА Н. М. Тараки, а его ближайшим соратником стал Х. Амин (с сентября 1979 г., после ареста и убийства Тараки, – премьер-министр ДРА).

Апрельская революция оказалась полной неожиданностью как для самих руководителей НДПА, так и для резидентуры КГБ, руководства СССР и США. Сотрудник резидентуры вспоминал: «События развивались в течение суток так быстро, что ни посольство, ни резидентура не успели отреагировать на действия афганских

военных. Советское посольство в Кабуле уже было поставлено перед фактом совершившегося переворота»⁶⁰⁷.

Первые месяцы афганскому руководству удавалось удерживать относительную стабильность в стране. Однако репрессии против духовенства, непоследовательная национальная политика, авантюрные реформы на селе постепенно привели к появлению в стране протестных настроений, «которые за короткое время переросли в вооруженное сопротивление власти. Положение усугублялось борьбой между двумя крыльями НДПА «Хальк» и «Парчам», которой тогдашние лидеры Афганистана уделяли гораздо больше внимания, чем борьбе с набиравшими силу оппозиционными группами»⁶⁰⁸.

Вынужденно поддерживая раздираемую межфракционными противоречиями НДПА, советское руководство, о чем было известно и в Вашингтоне, и в Исламабаде, рекомендовало новому правительству ДРА не форсировать социалистические социальные преобразования в традиционном полуфеодальном обществе.

Уже в июле 1978 г., вследствие значительных перегибов в политике, о чем ЦК КПСС информировала разведка КГБ, вспыхивают первые антиправительственные вооруженные выступления в провинциях Бадахшан, Бамиан, Кунар, Пактия, которые жестоко подавлялись властями. А к концу 1979 г. боевые действия правительственных сил с поддерживавшимися из-за рубежа Пакистаном, Ираном, а также Великобританией и США «повстанцами», велись в 18 из 26 провинций Афганистана.

Вследствие этого к лету 1979 г. в Пакистане появились до 400 тыс. беженцев из северных и центральных провинций ДРА. Этот многочисленный контингент закономерно привлек внимание Межведомственного разведывательного управления Пакистана, которое и ранее поддерживало находившиеся здесь заграничные штабы радикальных исламистских организаций, пытавшихся бороться еще против политики свергнутого в апреле 1978 г. президента М. Дауда.

В ответ на просьбу правительства ДРА, на основании Постановления Совета Министров СССР от 30 июня 1978 г., приказом Ю.В. Андропова в Кабуле было создано Представительство КГБ, а соглашение между КГБ СССР и Службой государственной информации (СГИ) Афганистана о формах сотрудничества было

подписано 5 августа того же года⁶⁰⁹. Начальником Представительства КГБ был назначен разведчик полковник Л.П. Богданов.

Представительство имело в своей структуре отделы по отдельным направлениям и линиям оперативно-служебной деятельности – разведка, контрразведка, борьба с терроризмом и вооруженным сопротивлением, для оказания советнической помощи в становлении органов СГИ Афганистана.

Следует особо подчеркнуть, что участие КГБ в Афганской войне отличается постепенным развитием беспрецедентно разветвленной структуры участвующих подразделений и широтой решаемых ими задач. Так, помимо разведывательной резидентуры ПГУ в Кабуле, Представительство КГБ СССР, а затем, в середине лета 1979 г. появились нештатные оперативные группы Курсов усовершенствования офицерского состава (КУОС), позже – спецгруппы «Гром» и «Зенит», несмотря на свою малочисленность, сыгравшие важную роль в истории Афганистана. Помимо этого, с конца декабря 1979 г. в республику прибыли военные контрразведчики 40-й армии, с июля 1980 г. – оперативные группы КГБ «Каскад» и «Омега», подразделения пограничных войск⁶¹⁰.

В связи с осложнением обстановки в Афганистане в июне 1979 г. руководство КГБ принимает решение о формировании из курсантов КУОС спецотряда «Зенит», и уже 5 июля группа из 40 выпускников и сотрудников Курсов отбыла в Кабул (большинство ее участников вернулось в Москву в сентябре).

В связи с принятием советским руководством 12 декабря 1979 г. решения о проведении упреждающей спецоперации, в Кабул вновь были отправлены около 100 выпускников и слушателей КУОС под руководством Г.И. Бояринова и Э.Г. Козлова⁶¹¹.

21 декабря 1979 г. в составе отдела «А» 7-го управления КГБ экстренно была сформирована нештатная группа «Гром» во главе с заместителем начальника отделения майором М.М. Романовым, а уже 26 декабря в Кабуле 22 бойцам «Грома» были объявлены боевые задачи в рамках операций «Байкал – 79» и «Шторм – 333». Первая из них предполагала установление контроля над рядом стратегических объектов в разных районах Кабула – зданий Царандоя (МВД), штаба ВВС, Центрального телеграфа и других. Вторая предусматривала одновременное овладение объектом «Дуб» – укрепленным и хорошо охранявшимся дворцом Тадж-Бек

премьер-министра Х. Амина. Операция проводилась совместно с так называемым «мусульманским батальоном» – 7-м отрядом 15-й Отдельной бригады специального назначения ГРУ Генштаба ВС СССР в военной форме, по внешнему виду похожей на афганскую⁶¹².

Из 52 пошедших на штурм дворца Тадж-Бек бойцов «Зенита» и «Грома», на второй этаж смогли прорваться только шестеро...

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 г. № 1977 за успешное выполнение задания по оказанию интернациональной помощи ДРА и проявленные при этом мужество и героизм было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» полковнику Г.И. Бояринову (посмертно), капитану II ранга Э.Г. Козлову и капитану В.Ф. Карпухину.

С декабря 1979 г. по июнь 1980 г. бойцы Группы «А» обеспечивали безопасность высших должностных лиц Народно-демократической партии и руководителей ДРА, а 27–30 января 1980 г. – безопасность председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова в ходе его конфиденциального визита в Кабул⁶¹³.

Нам представляется немаловажным следующее мнение об освещении советскими СМИ проведенной операции в Кабуле: «В конце 1979 г. каких-либо достоверных сведений о возможном прямом военном вмешательстве США в Афганистан у нас не было. Информация на эту тему в советских СМИ носила пропагандистский характер с целью оправдать ввод советских войск в Афганистан, так как американская угроза лучше укладывалась в сознании советских людей, привыкших к противостоянию двух сверхдержав в то время, как «исламский экстремизм» был еще малоизвестен.

При принятии решения о свержении Х. Амина во внимание принимались и нарастающая исламизация региона Среднего Востока после прихода к власти в Иране ортодоксального духовенства, активизация антиафганской деятельности пакистанских спецслужб в зоне пуштунских и белуджских племен, а также увеличение численности бандформирований исламской оппозиции в самом Афганистане. К этому моменту исламская оппозиция при участии американских инструкторов стала создавать в Пакистане

свои тренировочные лагеря для обучения методам ведения партизанской войны, а также базы оружия, поступавшего в основном из Ливии, Саудовской Аравии и Китая, для дальнейшей переправки в Афганистан.

В то же время существенно выросшая в связи с событиями в Иране группировка ВМС США в районе Персидского залива вблизи южных границ Афганистана создавала напряженность в этом регионе, что также не могло не учитываться советским руководством в качестве негативного геополитического фактора»⁶¹⁴.

Следует добавить, что проводившаяся в 1979–1989 гг. операция «Циклон» была, по признанию журнала «The Time», «одной из самых продолжительных и самых дорогостоящих тайных операций ЦРУ с целью предотвращения», как полагало правительство США, «попытки экспансии СССР на Ближний Восток с целью контроля над нефтяными запасами региона». Одним из получателей военной помощи от США был Усама бен Ладен. Финансирование программы началось с 20–30 млн долларов США в год, и к 1987 г. достигло уровня 630 млн долларов в год⁶¹⁵.

В этой связи, возвращаясь к декабрю 1979 г., когда Политбюро ЦК КПСС приняло решение о вводе Ограниченного контингента советских войск в ДРА, следует признать, что далеко не все риски и последствия этого шага были предусмотрены и «просчитаны» советской стороной. Хотя уже в 1980 г. Ю.В. Андропов дал указание генерал-майору Ю.И. Дроздову готовить план обеспечения вывода войск из Афганистана: хороший политик должен уметь предвидеть не только необходимые последующие действия и шаги, но и заблаговременно подготавливать их...

Сотрудники «Альфы» также входили в спецотряды КГБ СССР «Каскад – 2» (январь – июнь 1981 г.), действовавшие в Афганистане. Первый отряд «Каскад» прибыл в Кабул 25 июля 1980 г. Его задачами, согласно приказу председателя КГБ, были: оказание помощи правительству ДРА в создании территориальных органов безопасности; организация агентурно-оперативной работы против бандформирований «моджахедов»; организация и осуществление спецмероприятий против наиболее одиозных противников кабульского правительства⁶¹⁶.

Следует также уточнить, что после ликвидации диктатуры Амина, Управление по защите интересов Афганистана (АГСА)

было реорганизовано в Службу государственной безопасности (СГБ), или ХАД. Ее руководителем был назначен врач по образованию М. Наджибулла.

Для обучения сотрудников этой спецслужбы, оказания им советнической помощи и налаживания оперативно-разыскной работы, в Афганистан командировалось, после соответствующей подготовки, немалое число опытных оперативных сотрудников различных подразделений КГБ СССР.

Из числа последствий опыта, приобретенного чекистами при проведении операций в 1979–1980 гг. в Афганистане, прежде всего, следует отметить конкретизацию требований к компетенциям и подготовке сотрудников, направляемых в зону напряженной оперативной обстановки.

Такая подготовка была организована управлением кадров КГБ с 1979 г. на целевых курсах при ВКШ им. Ф.Э. Дзержинского, при Краснознаменном институте и Высших курсах КГБ (г. Ташкент). Так, в ВКШ им. Ф.Э. Дзержинского был создан центр для подготовки будущих сотрудников Представительства КГБ при органах ХАД, сотрудников подразделений КГБ специального назначения и особых отделов КГБ по 40-й армии⁶¹⁷.

Также с учетом опыта боевых действий в Афганистане спецотрядов «Зенит» и «Гром», Ю.В. Андропов убедил членов Политбюро ЦК КПСС в целесообразности образования в структуре КГБ подразделения «специального назначения для проведения операций за пределами СССР». И на основании принятого постановления 19 августа 1981 г. председатель КГБ СССР подписал приказ об образовании и Положение об Отдельном учебном центре – так была зашифрована группа спецназначения ПГУ «Вымпел» в приказе о ее формировании. В тот же день начальником ОУЦ КГБ был назначен Э.Г. Козлов⁶¹⁸.

В целом опыт и уроки различных направлений деятельности органов КГБ в Афганистане, примеры решений нетипичных задач, не только изучались по «горячим следам», но и активно внедрялись в образовательный процесс во всех специальных образовательных учреждениях Федеральной службы безопасности России. И этот опыт действий в условиях сложной оперативной обстановки оказался крайне востребованным в последующие годы.

Примечания

¹ *Каменских М.С.* Китайцы, корейцы, японцы, водворенные в Пермскую губернию в годы русско-японской войны // Уральский исторический вестник. 2009. № 3 (24). С. 49–53; *Карасев С.В.* Японцы в русском плену. От русско-японской войны 1904–1905 гг. до Халхин-Гола // Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии: в 2-частях. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол. Чита, 2014. С. 60–64; *Иванов А.А., Кузнецов С.И.* Деятельность политической полиции среди японцев на территории Иркутской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2022. № 2 (46). С. 64–66; *Хохлов И.В.* Каждому пленному офицеру – по стакану виски в день! // Родина. 2024. № 3. С. 107–111.

² *Воробьева Э.А.* Образ Японии и японцев в прессе Дальнего Востока и Западной Сибири в годы русско-японской: сравнительный анализ. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. № 1. С. 159–163; *Она же.* «Прекрасная страна Япония, прекрасная страна Россия»: формирование и восприятие образа врага // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1. № 1 (35). С. 164–182.

³ *Пылькин В.А.* Подозрительные иностранцы в русской глубинке в годы Первой мировой войны и после ее окончания. Ч. 1–2. М., 2020.

⁴ Там же. Ч. 1. С. 181.

⁵ Подробнее об этом: *Аленко Н.А.* Российско-японские экономические отношения на Дальнем Востоке России: 1855–1903 гг.: дис... канд. истор. наук. Хабаровск, 2009.

⁶ *Меньшиков М.О.* Письма к ближним: Полное собрание в 16 т. СПб., 2019. Т. 1. 1902. С. 710.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 140. 5 д-во. Д. 174. л. Б. Л. 93.

⁸ Там же. Л. 148.

⁹ Там же. Л. 506.

¹⁰ Там же. Л. 509.

¹¹ Там же. Л. 543.

¹² Там же. Л. 556.

¹³ Там же. Л. 516.

¹⁴ Там же. Л. 90.

¹⁵ Там же. Л. 113.

¹⁶ Там же. Л. 7.

-
- ¹⁷ Там же. Л. 211.
- ¹⁸ Там же. Л. 223.
- ¹⁹ Там же. Л. 252.
- ²⁰ Там же. Л. 330–332.
- ²¹ Подробнее об этом: *Медведев С.В.* Переписка начальников местных розыскных учреждений с Департаментом полиции в 1907 году // *Клио*. 2018. № 10 (142). С. 28.
- ²² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 105. Д. 2. Л. 102.
- ²³ Там же. Оп. 140. 5 д-во. Д. 174. Л. Б. Л. 518, 520.
- ²⁴ Там же. Л. 530.
- ²⁵ Там же. Л. 577.
- ²⁶ Там же. Л. 28.
- ²⁷ Там же. Л. 143.
- ²⁸ Там же. Л. 146.
- ²⁹ Там же. Л. 155.
- ³⁰ Там же. Л. 158.
- ³¹ *Хохлов И.В.* Указ. соч. С. 110.
- ³² Там же. С. 107.
- ³³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 140. 5 д-во. Д. 174. л. Б. Л. 125.
- ³⁴ *Стрельцов Д.В.* Японские военнопленные русско-японской войны в Аракчеевских казармах Новгородской губернии // *Ежегодник Японии*. 2022. Т. 51. С. 125.
- ³⁵ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 3. Т. 1. № 350.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 52. Л. 28.
- ³⁷ Там же. Л. 28 об.
- ³⁸ Там же. Л. 30.
- ³⁹ Там же. Л. 32.
- ⁴⁰ *Особые журналы Совета министров Российской империи*. 1916 год. М., 2008. С. 352.
- ⁴¹ *Борисов А.* Три века российской полиции. Служение обществу. Защита Отечества / А. Борисов, А. Малыгин, Р. Мулукаев. М., 2016. С. 479.
- ⁴² ГАРФ. Ф. 494. Оп. 2. Д. 14. Л. 2 об.
- ⁴³ *Лантев А.К.* Первая мировая война: новые обязанности полиции и жандармерии в 1914–1915 годах (на материалах Смоленской губернии) // *Известия Смоленского государственного университета*. 2016. № 305. С. 295–300.
- ⁴⁴ *Богомолов И.К.* Российский политический сыск в годы мировой войны и революции // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2020. № 4(36). С. 351–355.
- ⁴⁵ *Зверев В.О.* «Закон об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства»: от замысла к реальности (1911–

1912) // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. «№ 3 (40). С. 20–26.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 121. Л. 44.

⁴⁷ Там же. Л. 45.

⁴⁸ *Постников Н.Д.* Политический террор партии активного сопротивления Финляндии и леворадикальных организаций в Великом княжестве Финляндском в 1903–1907 гг. // Журнал политических исследований. Т. 6. № 4. 2022. URL: <https://nauka.ru/ru/nauka/article/55790/view> (дата обращения: 26. 06. 2024).

⁴⁹ Особые журналы Совета Министров Российской империи. 1911. №105. 14 октября. М., 2002. С. 401.

⁵⁰ *Сидорчик А.* «Проклятый Бобриков». За что финны возненавидели русского генерала // Аргументы и факты. 2019. 15 февраля.

⁵¹ *Федоров М.А.* К вопросу об инструкции Финляндскому жандармскому управлению 1903 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013–2024. URL: <http://history.jes.su> (дата обращения: 18. 06. 2024).

⁵² *Постников Н.Д.* Указ. соч.

⁵³ ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XX. Отделение первое. 1900. № 18280. СПб., 1905. С. 236–237; *Федоров М.А.* К вопросу об инструкции Финляндскому жандармскому управлению 1903 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013–2024. URL: <http://history.jes.su> (дата обращения: 18. 06. 2024).

⁵⁴ ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXIII. Отделение первое. 1903. №№: 22570, 22639. СПб., 1905. С. 102–107, 145–147.

⁵⁵ ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXIII. Отделение первое. 1903. № 22636. СПб., 1905. С. 143–145.

⁵⁶ Там же. № 22688. СПб., 1905. С. 170–171.

⁵⁷ Там же. № 23036. СПб., 1905. С. 558–559.

⁵⁸ Там же. Т. XXIV. Отделение первое. 1903. № 24572. СПб., 1905. С. 488–490.

⁵⁹ «Войма» // Советская историческая энциклопедия. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/3536/ВОЙМА> (дата обращения: 28.06. 2024).

⁶⁰ Особые журналы Совета Министров Российской империи. 1911. № 105. 14 октября. М., 2002. С. 394–402.

⁶¹ Особые журналы Совета Министров Российской империи. 1912: № 53. 17 мая, № 105. 5 декабря. То же. 1913: № 21. 7 февраля. То же. 1914: № 33. 20 марта. М., 2002. С. 194–195, 392–393, 109–110, 144–145.

⁶² Там же. 1913. № 48. 25 апреля. М., 2002. С. 222.

⁶³ Там же. С.223.

⁶⁴ Там же. 1914. № 33. 20 марта. М., 2002. С. 144.

⁶⁵ Там же. 1915. № 220. 20 марта. М., 2002. С. 144.

⁶⁶ *Зверев В.О.* Немецкий шпионаж и борьба с ним в Великом княжестве Финляндском (по документам военной контрразведки) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskiy-shpionazh-i-borba-s-nim-v-velikom-knyazhestve-finlyandskom-po-dokumentam-voennoy-kontrrazvedki> (дата обращения: 29.06.2024).

⁶⁷ *Мусаев В.И.* Первая мировая война и финляндская оппозиция в 1914–1917 гг. // Россия в глобальном мире. 2015. №6 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervaya-mirovaya-voyna-i-finlyandskaya-oppozitsiya-v-1914-1917-gg> (дата обращения: 29.06.2024).

⁶⁸ *Батюшин Н.С.* Тайная военная разведка и борьба с ней. [Б.м.], 2002. С. 143–144.

⁶⁹ *Яковлев Л.С.* Контрразведка в системе обеспечения безопасности России (вторая половина XIX века – октябрь 1917 года). М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2008. С. 176.

⁷⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 15. Д. 790. Л.1.

⁷¹ *Звонарев К.К.* Агентурная разведка. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. Киев: Издательский дом «Княгиня Ольга», 2005. С. 438.

⁷² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2031. Оп. 4. Д. 1349. Л. 9–10; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1916. Д. 39.Л. 163.

⁷³ *Кирмель Н.С.* Жандармерия и контрразведка в годы Первой мировой войны. М.: Вече, 2021. С. 297.

⁷⁴ *Никитинский И., Софинов П.* Немецкий шпионаж в России во время войны 1914–1918 гг. М.: ОГИЗ, 1942. С.13.

⁷⁵ *Устинов С.М.* Записки начальника контрразведки (1915–1920). Белград, 1922. С. 38.

⁷⁶ *Звонарев К.К.* Указ. соч. С. 620.

⁷⁷ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 8. Д. 310. Л. 555.

⁷⁸ Там же. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 564. Л. 36–39.

⁷⁹ Там же. Л. 9–14.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. Ф. 2106. Оп. 8. Д. 184. Л. 35, 96–97.

⁸² *Звонарев В.В.* Указ. соч. С. 438.

⁸³ *Николаи В.* Тайные силы. М.: Принципиум, 2015. С. 129–130.

⁸⁴ *Зверев В.О.* Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу в Санкт-Петербурге накануне Первой мировой войны: 1910–1914 гг.: дис... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 151–152.

-
- ⁸⁵ ГАРФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 242. Л. 469–470.
- ⁸⁶ Там же. Д. 374. Л. 248.
- ⁸⁷ *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 270–271; ГАРФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 242. Л. 471–472.
- ⁸⁸ РГВИА. Ф. 2122. Оп. 7. Д. 1. Л. 116, 314, 327, 443.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 219. Л. 55–56.
- ⁹⁰ Там же. Л. 216.
- ⁹¹ Там же. Л. 221–222.
- ⁹² *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Указ. соч. С. 269.
- ⁹³ ГАРФ. Ф. 239. Оп. 1. Д. 11. Л. 339.
- ⁹⁴ *Галвазин С.Н.* Охранные структуры Российской империи. Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М.: Совершенно секретно, 2001. С. 64, 74, 78–79.
- ⁹⁵ ГАРФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 374. Л. 248.
- ⁹⁶ Там же. Ф. 58. Оп. 16. Д. 32. Л. 29–33.
- ⁹⁷ *Батюшин Н.* Указ. соч. С. 127.
- ⁹⁸ *Устинов С.М.* Указ. соч. С. 32–33.
- ⁹⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 11. Л. 173.
- ¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 3. Л. 170; Оп 3. Д. 393. Л. 23–24; Д. 438. Л. 9; Оп. 4. Д. 228. Л. 6.
- ¹⁰¹ Там же. Ф. 130. Оп. 2. Д. 91. Л. 2.
- ¹⁰² Там же. Л. 4, 7, 8, 13, 33.
- ¹⁰³ Там же. Ф. 393. Оп. 6. Д. 109. Л. 1–3об.
- ¹⁰⁴ Ф.Э. Дзержинский – Председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926. М.: МФД: Материк, 2007. С. 76.
- ¹⁰⁵ В.И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917–1922 гг.). 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1987. С. 87.
- ¹⁰⁶ Архив ВЧК: Сборник документов. М.: Кучково поле, 2007. С. 277.
- ¹⁰⁷ Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991: справочник. М.: МФД, 2003. С. 318–319.
- ¹⁰⁸ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921: Сборник документов. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1958. С. 203–204; Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ... С. 319–320.
- ¹⁰⁹ Архив ВЧК... С. 205.
- ¹¹⁰ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 42.
- ¹¹¹ *Попов А.Ю., Соколов А.С.* Щит и меч власти большевиков. Очерки истории ВЧК. М.: Директмедиа Паблишинг, 2022. С. 119.

-
- ¹¹² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 66. Д. 66. Л. 2.
- ¹¹³ Там же. Д. 73. Л. 115.
- ¹¹⁴ Архив УФСБ по Нижегородской области. ОФ. Оп. 1. Д. 31. Т.2. Л. 41–41об.
- ¹¹⁵ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии... С. 165–166.
- ¹¹⁶ *Попов А.Ю., Соколов А.С.* Указ. соч. С. 126.
- ¹¹⁷ Архив УФСБ по Нижегородской области. ОФ. Оп. 1. Д. 31. Т.2. Л. 50.
- ¹¹⁸ Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ... С. 410.
- ¹¹⁹ *Шаталов Е.А.* Правовое положение сотрудников местных органов ВЧК // История государства и права. 2011. № 19. С. 34–39.
- ¹²⁰ Архив УФСБ по Нижегородской области. ОФ. Оп. 1. Д. 31. Т. 3. Л. 44–44об.
- ¹²¹ *Попов А.Ю., Соколов А.С.* Указ. соч. С. 126.
- ¹²² *Шаталов Е.А.* Указ. соч. С. 34–39.
- ¹²³ *Яковлева М.А.* МЧК. Московская чрезвычайная комиссия. М., 2011. С. 77.
- ¹²⁴ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 66. Л. 3–4.
- ¹²⁵ Там же. Д. 70. Л. 24.
- ¹²⁶ Там же. Д. 101. Л. 1–2 об.
- ¹²⁷ В.И. Ленин и ВЧК. С. 57, 71.
- ¹²⁸ *Попов А.Ю., Соколов А.С.* Указ. соч. С. 128.
- ¹²⁹ Политбюро и органы государственной безопасности. М.: Кучково поле, 2017. С. 83.
- ¹³⁰ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии... С. 281.
- ¹³¹ На защите революции. Из истории Всеукраинской Чрезвычайной комиссии 1917–1922 гг.: Сборник документов и материалов. Киев: Изд-во политической литературы Украины, 1971. С. 136–137.
- ¹³² Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии... С. 409.
- ¹³³ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 208.
- ¹³⁴ *Коржихина Т.П.* Извольте быть благонадежны! М., 1997. С. 34.
- ¹³⁵ Инструкция о правах и обязанностях Советов // Опубликовано в № 41 газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 24 декабря 1917 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942.
- ¹³⁶ ПСЗРИ. Собрание Третье. Т. XXVI. 1906. Отд. 1. № 27479. СПб., 1909. С. 201–207.
- ¹³⁷ Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1922 г. М., 1950. С.914, 1100–1101.

- ¹³⁸ *Ильина И.Н.* Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2000. С. 31.
- ¹³⁹ *Шаповалова Л. Д.* Государство и общественные объединения России в XX – начале XXI в.: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2022.
- ¹⁴⁰ Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1922 г. М., 1950. Ст. 497. С. 914; Ст. 624. С. 1100–1101.
- ¹⁴¹ «Совершенно Секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т.1 1922–1923 г., ч.1, Москва, 2001. URL: <https://istmat.info/> (дата обращения: 27.12.2024).
- ¹⁴² *Шаповалова Л. Д.* Указ. соч.
- ¹⁴³ См. например: *Ямпольская Ц.А.* Общественные организации в СССР: Некоторые полит. и орг.-правовые аспекты. М.: Наука, 1972; *Туманова А.С.* Государственно-правовое регулирование деятельности общественных организаций России в начале XX века: историко-юридическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.
- ¹⁴⁴ В.И. Ленин и ВЧК: Сб. документов (1917–1922 гг.). М., 1987. С. 23–24.
- ¹⁴⁵ Поли. собр. соч. 1974. Т. 35. С. 357–358.
- ¹⁴⁶ *Велидов А.С.* Красная книга ВЧК. В 2 т. М.: Политиздат, 1989. Т. 2. С. 97.
- ¹⁴⁷ Там же.
- ¹⁴⁸ *Софинов П.Г.* «Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (1917–1922 гг.)». URL: <https://military.wikireading.ru/hGTlrAGPYN?ysclid=m3hduhrwad930862217> (дата обращения: 17.12.2024).
- ¹⁴⁹ *Колонтаев К.В.* История создания и последующей деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК) в 1917–1922 годах. URL: http://samlib.ru/k/kolontaew_k_w/kkolontaew_k_w-118.shtml?ysclid=m4sqv50onx286367653 (дата обращения: 16.12.2024).
- ¹⁵⁰ *Кудряков В.В.* Большая российская энциклопедия 2004–2017 гг. URL: <https://old.bigenc.ru/du/domes-tic-history/text/2253628?ysclid=m5wm1serzi53808367> (дата обращения: 27.12.2024)
- ¹⁵¹ Словарь-справочник по военно-исторической терминологии. М.: Гуианит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. С. 133.
- ¹⁵² *Попов В.П.* Система среднего специального образования в СССР и РФ в 1917–2000 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 40.
- ¹⁵³ Там же. С. 33.
- ¹⁵⁴ Военная энциклопедия: в 8 т. М.: Воениздат, 1994. Т. 2. С. 231.
- ¹⁵⁵ Там же.
- ¹⁵⁶ Сборник документов: Политбюро и органы государственной безопасности. М.: Кучково поле, 2017. С. 83.

- ¹⁵⁷ Из истории ВЧК 1917–1921 гг.: сборник документов. М.: Госполитиздат, 1958. С. 409.
- ¹⁵⁸ Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М.: Кучково поле, 2006. С. 225.
- ¹⁵⁹ Сборник документов: Политбюро и органы государственной безопасности. М.: Кучково поле, 2017. С. 110.
- ¹⁶⁰ Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД: Материк, 2006. С. 31.
- ¹⁶¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 12 т. М., 1964. Т. 2 (ноябрь 1918 г. – апрель 1920 г.). С. 239.
- ¹⁶² Пилсудский Ю. 1920 год. М., 1926. С. 47.
- ¹⁶³ Центральный архив Минобороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 200. Оп. 1. Д. 176. Л. 4.
- ¹⁶⁴ Зорихин А.Г. Деятельность органов военной разведки Японии против СССР в 1922–1945 гг. // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. Книга шестая. М., 2022. С. 471, 473–474.
- ¹⁶⁵ Кирмель Н.С., Шинин О.В. Красные против белых. Спецслужбы в Гражданской войне 1917–1922. М., 2016.
- ¹⁶⁶ Зданович А.А. Польская разведка против Красной Армии. 1920–1930-е годы // Военно-исторический журнал. 2007. № 10. С. 32–36.
- ¹⁶⁷ Лубянка: Из истории отечественной контрразведки. Изд. 3-е. доп. М., 2007. С. 175–179.
- ¹⁶⁸ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 6. Оп. 12. Д. 23. Л. 125.
- ¹⁶⁹ Там же. Ф. 104. Оп. 12. Д. 2860. Л. 8.
- ¹⁷⁰ ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия / Авт.-сост. А.М. Плеханов, А.А. Плеханов. М.: Вече, 2013. С. 29.
- ¹⁷¹ История России XX – начала XXI века / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова; под ред. Л.В. Милова. М.: Эксмо, 2010. С. 339.
- ¹⁷² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 109, 400.
- ¹⁷³ ВЧК. 1917–1922... С. 30.
- ¹⁷⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 110–111.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 400.
- ¹⁷⁶ ВЧК. 1917–1922... С. 30.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ Исторические записки. Т. 29. М., 1947. С. 9.
- ¹⁷⁹ Из истории ВЧК. М.: Госполитиздат, 1958. С. 417–421.
- ¹⁸⁰ Известия ВЦИК. 1922. 16 декабря.

-
- ¹⁸¹ Красный путь. № 221. 1922. 29 сентября.
- ¹⁸² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 177–178.
- ¹⁸³ ВЧК. 1917–1922... С. 30.
- ¹⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 404. Л. 11–15.
- ¹⁸⁵ Тэраяма К. Маньчжурский инцидент и СССР. Acta Slavica Japonica Tomus XIV, 1996. Sapporo, Japan; С. 125.
- ¹⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 185. Л. 1–9.
- ¹⁸⁷ Там же. Л. 15–36.
- ¹⁸⁸ Там же. Д. 171. Л. 91–101.
- ¹⁸⁹ Тэраяма К. Указ. соч. С. 181–182.
- ¹⁹⁰ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 240. Л. 141–144.
- ¹⁹¹ Там же. Д. 244. Л. 58–74.
- ¹⁹² Там же. Д. 246. Л. 1.
- ¹⁹³ Там же. Л. 79.
- ¹⁹⁴ Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 38. Л. 12–13.
- ¹⁹⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 247. Л. 113–117.
- ¹⁹⁶ Там же. Л. 104.
- ¹⁹⁷ Там же. Л. 129–155.
- ¹⁹⁸ Там же. Л. 158.
- ¹⁹⁹ Там же. Д. 54. Л. 43–45.
- ²⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 404. Л. 83–88.
- ²⁰¹ Агабеков Г. ГПУ. Записки чекиста. Берлин, 1930. С. 174–175.
- ²⁰² Соколов-Страхов К.И. Гражданская война в Афганистане 1928–1929 гг. М., 1931. С. 30–31.
- ²⁰³ Агабеков Г. Указ. соч. С. 176.
- ²⁰⁴ Неизвестный поход в Афганистан // Союз ветеранов ВИИЯ. URL: <http://www.vkimo.com/node/451> (дата обращения: 21.10. 2024); Муромов И. А. Томас Эдвард Лоуренс (1888–1935) // Сто великих авантюристов. М.: Вече, 2000.
- ²⁰⁵ О कोरोков А. В. Советское военное сотрудничество со странами азиатского континента. URL: <http://www.chekist.ru/article/3794> (дата обращения: 21. 10. 2024); Антекаръ П. Специальные операции Красной Армии в Афганистане в 20-е годы. URL: <http://www.rkka.ru/oper/afg/afg.htm> (дата обращения: 21.10. 2024).
- ²⁰⁶ Попов А.Ю. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М.: Издательство «ОЛМА-ПРЕСС Образование». С. 83.
- ²⁰⁷ Абдуллаев К. История в лицах, Бачаи Сако. Ч. II. URL: <http://kamolkhon.com/история-в-лицах-бачаи-сако-удалец-из-х/> (дата обращения: 21. 10. 2024).
- ²⁰⁸ Неизвестный поход в Афганистан.
- ²⁰⁹ Абдуллаев К. Указ. соч.

²¹⁰ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1 Д. 696. Л. 615 об. – 617; Л. 615 об., 617; Л. 614–615; Д. 923. Л. 24; Д. 696. Л. 613.

²¹¹ *Аптекарь П.* Указ. соч.

²¹² *Князев А. А.* История афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии. 2-е изд. Бишкек: КРСУ, 2001. С. 15.

²¹³ В пламени и славе: Очерки истории Краснознамённого Сибирского военного округа. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1988. С. 50–54.

²¹⁴ *Дацьшен В. Г.* РККА в советско-китайском противостоянии летом 1929 года в районе Саньчакоу // Военно-исторический журнал. 2017. № 5. С. 14–15.

²¹⁵ *Кротова М. В.* СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920-е – 1950-е гг.): дис... д-ра ист. наук. СПб., 2014. С. 218.

²¹⁶ *Николаев С.* «Маки-Мираж». Из истории отечественных спецслужб. Хабаровск, 2000. С. 56.

²¹⁷ *Егоров Н., Мусин Ф.* В обстановке конфронтации и нестабильности // ФСБ: за и против. 2023. № 5 (87). С. 59.

²¹⁸ *Егоров Н.А., Цыбин А.Ю.* Белоэмигрантские организации на Дальнем Востоке в 20-х – начале 30-х гг. XX в. и деятельность советских спецслужб // Проблемы Дальнего Востока. 2008. №5. С. 85.

²¹⁹ *Макаренко К.В., Егоров Н.А.* Борьба органов ОГПУ СССР с зарубежными вооруженными формированиями белоэмиграции на границе с Маньчжурией накануне и в период конфликта на КВЖД // Лубянские чтения – 2020. Актуальные проблемы истории отечественных органов государственной безопасности: сборник материалов XXIV научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». Москва, 27 ноября 2020 г. М., 2021. С. 213.

²²⁰ *Остряков С.З.* Военные чекисты. М., 1979. С. 126.

²²¹ *Макаренко К.В., Егоров Н.А.* Указ. соч. С. 213.

²²² Там же.

²²³ Чекисты Сталина – В. Н. Степанков, Александр В. Киселев, Эдуард Шарапов. URL: https://books.google.ru/books?id=OXHzUKCZufMC&pg=PA575&lpg=PA575&dq=Интервенция+в+Синьцзян&source=bl&ots=O40TBkMFZb&sig=vKEKibBsck8q3dna1eieDYvV4Pc&sa=X&ei=DEczUL_9F4eJhQf93IDIDg&ved=0CD8Q6AEwBw#v=onepage&q=Интервенция+в+Синьцзян&f=false (дата обращения: 2. 10. 2024).

²²⁴ Уйгурия: Синьцзян-Уйгурский автономный округ (Xinjiang). URL: <http://uighur.narod.ru/vatan/suar3.html> (дата обращения: 21.08. 2024).

²²⁵ Нэх В. Ф. Специальная операция НКВД в Синьцзяне. URL: http://uighur.narod.ru/History/spets_operatsiya.html (дата обращения: 21. 08. 2024).

²²⁶ Шаранов Э. П. Наум Эйтингон – карающий меч Сталина. СПб.: «Нева», 2003. URL: https://books.google.ru/books?id=JF7bMcra5hgC&pg=PA119&lpg=PA119&dq=Интервенция+в+Синьцзян&source=bl&ots=f0sTZKNTME&sig=dYLkUw-s3Ni_zOxnuMk2T_bF7nI&hl=ru#v=onepage&q=Интервенция+в+Синьцзян&f=false (дата обращения: 21. 08. 2024).

²²⁷ David D. Wang. Under the Soviet shadow: the Yining Incident : ethnic conflicts and international rivalry in Xinjiang, 1944–1949 // Hong Kong: The Chinese University Press, 1999. URL: <https://books.google.com/books?ei=L48aTP3CEoyMaLbia8F&ct=result&id=XeVxAAAAAMAAJ&dq=ma+zhongying+military+academy&q=peiyuan+zhongying+yili> (дата обращения: 21.08. 2024).

²²⁸ Шаранов Э. П. Наум Эйтингон – карающий меч Сталина. СПб.: «Нева», 2003. URL: https://books.google.ru/books?id=JF7bMcra5hgC&pg=PA119&lpg=PA119&dq=Интервенция+в+Синьцзян&source=bl&ots=f0sTZKNTME&sig=dYLkUw-s3Ni_zOxnuMk2T_bF7nI&hl=ru#v=onepage&q=Интервенция+в+Синьцзян&f=false (дата обращения: 7. 08. 2024).

²²⁹ Там же.

²³⁰ «Октябрины» – советский обряд (революционный обычай), альтернатива крещению (крестинам), существовавшая в СССР практика торжественного наречения имени новорожденному.

²³¹ Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области (ОДНИЛС ГАПО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 394. Л. 58.

²³² О и зарплатах и ценах в СССР в 1920-е годы. URL: <http://www.apotarov777.livejournal.com> (дата обращения: 15.09.2017).

²³³ Егоров А.М. Промысловый контрабандизм на Северо-Западе России в первой половине 1920-х гг. // Псков. 1999. № 11. С. 184.

²³⁴ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 394. Л. 153–156, 171–172.

²³⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 156. Л. 1–10.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Там же.

²³⁹ Гдовский музея истории края. Воспоминания жительницы г. Гдова В.В. Беляковой.

²⁴⁰ *Зданович А.А.* Польский крест советской контрразведки. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. М.: Яуза-каталог, 2019. С. 453.

²⁴¹ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1. Накануне. Кн. 1. (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). М.: А/О «Книга и бизнес», 1995. С. 70–73.

²⁴² Там же. С. 74.

²⁴³ Подробнее см.: *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. Белый орел против красной звезды. М., 2004.

²⁴⁴ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне... С. 79–81.

²⁴⁵ Там же. С. 88–90.

²⁴⁶ Там же. С. 96–97.

²⁴⁷ *Попов А.Ю.* Участие органов государственной безопасности СССР в сопротивлении гитлеровским захватчикам на оккупированной советской территории (1941–1944 гг.). М.: Родина, 2023. С. 37.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ *Матвеев О.К.* «Нелегальный резидент НКВД в Одессе сообщает...» // Независимое военное обозрение. 2001. URL: https://nvo.ng.ru/spforces/2001-06-15/7_tsr.html (дата обращения: 10.11.2024).

²⁵⁰ Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Вып. 1. 3-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1970. С. 297–298, 301.

²⁵¹ Там же. С. 295.

²⁵² *Матвеев О.К.* «Нелегальный резидент НКВД в Одессе сообщает...» // Независимое военное обозрение. 2001. URL: https://nvo.ng.ru/spforces/2001-06-15/7_tsr.html (дата обращения: 10.11.2024).

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ *Зевелев А.И., Курлат Ф.Л., Казыцкий А.С.* Ненависть, спрессованная в тол. М.: Мысль, 1991. С. 194.

²⁵⁵ Герои подполья... С. 304.

²⁵⁶ *Корольков Ю.М.* Операция «Форт». М.: Издательство «Советская Россия», 1970. URL: https://lib.ru/PRIKL/KOROLKOW/operaciya_fort.txt (дата обращения: 07.10.2024).

²⁵⁷ *Зевелев А.И.* Указ. соч. С. 195.

²⁵⁸ Герои подполья... С. 330.

²⁵⁹ *Максимов К. Н.* Германская оккупационная политика в Калмыкии в августе – декабре 1942 г. и ее последствия // Вопр. истории. 2017. № 1. С. 45.

²⁶⁰ *Зверев Ю. В.* «Русские» формирования вермахта и войск СС на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2002. С. 10.

²⁶¹ *Краско Г. Г.* Стабилизация обстановки в СССР в послевоенный период: нейтрализация террористических проявлений на территории Белорусской ССР // Гуманитар. и юрид. исслед. 2017. № 2. С. 93.

²⁶² *Рыбак Н. А.* Агитационно-пропагандистская деятельность польского подполья на территории западных областей БССР в послевоенное время // Шлях да ўзаемнасці : матэрыялы міжнар. навук. канф., Гродна, 13–14 лістап. 2008 г. / Гродзен. дзярж. ун-т ; рэдкал.: I. Крэнь [і інш.]. Гродна, 2009. С. 70.

²⁶³ Лубянка: органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ- МВД-КГБ... С. 537–538.

²⁶⁴ *Краско Г.Г.* Указ. соч. С. 95.

²⁶⁵ ЦПА ФСБ России. Ф.14. Оп. 2. Д. 206. Л. 119–129; Оп. 4. Д. 18. Л.78, 79–81; *Сечкин Г.П.* Граница и война: Пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945. М.: «Граница», 1993. С. 142.

²⁶⁶ Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945). М.: Граница, 2008. С. 277–278.

²⁶⁷ Центральный пограничный музей ФСБ РФ. Докум. фонд. Д. 1853. Л.6.

²⁶⁸ *Неменко А.В.* Севастополь. Хронология 2-й обороны. Часть 1. URL: http://samlib.ru/n/nemenko_a_w/oborona-1.shtml (дата обращения: 10.09.2024).

²⁶⁹ Комната боевой славы Института береговой охраны ФСБ России. Докум. фонд. (КБС ИБО ФСБ России. Д. ф.). ЗП-2. Д-2. Л. 5–6.

²⁷⁰ КБС ИБО ФСБ России. Д. ф. ЗП-2. Д-2. Л.7.

²⁷¹ *Неменко А. В.* Указ. соч.

²⁷² КБС ИБО ФСБ РФ. Д. ф. ЗП-2. Д-2. Л.15.

²⁷³ *Ванеев Г.И.* Севастополь 1941–1942: Хроника героической обороны. Кн.1. К.: Украина, 1995. С.72.

²⁷⁴ КБС ИБО ФСБ РФ. Д. ф. ЗП-2, Д-2. Л. 13–14.

²⁷⁵ *Ванеев Г.И.* Указ. соч. С.77.

²⁷⁶ КБС ИБО ФСБ РФ. Д. ф. ЗП-2, Д-2. Л. 16.

²⁷⁷ *Моргунов П.А.* Героический Севастополь. М.: Наука, 1979. С.118.

²⁷⁸ КБС ИБО ФСБ РФ. Д. ф. ЗП-2, Д-2. Л. 17.

²⁷⁹ *Моргунов П.А.* Указ. соч., С. 147.

²⁸⁰ КБС ИБО ФСБ РФ. Д. ф. ЗП-2, Д-2. Л. 18.

²⁸¹ Перечень № 18 органов управления, соединений кораблей, частей и учреждений Черноморского флота и Азовской военной флотилии, входивших в состав действующей армии в период Великой Отечественной

войны (1941–1945 гг.). (Приложение к директиве Генерального штаба от 2 апреля 1960 г. № 170183). М., 1960. С. 203.

²⁸² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 3. Кн. 2. М.: Русь. 2003. С. 210.

²⁸³ *Зевелев А.И., Курлат Ф.Л., Казицкий А.С.* Ненависть, спрессованная в тол. М.: Мысль, 1991. С. 278.

²⁸⁴ *Попов А.Ю.* Оперативный псевдоним Канская // ФСБ: за и против. № 6 (76). 2021. С. 36.

²⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 105. Л. 212

²⁸⁶ *Попов А.Ю.* Указ. соч. С. 38.

²⁸⁷ Очерки истории российской внешней разведки: Очерки: в 6 т. М.: Международные отношения, 1999. Т. 4. 1941–1945 гг. С. 8–9.

²⁸⁸ *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: ТОО «Гея», 1996. С. 147, 161–162.

²⁸⁹ Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации 1939–1945. М.: РИПОЛ классик, 2011. С. 511–512.

²⁹⁰ *Судоплатов П. А.* Указ. соч. С. 167.

²⁹¹ *Василевский А. М.* Дело всей жизни: в 2 кн. 6-е изд. М.: Политиздат, 1988. Кн. 1. С. 151.

²⁹² Очерки истории российской внешней разведки. С. 517.

²⁹³ Там же; *Судоплатов П. А.* Указ. соч. С. 165.

²⁹⁴ *Христофоров В. С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2011. С. 208.

²⁹⁵ *Бондаренко А. Ю.* Фитин. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 323.

²⁹⁶ Очерки истории российской внешней разведки. С. 132–133; *Судоплатов П.А.* Указ соч. С. 165.

²⁹⁷ Очерки истории российской внешней разведки. С. 517–518.

²⁹⁸ *Василевский А. М.* Указ. соч. С. 245, 250.

²⁹⁹ *Никонов В.А.* Молотов: Наше дело правое: в 2 кн. М.: Молодая гвардия, 2016. Кн. 2. С. 138.

³⁰⁰ Очерки истории российской внешней разведки. С. 267, 573–575.

³⁰¹ Там же. С. 10, 599.

³⁰² *Дегтярёв К., Колтакиди А.* Внешняя разведка СССР. М.: Яуза: ЭКСМО, 2009. С. 114–115.

³⁰³ Очерки истории российской внешней разведки. С. 246–248.

³⁰⁴ Там же. С. 84, 198–199; *Долгополов Н.М.* Ким Филби. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 51, 179–180.

³⁰⁵ Очерки истории российской внешней разведки. С. 271.

- ³⁰⁶ История международных отношений и внешней политики СССР. М.: Издательство ИМО, 1962. Т. 2: 1939–1945 гг. С. 300–308; Очерки истории российской внешней разведки. С. 197–198, 420.
- ³⁰⁷ Очерки истории Российской внешней разведки. С. 419–420, 568–569.
- ³⁰⁸ Там же. С. 271.
- ³⁰⁹ Там же. С. 602–606; История международных отношений и внешней политики СССР. С. 300–308.
- ³¹⁰ Очерки истории российской внешней разведки. С. 271–272.
- ³¹¹ *Гладков Т.* Коротков. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 334–335, 337.
- ³¹² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 20. Л. 186–187.
- ³¹³ Великая Отечественная война. 50 лет. Приложение к календарю дат и событий. Вып. 1. ТАСС. 1991. С. 48–49.
- ³¹⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. М.: Русь, 2000. Кн. 1. С. 77–79.
- ³¹⁵ Черниговщина в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Сб. док. и материалов. Киев: Политиздат Украины, 1978.
- ³¹⁶ Советская Украина в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Док. и материалы: в 3 т. Т. 1. Украинская ССР в первый период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.). Киев: Наукова думка, 1985. С. 62.
- ³¹⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. С. 222.
- ³¹⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 1. М.: Русь. 2003. С. 64.
- ³¹⁹ Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 518.
- ³²⁰ Политбюро и органы государственной безопасности: Сб. док. М.: Кучково поле, 2017. С. 603.
- ³²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 450. Л. 21–30.
- ³²² Там же. Оп. 125. Д. 335. Л. 2–16.
- ³²³ Там же. Л. 2–16.
- ³²⁴ РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 161. Л. 49–51.
- ³²⁵ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 352. Л. 69–77.
- ³²⁶ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 2: 1944–1945. С. 676–683.
- ³²⁷ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 352. Л. 69–77.
- ³²⁸ Скрытая правда войны: 1941 год / сост. Кнышевский П.Н., Васильева О.Ю., Высоцкий В.В. и др. URL: <http://www.rkka.ru/docs/spv/SPV30.htm> (дата обращения: 25.07.2019).
- ³²⁹ ЦПА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 10. Д. 39. Л. 129.

-
- ³³⁰ Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Граница, 2020. С. 433.
- ³³¹ На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий исторический очерк. М.: Граница. 1998. С. 397; РГВА. Ф. 38261. Оп. 1. Д. 255. Л. 250–251.
- ³³² Там же. С. 397.
- ³³³ Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. С. 202.
- ³³⁴ Там же. С. 434.
- ³³⁵ Там же. С. 434.
- ³³⁶ РГВА. Ф. 38652. Оп. 1. Д. 2. Л. 130–136.
- ³³⁷ Войска НКВД в Великой Отечественной войне: военно-исторический труд в 3 т. / Бунин С. В. [и др.] Т. 2. Войска НКВД в первый и второй периоды Великой Отечественной войны (1941–1943). М.: Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2015. С. 102.
- ³³⁸ Пограничная служба России: Энциклопедия. Формирование границ. Нормативная база. Структура. Символы / Симаков Г.Н., Маслов К.Н., Боярский В.И. и др. М.: Ассоциация «Военная книга»; Кучково поле, 2009. С. 515.
- ³³⁹ Боевой путь советских пограничных войск: краткий исторический очерк / С. Е. Любимов, И. И. Теряев, А. В. Нестеров. М.: Воениздат, 1967. С. 208.
- ³⁴⁰ Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945 гг.) / Кашлев Ю.Ф. [и др.] М.: Граница, 2008. С. 217–218.
- ³⁴¹ На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. М.: Граница, 2000. Т. 3. С. 270.
- ³⁴² Там же. С. 270.
- ³⁴³ Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. С. 197–198, 200.
- ³⁴⁴ Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. С. 203, 206.
- ³⁴⁵ Там же. С. 223, 468; Пограничная служба России: Энциклопедия... С. 526.
- ³⁴⁶ Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. С. 225.
- ³⁴⁷ Пограничная служба России: Энциклопедия... С. 533.
- ³⁴⁸ ЦАМО. Ф. 427. Оп. 11105. Д. 301. Л. 201.
- ³⁴⁹ Пограничная служба России: Энциклопедия... С. 533–534.
- ³⁵⁰ Российский государственный военный архив. Ф. 38652. Оп. 1. Д. 10. Л. 178.
- ³⁵¹ Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. С. 452.

³⁵² На страже границ Отечества... С. 398.

³⁵³ *Зданович А.А.* Органы военной контрразведки в битве за Кавказ и освобождение Крыма. М.: «Кучково поле», 2021; *Ткаченко С.Н., Терехов С.А., Бутовский А.Ю.* «По линии 4-го отдела...». Чекисты в подпольно-партизанском движении Крыма (1941–1944 гг.). Симферополь, 2018.

³⁵⁴ *Терехов С.А.* «Специальная группа НКВД СССР «ВИТЯЗИ» и ее вклад в крымское партизанское движение // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной партизанскому движению Крыма «К 80-летию создания Крымского штаба партизанского движения. Симферополь, ИТ «Ариал», 2024; Крымский щит России. Симферополь, Н. Орианда, 2019.

³⁵⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. М.: «Русь»: в 6 т.; Крымская весна 44-го. Материалы Исторических чтений и архивные документы. Симферополь: Н. Орианда, 2019; Битва за Крым Битва за Крым в документах органов государственной безопасности. Симферополь, Н. Орианда, 2020.

³⁵⁶ История Крыма: в 2 т. М., 2018; Форпост союза на юге... Очерки истории крымской АССР (1921–1945 гг.) / В.П. Петров и [др.] Симферополь, 2024; *Исаев А., Хазанов Д., Романько О., Глухарев Н.* Битва за Крым 1941–1944 гг. М., 2017.

³⁵⁷ *Неменко А.В.* Крым под оккупацией. Обратная сторона войны. М., 2020; *Никольский Б.В.* Схватка за Кавказ и Крым. Борьба разведок 1942–1944 гг. М., 2018.

³⁵⁸ *Ткаченко С.Н., Терехов С.А., Бутовский А.Ю.* Указ. соч. С. 27–28.

³⁵⁹ Крымский щит России. С. 100.

³⁶⁰ *Ткаченко С.Н.* Движение сопротивления оккупантам на территории Крыма в годы Великой Отечественной войны. Военно-исторический очерк. С. 110–120; *Терехов С.А.* Указ. соч. С. 53–58.

³⁶¹ *Ткаченко С.Н., Терехов С.А., Бутовский А.Ю.* Указ. соч. С. 156–160.

³⁶² Архив УФСБ России по Республике Крым и городу Севастополю. Ф. 100. Д. 29. Л. 65–66.

³⁶³ *Ткаченко С.Н., Терехов С.А., Бутовский А.Ю.* Указ. соч. С. 161.

³⁶⁴ История Китая с древнейших времен до наших дней. М.: Изд-во МГУ, 1974. С. 369–372.

³⁶⁵ Япония на дальневосточных рубежах России и СССР (XVII–XX вв.) // Информационный бюллетень Института Дальнего Востока АН СССР. М., 1987. С. 65.

³⁶⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. М., 1995. Т. I. Кн. 1. С. 36–49.

³⁶⁷ *Ландер И.И.* Негласные войны. История специальных служб 1919–1945. Одесса: изд-во «Друк», 2007. С. 162–164.

-
- ³⁶⁸ Там же.
- ³⁶⁹ 10 лет Маньчжоу-Го. Харбин, 1942. С. 65.
- ³⁷⁰ История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. М., 1974. Т. 3. С. 173.
- ³⁷¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... С. 40–41.
- ³⁷² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. М., 2000. Т. 2. Кн. 2. С. 393–394.
- ³⁷³ *Дунюшкин И.Е.* Идеологический и военный аспект борьбы с вайнахским национал-клерикальным сепаратизмом на Северном Кавказе в 1941 году. Доклад на научной конференции 9 декабря 2001 года. Сборник докладов «Мир и война: 1941 год». Екатеринбург: издательство Гуманитарного университета, 2003.
- ³⁷⁴ *Дунюшкин И.Е.* Накануне катастрофы: Борьба органов государственной власти и терского казачества с национал-клерикальным сепаратизмом на Северном Кавказе в начале XX века. Екатеринбург: издательство Гуманитарного университета, 2003. С.23.
- ³⁷⁵ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т.4. Кн.1. М.: Русь, 2008. С. 728.
- ³⁷⁶ *Галицкий В.П., Сампиев А.А.* Деятельность отечественных органов безопасности с повстанческим движением на Северном Кавказе в 1920–1940 годах. М., 2006. С. 45.
- ³⁷⁷ *Галицкий В.П.* Организация и проведение специальных (оперативно-войсковых) операций органами ФСБ России; Борьба органов государственной безопасности с бандитской и повстанческой деятельностью сепаратистских и националистических движений (организаций) в 20–50 годы на Северном Кавказе (подборка архивных документов). М., 1998. С. 39.
- ³⁷⁸ *Галицкий В.П.* Борьба Отечественных органов безопасности с сепаратизмом на Северном Кавказе в 20-40 годах 20 века: анализ, выводы и уроки. М., 2011. С.103.
- ³⁷⁹ *Казаков А.В.* Противодействие органов государственной безопасности на Северном Кавказе подрывным акциям эмигрантских организаций в 1920–1950 годах. Н. Новгород. 2014. С. 145.
- ³⁸⁰ РГВА. Ф. 38654. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.
- ³⁸¹ Там же. Л. 16.
- ³⁸² *Дунюшкин И.Е.* Накануне катастрофы... С.29.
- ³⁸³ *Галицкий В.П., Сампиев А.А.* Указ. соч. С. 47.
- ³⁸⁴ *Галицкий В.П.* Борьба Отечественных органов безопасности с сепаратизмом на Северном Кавказе в 20-40 годах 20 века. С. 113.
- ³⁸⁵ Там же. С. 105.
- ³⁸⁶ РГВА. Ф. 38654. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

-
- ³⁸⁷ Там же. Л. 18.
- ³⁸⁸ Там же. Л. 19.
- ³⁸⁹ *Дунюшкин И.Е.* Идеологический и военный аспект борьбы с вайнахским национал-клерикальным сепаратизмом на Северном Кавказе в 1941 году.
- ³⁹⁰ *Казаков А.В.* Указ. соч. С. 149.
- ³⁹¹ *Соцков Л.Ф.* Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки. М. Норма. 2003. С. 199–200.
- ³⁹² *Пыхалов И.* «Кавказские орлы» Третьего рейха // Спецназ России. 2001. № 10. С. 61.
- ³⁹³ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 134. Л. 176–180.
- ³⁹⁴ Центральный архив (ЦА) ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3090. Л. 260; Ф. 4. Оп. 2. Д. 2086. Л. 144.
- ³⁹⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 348. Л. 12.
- ³⁹⁶ *Бандурин С. Г., Козубов А. А.* Об английской версии политики «двойных стандартов» // Гуманитарные чтения. Выпуск 3: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 22 октября 2021 г.). Хабаровск: Изд-во «Форпост Науки», 2022. С. 18.
- ³⁹⁷ *Тузова А. Ф.* «Двойные стандарты» в массмедийной практике: социально-политический анализ: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2010. С. 28.
- ³⁹⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 62. Л. 393–394.
- ³⁹⁹ Там же. Оп. 10. Д. 23. Л. 270.
- ⁴⁰⁰ Там же. Л. 271.
- ⁴⁰¹ Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 106. Л. 76–77.
- ⁴⁰² Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 139. Л. 14.
- ⁴⁰³ *Зданович А.А.* Смерш на белорусском направлении: 1943–1944 гг. Контрразведывательное обеспечение наступательных операций Белорусских и 1-го Прибалтийских фронтов. М.: Кучково поле, 2024. С. 122.
- ⁴⁰⁴ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 139. Л. 15
- ⁴⁰⁵ Там же. Л. 28.
- ⁴⁰⁶ Там же. Л. 25.
- ⁴⁰⁷ Там же. Л. 38.
- ⁴⁰⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 438. Л. 16.
- ⁴⁰⁹ *Зданович А.А.* Указ. соч. С. 133.
- ⁴¹⁰ Архив УФСБ России по Омской области Ф. 40. Оп. 15. Д. 71. Л. 209 об.
- ⁴¹¹ Войска НКВД-МГБ-МВД СССР накануне, в годы Великой Отечественной войны и в борьбе с националистическим подпольем в послевоенный период: сб. док. и мат.: в 2 т. М., 2023. Т. 2. С. 54.

-
- ⁴¹² *Зданович А.А.* Указ. соч. С. 297–298.
- ⁴¹³ Там же. С. 301.
- ⁴¹⁴ АУФСБ по Омской области Ф. 78. Оп. 1. Д. 139. Л. 76.
- ⁴¹⁵ *Мозохин О.Б.* Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ (1918–1953 гг.). М.: Вече, 2018. С. 220–253.
- ⁴¹⁶ *Вольхин А.И.* Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2001. С. 315.
- ⁴¹⁷ *Мозохин О.Б.* Борьба советских органов государственной безопасности с терроризмом. М.: Кучково поле, 2011. С. 138.
- ⁴¹⁸ *Чуев С.Г.* Спецслужбы Третьего Рейха. Книга 2. СПб: Издательский дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2003. С. 172–177.
- ⁴¹⁹ *Зенькович Н.А.* Покушения и инсценировки: От Ленина до Ельцина. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 1998. С. 233.
- ⁴²⁰ *Мозохин О.Б.* Репрессии в цифрах и документах... С. 229, 235, 245.
- ⁴²¹ *Христофоров В.С.* История советских органов госбезопасности: 1917–1991 гг. М.: РГГУ, 2017. С. 249–315.
- ⁴²² *Вольхин А.И.* Указ. Соч. С. 321.
- ⁴²³ Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926–1953): справочник. М.: Возвращение, 2014. С. 192–215, 217–222, 225–233, 240–245.
- ⁴²⁴ Там же. С. 15.
- ⁴²⁵ Там же. С. 13.
- ⁴²⁶ Там же. С. 217–218.
- ⁴²⁷ «Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: документы и материалы. М.: Наука, 1967. С. 265, 272.
- ⁴²⁸ Там же. С. 317.
- ⁴²⁹ *Исаев А.В.* Великая Отечественная война, 1941–1945: самая полная иллюстрированная энциклопедия / А. Исаев, А. Дробкин. М.: Яуза-пресс, 2023. С. 269.
- ⁴³⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М.: «Русь», 2000. С. V.
- ⁴³¹ *Бухгайт Г.* Абвер. История военной разведки: [перевод с немецкого]. М.: Эксмо: Яуза, 2024. С. 376–378.
- ⁴³² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. 5. Кн. 1. М.: Кучково поле, 2007. С. 415, 419.
- ⁴³³ *Зданович А.А.* Органы военной контрразведки в битве за Кавказ и освобождение Крыма. М.: Кучково поле, 2021. С. 461.

-
- ⁴³⁴ Крымская весна 44-го. Материалы Исторических чтений и архивные документы. Симферополь: Н. Орианда, 2019. С. 209.
- ⁴³⁵ Там же. С. 194.
- ⁴³⁶ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 65. Л. 11.
- ⁴³⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. 5. Кн. 1. С. 363–365.
- ⁴³⁸ Крымская весна 44-го. Материалы Исторических чтений и архивные документы. Симферополь: Н. Орианда, 2019. С. 198.
- ⁴³⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. 5. Кн. 1. С. 415–418.
- ⁴⁴⁰ Там же. С. 403.
- ⁴⁴¹ *Ермолов И.Г.* Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2010. С. 7.
- ⁴⁴² Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика: Верховный Совет Российской Федерации, 1993. С. 158.
- ⁴⁴³ Там же. С. 159–160.
- ⁴⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р–8131. Оп. 38. Д. 282. Л. 23–24.
- ⁴⁴⁵ Там же. Ф. Р–9492. Оп. 1а. Д. 252. Л. 66–66 об.
- ⁴⁴⁶ Там же. Д. 309. Л. 92.
- ⁴⁴⁷ Там же. Д. 373. Л. 9.
- ⁴⁴⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. С. 393.
- ⁴⁴⁹ Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 11752. Л. 39а; Д. 11762. Л. 38; Д. 12413. Л. 43; Д. 24481. Л. 17; Д. 26629. Л. 56; Д. 36246. Л. 28; Д. 37601. Л. 15; Д. 37789. Л. 17; Д. 45514. Л. 90; Д. 64157. Л. 19; Д. 70207. Л. 17; Д. 78425. Л. 40.
- ⁴⁵⁰ ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 26629. Л. 56.
- ⁴⁵¹ Там же. Д. 55423. Л. 4.
- ⁴⁵² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т.2. Кн. 1: Начало (22 июня – 31 августа 1941 г.). М.: Русь, 2000. С. 555.
- ⁴⁵³ *Звягинцев В.Е.* Война на весах Фемиды: война 1941–1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2006. С. 302; ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 36246. Л. 26; Д. 37601. Л. 29; Д. 45514. Л. 212–213.
- ⁴⁵⁴ ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 12413. Л. 49.

- ⁴⁵⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 40. Л. 61.
- ⁴⁵⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. 3. Кн. 1: Крушение «Блицкрига» (1 января – 30 июня 1942 г.). М.: Русь, 2003. С. 570–571.
- ⁴⁵⁷ *Мозохин О.Б.* Статистические сведения о деятельности органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ (1918–1953 гг.): статистический справочник. М.: ТД Алгоритм, 2016. С. 206–207, 224, 234.
- ⁴⁵⁸ Там же. С. 245.
- ⁴⁵⁹ *Звягинцев В.Е.* Указ. соч. С. 301–302; ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 24481. Л. 23; Д. 36246. Л. 20; Д. 37601. Л. 24; Д. 64157. Л. 15; Д. 70207. Л. 23; Д. 78425. Л. 33.
- ⁴⁶⁰ ГААОСО. Ф. Р–1. Д. 45514. Л. 91–92.
- ⁴⁶¹ ГАРФ. Ф. Р–9492. Оп. 1а. Д. 127. Л. 76.
- ⁴⁶² ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 26629. Л. 28; Д. 24481. Л. 26; Д. 36246. Л. 26.
- ⁴⁶³ Там же. Д. 11752. Л. 37; Д. 11762. Л. 49; Д. 37789. Л. 15.
- ⁴⁶⁴ *Звягинцев В.Е.* Указ. соч. С. 302.
- ⁴⁶⁵ Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 73–75.
- ⁴⁶⁶ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика: Верховный Совет Российской Федерации, 1993. С. 41.
- ⁴⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 101. Л. 156–157.
- ⁴⁶⁸ Там же. Д. 63. Л. 146.
- ⁴⁶⁹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 41–42.
- ⁴⁷⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. 3. Кн. 1. С. 130–136.
- ⁴⁷¹ *Обухов В.В.* Правовые основы организации и деятельности военных трибуналов войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 120–121.
- ⁴⁷² Архив УФСБ России по Тверской области. Ф. 3. Оп. 28. Д. 50. Т. 1. Л. 162.
- ⁴⁷³ Там же. Т. 2. Л. 118.
- ⁴⁷⁴ Там же. Т. 1. Л. 15.
- ⁴⁷⁵ *Терецатов В.И.* 900 дней в тылу врага. Калинин: Калининское книжное издательство, 1962.
- ⁴⁷⁶ Архив УФСБ России по Тверской области. Ф. 3. Оп. 28. Д. 50. Т. 2. Л. 75.
- ⁴⁷⁷ Там же. Л. 79 об.
- ⁴⁷⁸ Там же. Л. 90.

-
- ⁴⁷⁹ Там же. Л. 101–101об.
- ⁴⁸⁰ Там же. Л. 101об.
- ⁴⁸¹ Там же. Т. 1. Л. 141, 143.
- ⁴⁸² Там же. Т. 2. Л. 102.
- ⁴⁸³ Там же.
- ⁴⁸⁴ Там же. Л. 298–300.
- ⁴⁸⁵ Там же. Л. 291–293.
- ⁴⁸⁶ *Александровский П.И., Егоров А.Н.* Партизан Фриц. М.: Московский рабочий, 1971.
- ⁴⁸⁷ Архив УФСБ России по Тверской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.
- ⁴⁸⁸ Там же. Л. 30–30об.
- ⁴⁸⁹ Там же. Л. 10.
- ⁴⁹⁰ Там же. Л. 66.
- ⁴⁹¹ Там же. Л. 178.
- ⁴⁹² Там же. Л. 119.
- ⁴⁹³ Там же. Л. 183.
- ⁴⁹⁴ Докладная записка № 251/А начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР в ГКО СССР о многочисленных фактах истребления гитлеровцами мирных советских граждан в Харькове. 28 сентября 1943 г. Москва // Официальный ресурс ФСБ России. URL: [Dokladnaya_zapiska_7.jpg](https://dokladnaya_zapiska_7.jpg) (1250×2000) (fsb.ru) (дата обращения: 20.10.2024).
- ⁴⁹⁵ *Савенков А.Н.* Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции: специализированный учебный курс. М.: ИГП РАН, 2022. С. 71.
- ⁴⁹⁶ Судебный процесс о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории гор. Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации. [Б.м.]: Госполитиздат, 1943. С. 93.
- ⁴⁹⁷ Приговор Военного Трибунала по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Харькове и Харьковской области в период их временной оккупации. 15–18 декабря 1943 г. // Правда. 1943. 20 декабря. № 312 (9448).
- ⁴⁹⁸ Там же.
- ⁴⁹⁹ Протокол допроса обвиняемого М. П. Буланова, сотрудника гестапо, шофера зондеркоманды СД СК-4А, о злодеяниях немецко-фашистских войск на оккупированной территории СССР. 14 ноября 1943 г. URL: <https://victims.rusarchives.ru/19-11-1943-protokol-doprosa-obvinyaemogo-bulanova-mikhaila-petrovicha?ysclid=m2het1khs7925275751> (дата обращения: 15.10.2024).
- ⁵⁰⁰ Судебный процесс о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории гор. Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации. С. 49–50.

⁵⁰¹ Там же. С. 95.

⁵⁰² *Савенков А.Н.* Указ. соч. С. 71.

⁵⁰³ *Иванов В.А.* История и функционирование концлагеря «Красный» в годы нацистской оккупации Крыма (1941–1944 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 2 (35). С. 162.

⁵⁰⁴ Там же.

⁵⁰⁵ Справка о работе УКГБ по Крымской области по выявлению и сбору доказательств виновности нацистских военных преступников, избежавших наказания за преступления, совершенные временно на оккупированной территории СССР. 8 апреля 1975 г. URL: <https://victims.rusarchives.ru/spravka-o-rabote-ukgb-po-krymskoy-oblasti-po-vyuavleniyu-i-sboru-dokazatelstv-vinovnosti-nacistskikh?ysclid=m2hkeo3cn5799095525> (дата обращения: 22.03.2024).

⁵⁰⁶ Там же.

⁵⁰⁷ *Берлин Б.Г.* История крымской трагедии. К вопросу о холокосте в Крыму // Крымский архив, 2015, № 4 (19). С. 118–119.

⁵⁰⁸ Справка о работе УКГБ по Крымской области по выявлению и сбору доказательств виновности нацистских военных преступников, избежавших наказания за преступления, совершенные временно на оккупированной территории СССР. 8 апреля 1975 г. URL: <https://victims.rusarchives.ru/spravka-o-rabote-ukgb-po-krymskoy-oblasti-po-vyuavleniyu-i-sboru-dokazatelstv-vinovnosti-nacistskikh?ysclid=m2hkeo3cn5799095525> (дата обращения: 22.03.2024).

⁵⁰⁹ Справка начальника Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР Т. Ф. Филиппова и заместителя начальника ГУПВИ МВД СССР А. З. Кобулова по делу немецко-фашистских карателей, избличенных в зверствах против советских граждан, совершенных в период временной оккупации Крыма и Кубани. URL: <https://victims.rusarchives.ru/spravka-nachalnika-glavnogo-upravleniya-po-delam-voennoplennykh-i-internirovannykh-gupvi-mvd-sssr-tf?ysclid=m2hkjerpaz219603825> (дата обращения: 21.04.2024).

⁵¹⁰ Обвинительное заключение прокуратуры Черноморского флота по делу о зверствах немецких оккупантов на территории Крымской АССР, Краснодарского края, Кабардино-Балкарской АССР, а также Украинской ССР и Молдавской ССР. URL: <https://victims.rusarchives.ru/obvinitelnoe-zaklyuchenie-prokuratury-chernomorskogo-flota-po-delu-o-zverstvakh-nemeckikh-okkupantov?ysclid=m2hkoh1ork650562389> (дата обращения: 12.10.2024).

⁵¹¹ Справка начальника Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР Т. Ф. Филиппова и заместителя начальника ГУПВИ МВД СССР А. З. Кобулова по делу немецко-

фашистских карателей, избличенных в зверствах против советских граждан, совершенных в период временной оккупации Крыма и Кубани. URL: <https://victims.rusarchives.ru/spravka-nachalnika-glavnogo-upravleniya-po-delam-voennoplennykh-i-internirovannykh-gupvi-mvd-sssr-tf?ysclid=m2hkjerpaz219603825> (дата обращения: 21.04.2024).

⁵¹² Обвинительное заключение прокуратуры Черноморского флота по делу о зверствах немецких оккупантов на территории Крымской АССР, Краснодарского края, Кабардино-Балкарской АССР, а также Украинской ССР и Молдавской ССР. URL: <https://victims.rusarchives.ru/obvinitelnoe-zaklyuchenie-prokuratury-chernomorskogo-flota-po-delu-o-zverstvakh-nemeckikh-okkupantov?ysclid=m2hkohlork650562389> (дата обращения: 12.10.2024).

⁵¹³ Справка начальника Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР Т. Ф. Филиппова и заместителя начальника ГУПВИ МВД СССР А. З. Кобулова по делу немецко-фашистских карателей, избличенных в зверствах против советских граждан, совершенных в период временной оккупации Крыма и Кубани. URL: <https://victims.rusarchives.ru/spravka-nachalnika-glavnogo-upravleniya-po-delam-voennoplennykh-i-internirovannykh-gupvi-mvd-sssr-tf?ysclid=m2hkjerpaz219603825> (дата обращения: 21.04.2024).

⁵¹⁴ Обвинительное заключение прокуратуры Черноморского флота по делу о зверствах немецких оккупантов на территории Крымской АССР, Краснодарского края, Кабардино-Балкарской АССР, а также Украинской ССР и Молдавской ССР. URL: <https://victims.rusarchives.ru/obvinitelnoe-zaklyuchenie-prokuratury-chernomorskogo-flota-po-delu-o-zverstvakh-nemeckikh-okkupantov?ysclid=m2hkohlork650562389> (дата обращения: 12.10.2024).

⁵¹⁵ Там же.

⁵¹⁶ Справка начальника Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР Т. Ф. Филиппова и заместителя начальника ГУПВИ МВД СССР А. З. Кобулова по делу немецко-фашистских карателей, избличенных в зверствах против советских граждан, совершенных в период временной оккупации Крыма и Кубани. URL: <https://victims.rusarchives.ru/spravka-nachalnika-glavnogo-upravleniya-po-delam-voennoplennykh-i-internirovannykh-gupvi-mvd-sssr-tf?ysclid=m2hkjerpaz219603825> (дата обращения: 21.04.2024).

⁵¹⁷ Приговор Военного трибунала Черноморского флота по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Крымской области и на Кубани. URL: <https://victims.rusarchives.ru>. (дата обращения: 21.03.2024).

⁵¹⁸ Обвинительное заключение прокуратуры Черноморского флота по делу о зверствах немецких оккупантов на территории Крымской АССР, Краснодарского края, Кабардино-Балкарской АССР, а также Украинской ССР и Молдавской ССР. URL: <https://victims.rusarchives.ru/obvinitelnoe-zaklyuchenie-prokuratury-chernomorskogo-flota-po-delu-o-zverstvakh-nemeckikh-okkupantov?ysclid=m2hkoh1ork650562389> (дата обращения: 12.10.2024).

⁵¹⁹ Приговор Военного трибунала Черноморского флота по делу о зверствах немецких оккупантов на территории Крымской АССР и Краснодарского края. URL: <https://victims.rusarchives.ru>. (дата обращения: 21.03.2024).

⁵²⁰ Анализ автобиографического материала сотрудников СМЕРШ основан на интервью, размещенных в электронном периодическом издании «Я помню» Фонда сохранения исторической памяти. URL: <https://www.iremember.ru/memoirs/nkvd-i-smersh/?sort=popular> (дата обращения: июнь-октябрь 2024).

⁵²¹ Большие вызовы как совокупность проблем, угроз... требующих реакции со стороны государства // Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 142 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

⁵²² *Скоробогатская Н. А.* Советский человек: структура и генезис// Личность и общество: нравственная идея в ценностном мире современного человека: материалы всерос. науч.-практ. конф. «Мокроносовские чтения-2017» (г. Екатеринбург, 25 нояб. 2017 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 161–167.

⁵²³ *Фетисов М.С.* Нарратив и теория в исследованиях советского: значение исследований Н. Н. Козловой для современной политической теории // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 1. С. 227–246.

⁵²⁴ *Бритвина И.Б., Шабалина О.А.* Социокультурная типология конструкта «советский человек» // Теория и практика общественного развития. 2023. №12. С. 18–27.

⁵²⁵ Рабочая книга социолога / Под общ. ред. и с предисл. Г. В. Осипов. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 480.

⁵²⁶ В соответствии со ст. 3 Указа Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

⁵²⁷ Русские Курилы: история и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы / В. К. Зиланов, А.А. Кошкин, А. Ю. Плотников, С. А. Пономарев. М., 1995.

⁵²⁸ О ликвидации Южно-Сахалинской области и включении ее территории в состав Сахалинской области. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 января 1947 г. М.: Госюриздат, 1956. С. 47.

⁵²⁹ ЦПА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 398. Л. 5.

⁵³⁰ Там же. Оп. 4. Д. 28. Л. 5.

⁵³¹ Там же. Оп. 5. Д. 398. Л. 6.

⁵³² Там же. Л. 236.

⁵³³ Там же. Л. 237.

⁵³⁴ Там же. Ф. 228. Оп. 1. Д. 1. Л. 121.

⁵³⁵ Там же. Ф. 14. Оп. 5. Д. 398. Л. 102.

⁵³⁶ Там же. Л. 108–109.

⁵³⁷ *Чернер Ю., Кэбот И.* Улыбка Диллинджера. ФБР с Гувером и без него. М., 2004. С. 155.

⁵³⁸ *Вейнер Т.* ФБР. Правдивая история. М., 2014. С. 72. Также, в 1944 г. финны передали разведке Соединенных Штатов 1.5 тысячи страниц шифровальных блокнотов НКГБ СССР. *Колпакиди А.И., Мзареулов В.К.* Внешняя разведка СССР – России. 1946–2020 годы. История, структура и кадры. М., 2021. С. 57.

⁵³⁹ *Вейнер Т.* Указ. соч. С. 73.

⁵⁴⁰ *Ландер И.И.* Негласные войны. Кн. 2. Т. 2. Одесса, 2007. С. 309.

⁵⁴¹ Там же. С. 315. Благодаря работе Д. Коплон Первое управление НКГБ СССР выявляло перевербованных советских агентов. *Позняков В.В.* Советская разведка в Америке. 1919-1941. М., 2015. С. 246; *Де Граммон С.* История шпионажа. Смоленск, 2001. С. 85.

⁵⁴² *Haynes J.E., Klehr H.* Venona: Decoding Soviet Espionage in America. London, 1999. P. 332.

⁵⁴³ *Andrew C., Mitrokhin V.* The Sword and the Shield. Paperback Edition. New York, 2001. P. 142–143; *Klehr H., Haynes J.E., Anderson K.M.* The Soviet World of American Communism. New York, 1998. P. 262.

⁵⁴⁴ *Вейнер Т.* Указ. соч. С. 67.

⁵⁴⁵ *Долгополов Н.М.* Гении разведки. М., 2019. С. 558.

⁵⁴⁶ *Вейнер Т.* Указ. соч. С. 74.

⁵⁴⁷ Там же. С. 67.

⁵⁴⁸ Там же. С. 67–68.

⁵⁴⁹ *Костин П.В.* ФБР – портрет во весь рост. М., 1970. С. 147–148.

⁵⁵⁰ Подробно об этом: *Левин Я.А.* «Дело “Амеразии”» – на пороге маккартизма // *Обозреватель-Observer.* 10/2016. С. 87–96.

⁵⁵¹ За период с 1945 г. по 2008 г. в США за шпионаж или преступления, связанные с ним, было арестовано 247 человек, из которых 121 были связаны с СССР или РФ. *Бабуркин С.А.* Шпионаж против США в оценках американской контрразведки // *Ярославский педагогический вестник.* 2010. № 4. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 132–133.

-
- ⁵⁵² Ландер И.И. Указ. соч. С. 317.
- ⁵⁵³ Де Грамон С. Указ. соч. С. 56–57.
- ⁵⁵⁴ Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. Т. 1. М., 1999. С. 240.
- ⁵⁵⁵ Это были переводы захваченных документов немецкой армии, и они находились в распоряжении ФБР с момента окончания Второй мировой войны, когда Фукс еще шпионил для СССР в Соединенных Штатах. По этим документам К. Фукс проходил как коммунист. Вейнер Т. Указ. соч. С. 78.
- ⁵⁵⁶ Klehr H., Haynes J.E. Early Cold War Spies: The Espionage Trials that Shaped American Politics. New York, 2006. P. 150.
- ⁵⁵⁷ История российской внешней разведки: Очерки: в 6 т. М., 2014. Т. 5. 1945–1965 годы. С. 32.
- ⁵⁵⁸ Гуськов С.А., Долгушин Е.Б. Операция «Энормоз». Документы внешней разведки. М., 2024. С. 22.
- ⁵⁵⁹ Чернер Ю., Кэбот И. Указ. соч. С. 130.
- ⁵⁶⁰ Там же. С. 131. Такие «пассивные» мероприятия ФБР перемежались и с достаточно редкими, но все же успешными наступательными действиями.
- ⁵⁶¹ Костин П.В. Указ. соч. С. 156–157.
- ⁵⁶² Там же. С. 150–151.
- ⁵⁶³ Дундуков М.Ю. Разведка и контрразведка США (с конца XVIII века и до наших дней). М., 2016. С. 114.
- ⁵⁶⁴ Костин П.В. Указ. соч. С. 170.
- ⁵⁶⁵ «К концу 40-х годов ФБР... «превратилось в правительственное учреждение, делающее политику». Костин П.В. Указ. соч. С. 168.
- ⁵⁶⁶ Там же. С. 170.
- ⁵⁶⁷ В США в рамках борьбы с коммунистами для их изоляции было подготовлено 6 концентрационных лагерей, а ФБР составило список из 12 тысяч коммунистов и еще 18 тысяч «неблагонадежных». Тетерин П.В., Киселев М.А. Политика маккартизма в российской историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 126.
- ⁵⁶⁸ Кадровая служба органов безопасности: история и современность. М., 2013. С. 153.
- ⁵⁶⁹ Там же. С. 154.
- ⁵⁷⁰ Там же. С. 155.
- ⁵⁷¹ Справка по личному делу Фельдшера И.А. (копия) // Материалы Комнаты истории Института ФСБ России (г. Новосибирск).
- ⁵⁷² Школа контрразведки: Исторический сборник. Новосибирск: ИП-ПКС, 2000. С. 41.
- ⁵⁷³ Там же. С. 45.

-
- ⁵⁷⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-494. Оп. 1. Д. 21. Л. 34.
- ⁵⁷⁵ Там же. Л. 53–55.
- ⁵⁷⁶ Школа контрразведки: Исторический сборник. С. 56.
- ⁵⁷⁷ Там же. С. 62.
- ⁵⁷⁸ Там же.
- ⁵⁷⁹ ГАО. Ф. П-494. Оп. 1. Д. 21. Л. 54.
- ⁵⁸⁰ Ветераны Великой Отечественной войны – сотрудники Новосибирской школы контрразведки. Новосибирск: Ин-т ФСБ России (г. Новосибирск), 2010. С. 86.
- ⁵⁸¹ Там же. С. 25.
- ⁵⁸² Школа контрразведки: Исторический сборник. С. 63.
- ⁵⁸³ Там же.
- ⁵⁸⁴ Там же. С. 84.
- ⁵⁸⁵ Новосибирская школа контрразведки. М.: Русь, 2005. С. 63.
- ⁵⁸⁶ Там же. С. 152.
- ⁵⁸⁷ Там же. С. 154.
- ⁵⁸⁸ Там же. С. 153.
- ⁵⁸⁹ Там же.
- ⁵⁹⁰ Там же. С. 154.
- ⁵⁹¹ ГАО. Ф. П-494. Оп. 1. Д. 27. Л. 24–25.
- ⁵⁹² Новосибирская школа контрразведки. С. 155.
- ⁵⁹³ Школа контрразведки: Исторический сборник. С. 21.
- ⁵⁹⁴ Там же. С. 22.
- ⁵⁹⁵ Ветераны Великой Отечественной войны – сотрудники Новосибирской школы контрразведки. С. 41–42.
- ⁵⁹⁶ Школа контрразведки: Исторический сборник. С. 35.
- ⁵⁹⁷ Ветераны Великой Отечественной войны – сотрудники Новосибирской школы контрразведки. С. 57.
- ⁵⁹⁸ Там же. С. 77.
- ⁵⁹⁹ Школа контрразведки: Исторический сборник. С. 47.
- ⁶⁰⁰ ГАО. Ф. П-494. Оп. 1. Д. 27. Л. 46.
- ⁶⁰¹ Конфликт военный // Советская военная энциклопедия. М., 1979. Т. 4. С. 331; Конфликт военный // Военная энциклопедия: в 8 т. М., 1999. Т. 4. С. 165–166.
- ⁶⁰² *Кокошин А.А., Балувеский Ю.Н. и др.* Вопросы эскалации и деэскалации кризисных ситуаций, вооруженных конфликтов и войн. М., 2021. С. 60–61; *Панарин Ю.Н.* Гибридная война: теория и практика. М., 2017.
- ⁶⁰³ См.: *Белоусов И.И.* К вопросу о принятии политических и военных решений при вводе советских войск в Афганистан // Наука. Общество. Оборона. 2014. № 2 (3); *Корниенко Г.М.* Как принимались решения о

вводе советских войск в Афганистан и их выводе // Новая и новейшая история 1993. № 3. С. 107–118; *Топорков В.М.* Афганистан: советский фактор в истоках кризиса. Чебоксары, 2014; *Брачев В.С., Польшов М.Ф.* Политика СССР в отношении Афганистана в 1978–1991 годах // Научный диалог. 2019. № 9. С. 246–261; *Христофоров В.С.* Афганские события 1979–1989 гг.: от познания к осмыслению и признанию // Российская история. 2019. № 6. С. 3–21 и др.

⁶⁰⁴ См.: *Колтакиди А. И* снова все о нем... Загадки Андропова. URL: <https://dzen.ru/video/watch/66b0d0302650306801a9b02e> (дата обращения: 19.09.2024).

⁶⁰⁵ *Ляховский А.А.* Тайны афганской войны. М., 1991.

⁶⁰⁶ *Ибрагимов А.Т.* Судьба одного из нас // «Вышка», спасибо тебе! Воспоминания сокурсников 1971–1976 гг. М., 2021. С. 142.

⁶⁰⁷ Там же. С. 143.

⁶⁰⁸ Там же. С. 143–144.

⁶⁰⁹ *Христофоров В.С.* КГБ СССР в Афганистане, 1978–1989. К 20-летию вывода советских войск из Афганистана. М., 2009.

⁶¹⁰ *Ютов В.И.* «Каскад» и «Омега». ООО «Х-History», 2003; Военная контрразведка по пограничным войскам в Афганистане. (Деятельность особых отделов КГБ СССР по пограничным войскам в трансграничной операции 1979–1989 гг.). М., 2023.

⁶¹¹ От КУОС КГБ СССР до управления «В» Центра специального назначения ФСБ России // Лубянские чтения – 2020. Актуальные проблемы истории отечественных органов государственной безопасности: Сборник материалов XXIV научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». Москва, 27 ноября 2020 г. М., 2021. С. 416–426.

⁶¹² *Дроздов Ю.И., Курилов В.Н.* Операция Шторм – 333 // Альманах «Вымпел». 1999. №3; *Зайцев Г.Н.* Спецназ «Альфа»: дела и люди. СПб, 2016.

⁶¹³ *Богданов Л.П.* Поездка Ю.В. Андропова в Кабул // Спецназ России. 2011. №7 (178). URL: <http://www.specnaz.ru/article/?1935> (дата обращения: 5.05.2018).

⁶¹⁴ *Ибрагимов А.Т.* Указ. соч. С. 155–156.

⁶¹⁵ *Donald Barlett, James B. Steele.* The Oily Americans // The Time, May 13, 2003.

⁶¹⁶ Спецназ: органы безопасности. URL: <http://kaskad-4.narod.ru/istkaskad.html> (дата обращения: 19.10.2022).

⁶¹⁷ *Христофоров В.С.* Подготовка сотрудников КГБ СССР для работы в Афганистане (1978–1991 гг.) // Лубянские чтения – 2021. Актуальные проблемы истории отечественных органов государственной безопасно-

сти: сборник материалов XXV научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». Москва, 26 ноября 2021 г. / Войсковая часть 33965. М., 2022. С. 295–305.

⁶¹⁸ От КУОС КГБ СССР до управления «В» Центра специального назначения ФСБ России. // Лубянские чтения – 2020. Актуальные проблемы истории отечественных органов государственной безопасности : сборник материалов XXIV научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». Москва, 27 ноября 2020 г. / М., 2021. С. 416–426.

Научное издание

Научный редактор Н.С. Кирмель
Составитель А.И. Хрисанов

ЛУБЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2024.

УЧАСТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОЙНАХ
И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ XX СТОЛЕТИЯ.
К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
